

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER ONE

JANUARY – FEBRUARY

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2019

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБЮ Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж — Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинкский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemec-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSэрэнчимэдийн Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Татевосов С.Г., Киселева К.Л.</i> Идентификация событий в префиксально-постфиксальном словообразовании	7
<i>Kobozeva I., Ivanova O., Zakharov L.</i> Towards Multimodal Modelling of Verification Discourse Markers in Russian Dialog	36
<i>Егизарян П.Э.</i> Темпоральные формы перифразы <i>ir + inf.</i> в пиренейском варианте португальского языка	50
<i>Сорокина В.В.</i> Новые направления немецкой литературной критики (по материалам журнала “ <i>Osteuropa</i> ”)	62

Санкт-Петербургская Школа функциональной грамматики (ИЛИ РАН)

<i>Воейкова М.Д., Казаковская В.В.</i> Санкт-Петербургская Школа функциональной грамматики: история и перспективы развития	86
<i>Урманчиева А.Ю.</i> Передача чужой речи в фольклорных текстах на северных говорах селькупского языка	98
<i>Байда К.А.</i> Функционирование инфинитивов в речи русского ребенка до трех лет	111
<i>Сосновцева Е.Г.</i> Семантика форм прошедшего времени в памятниках русской агиографии XVI—XVII вв.	133

Слово и визуальный образ: «случай» Вирджинии Вулф

<i>Фолкнер П.</i> Вместо предисловия	143
<i>Рейнгольд Н.И.</i> Слово, знак и движение в прозе Вирджинии Вулф	146
<i>Морженкова Н.В.</i> Визуальность и текстуальность: В. Вулф о кино и литературе	159
<i>Рыбина П.Ю.</i> Эффекты киноадаптации: антикварный фильм, «Миссис Дэллоуэй» и Марлен Горрис	172

Из архива

<i>Красникова А.С.</i> «Улялаевщина» в семейном архиве Ильи Сельвинского . .	187
--	-----

Рецензии

<i>Захарова В.Т.</i> Рецензия на кн.: Михайлова М.В., Назарова А.В. Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова. North Carolina, USA: Open Science Publishing Raleigh, 2018	201
<i>Чекалов К.А.</i> Рецензия на кн.: Х а ч а т р я н Н. М. Французская неоромантическая проза. Ереван: Лингва, 2017	206

Научная жизнь

К 70-летию юбилею испанистики

<i>Оболенская Ю.Л.</i> Иберо-романистика в МГУ: от штудий М.В. Ломоносова к созданию школы	213
<i>Токарев Г.В.</i> Тульский форум фразеологов	223

Юбилей

<i>Ананьева Н.Е.</i> Ольга Олдржиховна Лешкова	229
<i>Индыченко А.А.</i> Константин Васильевич Лифанов	233

Памяти...

<i>Нефедова Е.А.</i> Оксана Герасимовна Гецова	236
--	-----

CONTENTS

Articles

<i>Tatevosov S., Kiseleva K.</i> Event Identification in Russian Circumfixal Derivation	7
<i>Kobozeva I., Ivanova O., Zakharov L.</i> Towards Multimodal Modelling of Verification Discourse Markers in Russian Dialogue	36
<i>Egizaryan P.</i> Temporal Forms of the Periphrasis <i>Ir + Inf.</i> in European Portuguese	50
<i>Sorokina V.</i> New Trends in German Literary Critics: The Osteuropa Journal ..	62

Saint Petersburg School of Functional Grammar (Institute of Literature, Russian Academy of Sciences)

<i>Voeikova M., Kazakovskaya V.</i> Saint Petersburg School of Functional Grammar: History and Development Prospects	86
<i>Urmanchieva A.</i> Reported Discourse in Folklore Texts in Northern Varieties of Selkup	98
<i>Bayda K.</i> The Functioning of Infinitives in the Speech of Russian Children under Three Years	111
<i>Sosnovitseva E.</i> Semantics of Past Verb Forms in Russian Hagiography of the 16th and 17th Century	133

The Case of Virginia Woolf: The Word and How It Is Reflected in Prose

<i>Faulkner P.</i> Introduction	143
<i>Reinhold N.</i> Verbal, Visual and Kinesic Aspects of Virginia Woolf's Prose	146
<i>Morzhenkova N.</i> Visuality and Textuality: V. Woolf about Film and Literature ..	159
<i>Rybina P.</i> The Effects of Film Adaptation: The Heritage Film, <i>Mrs. Dalloway</i> , and Marleen Gorris	172

From Archives

<i>Krasnikova A.</i> <i>Uljalaeвшchina</i> in the Family Archive of Ilja Selvinskij	187
---	-----

Book Reviews

<i>Zakharova V.</i> Book Review: <i>Mikhaylova M.V., Nazarova A.V.</i> The Imprinted Russia. Articles about the Work of Eugene Nikolaevich Chirikov. Open Science Publishing Raleigh, North Carolina, USA, 2018	201
<i>Chekalov K.</i> Book Review: <i>Khachatryan N.M.</i> French Neoromantic Prose. Yerevan: Lingva Publ., 2017	206

Scientific Life

Celebrating the 70th Anniversary of Spanish Studies

<i>Obolenskaya Yu.</i> Ibero-Romance Studies at Moscow University: From Lomonosov to Today	213
<i>Tokarev G.</i> The Tula Forum of Phraseologists	223

Anniversaries

<i>Ananyeva N.</i> Celebrating Olga Leshkova	229
<i>Indychenko A.</i> Celebrating Konstantin Lifanov	233

In memoriam...

<i>Nefedova E.</i> Oksana Getsova	236
---	-----

СТАТЬИ

С.Г. Татевосов, К.Л. Киселева

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОБЫТИЙ В ПРЕФИКСАЛЬНО-ПОСТФИКСАЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ¹

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Московский педагогический государственный университет
19435, Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1*

*Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН,
Москва, Волхонка, 18/2, Россия*

В статье обсуждаются структурные и семантические характеристики префиксально-постфиксальных глаголов на *у-* *-ся* и *об-* *-ся*, в которых они деривируются от вторичных имперфективных основ. Основная проблема, которую они создают для теоретического анализа русского глагольного словообразования, состоит в том, что в этом случае в составе производного глагола допускается два лексических префикса, невозможные в других конфигурациях. В статье предлагается анализ, который опирается, с одной стороны, на генеративно-синтаксический подход к продуктивной деривационной морфологии, а с другой — на тот вариант теоретико-модельной семантики, который получил известность как семантика событий. Дистрибуция префиксов в составе рассматриваемых глаголов объясняется при помощи допущения, что в префиксально-постфиксальной конфигурации присутствуют две глагольные группы. Одна из них проецируется лексическим глаголом, вторая — фонологически не реализуемой глагольной вершиной. Каждая глагольная вершина способна лицензировать лексический префикс. Семантическая интерпретация этой конфигурации обеспечивается правилом обобщенной идентификации событий, которое

Татевосов Сергей Георгиевич — доктор филологических наук, профессор РАН, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией общей семантики Института современных лингвистических исследований МПГУ (e-mail: tatevosov@gmail.com).

Киселева Ксения Львовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (e-mail: xenkis@mail.ru).

¹ Работа первого автора поддержана грантом РНФ (проект 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемый в МПГУ). Авторы глубоко признательны О.В. Кукушкиной за обсуждение вопросов, связанных с конфиксацией / циркумфиксацией в русском языке, и анонимным рецензентам «Вестника Московского университета» за комментарии, позволившие, как мы надеемся, сформулировать некоторые положения статьи более отчетливо и внятно.

создает пересечение экстенсионалов соответствующих событийных предикатов. Роль постфикса *-ся* сводится к операции рефлексивизации, которая устраняет некорректность актантной структуры, возникающую в результате идентификации событий.

Ключевые слова: префиксально-постфиксальное словообразование; лексическая префиксация; супралексическая префиксация; семантика событий.

1. Введение

Цель этой статьи — предложить несколько наблюдений о морфосинтаксисе и семантике префиксально-постфиксальных глаголов на *у-* *-ся* и *об-* *-ся* и обсудить теоретические следствия из этих наблюдений.

Глаголы этого типа имеют несколько значений, перечисленных в [РГ, 1980]. Мы сосредоточимся на их семантически близких употреблениях, описываемых в (1а-с):

(1) а. *у-* *-ся*

‘дойти до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, истощенности) в процессе длительного или интенсивного действия, названного мотивирующим глаголом’ (*убегаться* (разг.) ‘утомиться от длительного бега’, *уездиться* (прост.), *упрыгаться* (разг.), *уходиться* (прост.)).

б. *об-* *-ся*

‘за длительное время или с большой интенсивностью совершить действие, названное мотивирующим глаголом’ (*обыскаться* (прост.) ‘потратить много времени в поисках кого-чего-л., обыскать все, везде’, *обхохотаться* (прост.)).

с. *об-* *-ся*

‘действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с излишней интенсивностью, причинив себе неприятность’ (*обвестся* ‘съесть слишком много, до пресыщения’, прост.: *облопаться*, *обожраться*, *обтрескаться*).

Такие употребления традиционно характеризуются как частные реализации интенсивно-результативного способа действия ([Исаченко, 1960] и последующая литература). Представленные в [РГ, 1980] примеры на каждую из этих возможностей показаны соответственно в (2)–(4):

(2) а. Без гостинца приедешь — **уревусь** (Яшин);

б. Я прямо **ухихикался** (Э. Дубровский);

с. Ребята другой раз так **уработаются** — шатаются идут (Чивил.).

(3) а. Разве с таким парнем худо в кино сходить? Ползава **обзавидуется** (Никол.);

б. Так строго говорила со снохой, что Нинка **обрыдалась** и обещала перемениться (А. Борщаговский).

(4) Капустки с сыренькой водичкой **обхлебались** (Леон.).

Мы предполагаем, что сказанное ниже о (1а–с) распространяется (возможно, с некоторыми уточнениями) и на другие значения/употребления интенсивно-результативных глаголов на у- *-ся* и об- *-ся*, а также на многие другие префиксально-постфиксальные глаголы. В оставшейся части статьи, однако, мы сосредоточимся главным образом на материале глаголов из (1а–с).

Как указывает Е.А. Земская и ее соавторы, «глаголы данного способа образования характеризуются общими семантическими чертами: они указывают на высокую интенсивность, насыщенность, исчерпанность действия и характеристику его результата. Названные семантические особенности обуславливают определенную экспрессивно-оценочную значимость подобных глаголов» [Земская et al., 1981: 136]. Вследствие этого, по всей видимости, рассматриваемая деривационная модель наиболее активна в разговорном регистре.

Известная нам литература по русскому глагольному словообразованию, опирающаяся на классические работы Н.С. Авиловой [Авилова, 1964], В.Н. Головина [Головин, 1959; 1967; 1974; 1976], В.В. Лопатина [Лопатин, 1977], А.Н. Тихонова [Тихонов, 1998], оперирует в основном материалом, где глаголы, образуемые с помощью элементов типа у- *-ся* и об- *-ся*, мотивированы непроеизводными имперфективными основами. Таковы, в частности, все примеры из (2)–(4). Если согласиться с предположением, что у- *-ся*, об- *-ся* и аналогичные единицы представляют собой единый морфологический показатель, обрамляющий производящую основу (существует традиция использовать для обозначения таких единиц термины «циркумфикс» или «конфикс»), то деривация глаголов из (2)–(4) происходит в один шаг:

- (5) реве- → **у**-реве- *-ся*
хихика- → **у**-хихика- *-ся*
работа- → **у**-работа- *-ся*
завидова- → **об**-завидова- *-ся*
рыда- → **об**-рыда- *-ся*
хлеба- → **об**-хлеба- *-ся*

В разделе 4 мы сформулируем наши предположения о функции префиксального и постфиксального компонентов таким образом, что предполагать их циркумфиксальный характер более не потребуется (см.: Земская, 2011; Левицкая, 2012; Марков, 2001; Минеева, 2015), где обсуждается проблема эмпирической реаль-

ности конфи́ксов в русском языке). Однако сейчас намного важнее другой вопрос: верно ли, что непрое́изводная² имперфективная основа — единственный деривационный источник для глаголов рассматриваемого класса?

В этом месте возникает эмпирическая проблема, составляющая основное содержание предлагаемых заметок. Внимательное исследование корпусного материала, в особенности близкого к разговорному и просторечному регистрам (чаты, обсуждения, диалоги на интернет-форумах и т.п.), обнаруживает значительное количество глаголов интересующего нас типа, образованных от вторичных имперфективных основ. Эта возможность, насколько мы можем судить, систематически не обсуждалась в предшествующей литературе по предмету. Некоторые корпусные примеры показаны в (6)–(7); для каждого случая мы приводим левый контекст, необходимый для понимания иллюстративного предложения:

(6) а. — А какие еще-то форварды сейчас 5???

— Кержаков, Кокорин..... не?

— Кержаков аж **узабивался**.))) Про Кокорина ничего не могу сказать...

б. Сейчас автор сама распоряжается своим бюджетом. А при возвращении она окажется под контролем М. И я готова поставить на то, что все, что муж ей даст, он же и проест, а потом ее же и тыкать будет, что он весь **узарабатывался**, а она все деньги потратила непонятно на что.

с. Первый альбом «Депутата Балтики» писал человек, у которого был четырехканальный кассетный магнитофон — и это было мегакруто... Сейчас это, конечно, смешно: на ноутбук, даже на планшет можно хреначить все, вообще не напрягаясь, причем с таким качеством! То есть чуть-чуть не повезло. Чуть-чуть бы попозже — он бы **узаписывался**, это было бы столько проектов, у него была куча идей. Жалко.

д. — Я слышал, народ сидит у шамана пару недель, видимо до полного открытия третьего глаза. Расскажи, если можешь, о впечатлениях, не по-детски интересно.

— Практики через день, дней десять. Мы были на одной, так как ехали путешествовать. Часть русских осталась наподольше «открывать третий глаз». Большой немец, думаю, **уоткрывался**: до Августина он был еще у двух шаманов.

е. Самое ненавистное заболевание зимой — насморк! Вчера чихал весь день, сегодня «прорыв центральной трубы». (((**Узакapывался** всем, чем можно и нельзя.

² Здесь и далее непрое́изводной глагольной основной мы называем основу, которая не участвовала в каких-либо деривациях, превращающих глагол в другой глагол.

f. — Если активация слетает, достаточно один файл переписать в папку с установленной программой.

— Я выше написал, что в этом случае не помогало. **Упереписывался**. Слишком много сетевых карт было в компьютере.

(7) *Об- -ся*

a. — И не стыдно тут свои ссылки размещать? Если уж хочешь поделиться с народом, то давай прямые нормальные ссылки а не со вставленным своим рефом, пытаясь на этом заработать. — **Обзарабатывался** прям на тебе. Дворец построю теперь. Ссылки скопированы с ютуб-обзора чьего-то.

b. — Вот поэтому меня и удивляют люди, которые едут в США. Ученые и специалисты работают там, конечно, хорошо, может быть, только забывают, что платят налогов, больше, чем в России, а потом, кстати, могут запросто попасть в неудобные, и вклатят им такие штрафы, что придется МИДу РФ вытаскивать их с задницы.

— Да МИД прям весь **обвытаскивался**!

c. — В наличии целых две пилорамы, и право их всячески запускать, шевелить рудами, закрылками, и нажимать на все существующие кнопки по необходимости. Было бы чем записать звуки, **обзаписывался** бы!

d. — Если вызвать диалог настроек панельки, потом закрыть его, а потом кликнуть мышкой на рабочем столе,... то автоскрытие панельки не срабатывает. Обнаружил такое поведение при закрытии окна настроек из панели задач...

— Странно, но у меня такое в этот раз только при первом открытии окна настроек было. Сейчас **оботкрывался-обзакрывался**, но дальше не воспроизводится.

e. — Марганец можно найти в сундуках в подземельях. Там же машинка электрическая для копания и прочие электроинструменты. Хром — там же, либо переработав рубины в электролизере.

— Я **обперерабатывался** рубинов, ископал всю пустыню.

Если по-прежнему анализировать элементы у- -ся, об- -ся и аналогичные как циркумфиксы/конфиксы, деривационная структура глаголов из (6)–(7) выглядит так, как показано в (8) для глаголов *узабиваться*, (6а), и *обзарабатываться*, (7а).

(8) a. би- → за-би- → за-би-ва- → об-за-би-ва- -ся.

b. работа- → за-работа- → за-рабат-ыва- → об-за-рабат-ыва- -ся.

Как видно из (8а–b), до присоединения циркумфикса происходит префиксация, превращающая морфологически элементарную основу в префиксальную перфективную, а затем вторичная имперфективация.

Вторичная имперфективация, по всей видимости, не несет значительной семантической нагрузки и происходит главным образом для удовлетворения селективных ограничений показателей *у-* *-ся* и *об-* *-ся*. На это указывает недопустимость этих показателей в комбинации с перфективными основами, как с префиксальными, так и беспрефиксальными. Последние иллюстрируются в (9) и (10):

(9) Основа *реши-*

а. И вот он ее решает-решает, **об-реша-л-ся** || ***об-реши-л-ся** весь. Видно же со стороны — насилует ситуацию.

б. В его возрасте проблемы решают по мере поступления, а он и так **урешался** || ***у-реши-л-ся** за день.

(10) Основа *купи-*

а. Какой прекрасный покупатель в нижнем правом углу на нижней картинке! **У-покупа-лся** || ***у-купи-л-ся** по самое немому.

б. Респект за народный рецепт, совсем позабыл. **Об-покупа-л-ся** || ***об-купи-л-ся** уже всякой химии — все-равно достают, гады.

Если примеры типа (9)–(10) указывают на селективное ограничение на имперфективность основы, присущее показателям *у-* *-ся* и *об-* *-ся*, то необходимость вторичной имперективации для тех случаев, когда отправной точкой деривации выступает префиксальная перфективная основа, как в (6)–(7), вытекает без всяких дополнительных допущений. Удаление показателя вторичного имперфектива из деривационной цепочки, очевидно, приводит к неграмматичности. Это иллюстрируют (11)–(12), полученные из (6)–(7) заменой вторичной имперфективной основы на префиксальных перфективную:

(11) а. *Кержаков аж **узабился**.

б. *... он весь **узаработался**.

с. *... он бы **узаписался**.

д. *Больной немец, думаю, **уоткрылся**.

е. ***Узакапался** всем, чем можно и нельзя.

ф. ***Упереписался**. Слишком много сетевых карт было в компьютере.

(12) а. ***Обзаработался** прям на тебе.

б. *Да МИД прям весь **обвытаскался**!

с. *Было бы чем записать звуки, **обзаписался** бы!

д. *Сейчас **оботкрылся-обзакрылся**, но дальше не воспроизводится.

е. ***Я обпереработался** рубинов, ископал всю пустыню.

Таким образом, имперфективность производящей основы не составляет, по-видимому, большой загадки. Глаголы в (6)–(7) примечательны другим своим свойством, которое сформулировано в (13):

(13) В глаголах, образованных от вторичных имперфективных основ, префиксальный элемент показателей типа *у-* *-ся* и *об-* *-ся* зани-

мает позицию, которая не ожидается с точки зрения имеющих на данный момент обобщений о префиксации в русском языке.

Чтобы в полной мере оценить нетривиальность структуры рассматриваемых глаголов, описанную в (13), нам понадобится короткий экскурс в теорию русской префиксации, предлагаемый в следующем разделе.

2. Лексические и супралексические префиксы

Русские префиксы распадаются на два больших класса — внутренние, или лексические, и внешние, или супралексические. Первым исследователем, который обосновал это противопоставление, была, по-видимому О.В. Бабко-Малая [Babko-Malaya, 1999]³, которая описала несколько существенных различий между двумя классами, первое из которых, — различие в характере выражаемых значений.

Супралексические префиксы известны в славистике как показатели способа действия... Это *за-* в значении ‘начинать (ся)’, *от-* и *до-* в значении ‘завершать (ся)’, *по-* (‘в течение коротко времени’) и *про-* (‘в течение долгого времени’). Эти префиксы имеют стабильное значение и соответствуют фазовым глаголам и обстоятельствам в английском и других языках. Лексические префиксы, в частности, чистовидовые и результативные, не имеют стабильного значения...

Как видно из этой цитаты, за разделением префиксов на две группы стоит в первую очередь семантическая интуиция: часть из них имеет значение, регулярно воспроизводящееся в любом лексическом контексте и как бы независимое от него, а другая часть обнаруживает склонность к слиянию со значением основы в неразложимое целое.

Помимо перечисленных у О.В. Бабко-Малой, к группе супралексических префиксов относятся также репетитивный *пере-*, комплетивный *до-*, аттенуативные *при-* и *под-*, дистрибутивные *пере-* и *по-*, кумулятивный *на-*, делимитативный *по-*, пердуративный *про-* [Romanova, 2004; 2006; Ramchand, 2004; Svenonius, 2008; Татевосов, 2009; 2013; 2014]. Супралексические префиксы, далее, распадаются по меньшей мере на три частные разновидности [Татевосов, 2009; 2012; 2013].

Говорить о членстве того или иного префикса в одном из классов осмысленно лишь применительно к определенному значению. Например, *на-* в кумулятивном значении (*наварить варенья, набрать грибов, настроить домов* и т.п.) — супралексический префикс, однако при так называемом чистовидовом употреблении (как в *написать*) эта же единица проявляет свойства лексического префикса.

³ Впервые противопоставление внешних и внутренних префиксов было введено, насколько нам известно, в работах А.-М. Ди Шулло [Di Sciullo, 1997; 1999] на романском материале.

Примечательное обобщение по поводу русской префиксальной системы состоит в том, что все имеющиеся префиксы имеют лексические значения/употребления. Есть, однако, префиксы, лишенные супралексических вариантов. Это, в частности, *в-/во-*, *вз-/взо-*, *воз-/возо-*, *вы-*, *над-/надо-*, *низ-/низо-*, *о-*, *об-/обо-*, *пред-/предо-*, *с-/со-* и *у-*.

Наиболее важное различие лексических и супралексических префиксов связано с их позицией в глагольной основе. Соответствующее обобщение представлено в (14):

- (14) **Обобщение о позиции.** Если в основе имеются и лексический префикс и супралексический, первый располагается ближе к корню, а второй — на левой периферии основы.

Контрпримеров для этого обобщения не существует. (15)–(16) иллюстрируют его для инцептивного *за-* и делимитативного *по-* в комбинации в лексических префиксами *вы-*, *о-*, *с-*:

- (15) Инцептивный префикс *за-* vs. лексические префиксы (*вы-*, *о-*, *с-*).

а. А я **за-вы-ступал** только когда понял, что придется сдавать тригонометрию, а я в ней уже ни в зуб ногой. [schulldichsz.diary.ru]
а'. * ... *вы-за-ступал* ...

б. — Я же не напрашиваюсь! Касаткин испуганно **за-о-глядывался**. — Потихе. [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // «Октябрь», 2002]

б'. **о-за-глядывался*.

с. В случае, если самолет сбивался над своей территорией — тут уже требовались свидетельства наземки. И как-то странно выходит — пока они наступали, т.е. наземка могла свидетельствовать в пользу экспертов, они сбивали мало. Как только начали отступать — вдруг **за-с-бивали** пачками!! [www.fido7.spb.su]

с'. с (*о*)-*за-бивали*.

- (16) Делимитативный префикс *по-* vs. лексические префиксы (*вы-*, *о-*, *с-*).

а. Повозили туда, сюда, **по-вы-ступал** он в залах и комнатах, в разных цехах и кооперативах, наконец десерт — неделя на море. [Анатолий Найман. Пропущенная глава // «Октябрь», 2001]

а'. ... **вы-по-ступал* ...

б. Если никто на меня не обидится, то я немного **по-о-писываю** разных (знакомых мне) людей (постараюсь имён не называть). [boundary-s.livejournal.com]

б'. *... *о-по-писываю*.

с. В основном сидел над GT3, по нему еще много работы, но уже хоть что-то есть. Кузов из "Carbona", весь в дыры расклеенный,

я немного **по-с-клеивал** (но еще не до конца), затекстурил, вот первые in-game скрины.

с'. *... с-по-клеивал ...

Варианты а', б' и с' показывают, что глагольных основ с перестановкой лексического и внешнего префикса не существует: эти основы отвергаются носителями русского языка и не обнаруживаются в корпусах.

Другое важное обобщение описывает количественное ограничение:

(17) **Обобщение о единственности.**

В составе основы допускается не более одного лексического префикса. Количество супралексических префиксов не ограничено.

Это обобщение также подкрепляется наблюдениями над множественной префиксацией. Если в основе имеется более двух префиксов, то супралексическими оказываются все, кроме, возможно, одного, присоединяемого непосредственно к корню. Вот несколько примеров с тройной префиксацией, в которых исходной точкой деривации выступает основа *писа-*:

(18) За это время успел познакомиться с огромным количеством народа, от ныне здравствующих Night Wolves до почти сгинувших в пространстве и времени окрестных бэд бойз и гопников, которым благодаря своим тогдашним связям **на-пере-за-писывал** страшное количество музыкального железа.

(19) В среду к участковой, все **по-до-вы-писываю** — и сразу обменку подписывать.

(20) Фотоотчет **до-пере-под-писал**))), победителям дописал оснастку.

В этих примерах имеется по три префикса, но лишь один лексический — тот, который присоединяется непосредственно к основе *писа-* — соответственно *за-*, *вы-* и *под-*. Все остальные — кумулятивный *на-* и репетитивный *пере-* в (18), комплетивный *до-* и дистрибутивный *по-* в (19), а также комплетивный *до-* и репетитивный *пере-* в (20) — представляют собой супралексические префиксы.

Как объясняются обобщения (14) и (17)? В этом месте становятся существенны соображения о иерархической структуре глагола и проецируемой им глагольной группы. Схема (21) показывает, например, структуру глагола *наперезаписывать* из (18):

(21)

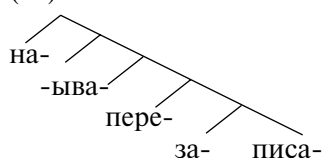

Схема отражает очевидные обобщения о том, как части глагола соединяются в целое. Сначала основа *писа-* и префикс *за-* образуют основу *записа-*, затем к ней присоединяется *пере-*, и получается *перезаписа-*; затем происходит вторичная имперфективация посредством *-ыва-*, дающая *перезаписыва-*, и наконец последним возникает префикс *на-*⁴.

Важное направление современных исследований морфосинтаксиса опирается на идею о том, что иерархические структуры типа (21), которые традиционно рассматриваются в рамках автономного морфологического уровня грамматики, представляют собой составную часть структур синтаксических составляющих. Иными словами, в грамматике естественного языка одни и те же правила, принципы и ограничения отвечают как за построение предложений из слов, так и за построение слов из морфем. В пределах этого текста у нас нет возможности обсуждать теоретические предпосылки и следствия такого взгляда на вещи. В контексте текущего обсуждения существенно то, что этот подход позволяет сформулировать достаточно простое и интуитивно убедительное объяснение обобщений (14) и (17).

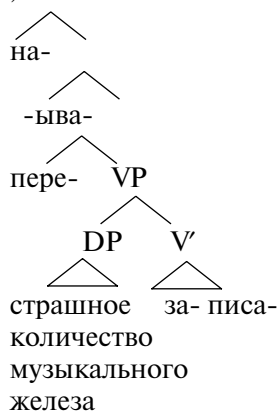
Первое, что следует предположить: лексические и супралексические префиксы различаются структурной позицией. Это предположение выдвинуто уже в диссертации О.В. Бабко-Малой:

Предположив, что два класса префиксов различаются синтаксической позицией, мы предсказываем, что лексические префиксы модифицируют значение глагола, а супралексические являются модификаторами глагольных групп или целых предложений. [Babko-Malaya 1999]

Преобладающее понимание префиксов, сложившееся в последующих работах, в целом следует этой идее, хотя и вносит в нее определенные уточнения. Сложилась традиция теоретизирования, согласно которой лексические префиксы присоединяются внутри глагольной группы, а супралексические — за ее пределами. Для (18), опуская детали, мы получаем структуру в (22):

⁴ Рецензент «Вестника Московского университета» просит уточнить, почему для *перезаписывать* невозможно предположить альтернативную деривацию, при которой к *записа-* сначала присоединяется показатель вторичного имперфектива, а затем репетитивный префикс *пере-*. Для такого вывода есть две эмпирические причины, которые подробно обсуждаются в [Татевосов, 2009, 2013]. Во-первых, если бы последним шагом в деривации была префиксация, образовался бы глагол совершенного вида. Это, однако, не так. Во-вторых, следующий шаг, который показан в (21), — присоединение кумулятивного префикса *на-*, — стал бы невозможен. *На-* нуждается в основе несовершенного вида, ср. *назабивал* (*кучу голов в ворота «Спартака»*) и **назавил* (*кучу голов в ворота «Спартака»*). Присоединение *-ыва-* после *пере-* обеспечивает *на-* необходимой конфигурацией, а обратный порядок аффиксации — уничтожает ее.

(22)

В (22) все супралексические префиксы, а также показатель *-ыва-* расположены за пределами группы лексического глагола VP. Поскольку их точная категориальная идентификация для нас не важна, соответствующие узлы дерева составляющих оставлены без ярлыков. Глагольная группа создается соединением глагола и прямого дополнения *страшное количество музыкального железа*. Мы исходим из того, что прямое дополнение выступает спецификатором в глагольной группе. Соответственно, как глагольная основа, так и лексический префикс — это элементы составляющей V' (к ее внутренней структуре мы вскоре вернемся).

Структура (22) верно предсказывает обобщение (14). Будучи элементом глагольной группы, любой лексический префикс с неизбежностью оказывается линейно ближе к корню, чем любой супралексический, расположенный за ее пределами. Получает объяснение и меньшая семантическая композициональность лексических префиксов. Более короткая структурная дистанция между аффиксом и лексической категорией, в данном случае глаголом, создает благоприятные условия для их идиоматического взаимодействия⁵.

Для объяснения обобщения (17) требуется, однако, дополнительное допущение. Супралексические префиксы, как мы видели, допускаются в количестве больше одного. Это указывает на то, что их позиции в структуре независимы. Присоединение одного такого пре-

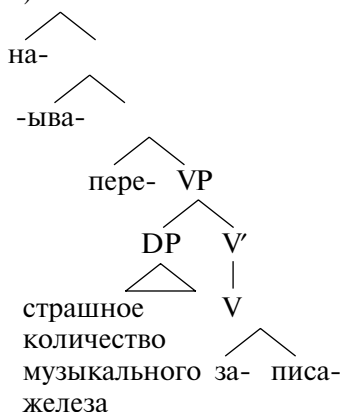
⁵ Синтаксически-ориентированные исследования идиом приходят к важному эмпирическому обобщению (см., например, Fellbaum 2014): в иерархической структуре идиоматичность прирастает монотонно. Если имеется, например, последовательность вершин $F_1 > F_2 > F_3$, мы встречаем в языках идиомы, содержащие F_2 и F_3 , а также F_1 , F_2 и F_3 , но не F_1 и F_3 , исключая F_2 . Соответственно, вероятность идиоматического взаимодействия между вершинами тем выше, чем более локально они расположены. Мы признательны рецензенту «Вестника Московского университета», предложившего нам сделать это разъяснение.

фикса не исключает использования другого (при условии, конечно, что конечный результат удовлетворяет селективным ограничениями и оказывается семантически интерпретируемым). Если это так, то единственность лексического префикса должна вытекать из этого, что любые такие префиксы реализуют один и тот же элемент структуры, то есть присоединяются в одной и той же позиции.

В литературе этот структурный элемент обычно отождествляется с дескрипцией результирующего состояния, возникающего при осуществлении события, описываемого глагольным корнем. Например, *на-* в *написать* вводит в рассмотрение результирующее состояние, которое приобретает объект, создаваемый в процессе писания; *с-* в *списать* — состояние объекта, копируемого в процессе писания, *под-* в *подписать* — объекта, у которого появляется необходимый завершающий элемент («подпись»), и т.д. Если для любого процесса в структуре можно задать ровно одно результирующее состояние, это объясняет, почему лексический префикс может быть только один.

О.В. Бабко-Малая делает самое минималистичное допущение из возможных: префикс представляет собой вершинный адьюнкт. Вопрос о возможности вершинной адьюнкции в синтаксической литературе нельзя признать полностью улаженным. При этом даже в тех вариантах теории, где такое допускается, не существует принципиальных ограничений на количество адьюнктов; соответственно, единственность лексического префикса в этом случае вытекает из семантических соображений. В духе О.В. Бабко-Малой структуру предложения (18) можно анализировать как (23) (к проблеме вершинной адьюнкции мы вернемся в разделе 4):

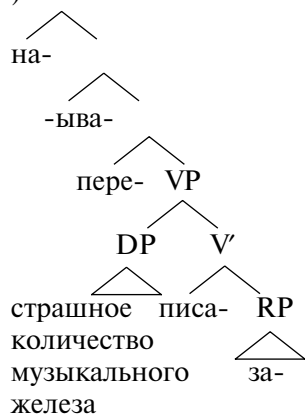
(23)

Имеется и другая традиция: синтаксический элемент, отвечающий за внедрение в структуру результирующего состояния, рассматривается как отдельная вершина. Обычно она обозначается

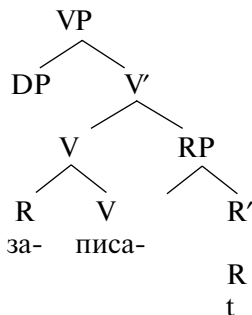
как R (от *result*), а ее фразовая проекция — как RP. Как правило, она анализируется как комплемент глагольной вершины V, образующий вместе с ней составляющую V'. В этой традиции уточненный вариант анализа для (18) выглядит как (24):

(24)

Фонологически корректная цепочка /наперезаписыва-/ получается из (24) в результате операции, известной в синтаксисе как передвижение вершины. Передвижение вершины *за-* и ее соединение с вершиной *писа-* показано в (25):

(25)

Сложная вершина [_V за-писа-] затем точно так же передвигается к вершине *пере-*, затем все вместе — к вершине *-ыва-* и так далее. Мы исходим из того, что взаиморасположение вершин в каждом конкретном случае (т.е. лево- или правосторонняя адъюнкция) определяется тем, что одна из вершин представляет собой аффикс. *За-*, например, — это префикс, который должен располагаться слева от основы, а *-ыва-* — суффикс, место которого справа. В префиксально-суффиксальном языке, таком, как русский, информацию о позиционном типе аффикса в любом случае невозможно удалить из его описания, так что такое понимание морфологической деривации глагола не обременяет теорию дополнительными допущениями. Мы

предполагаем, что удовлетворение линейных потребностей аффикса — единственное ограничение, задействованное при построении основы посредством передвижения вершины⁶. Не имея возможности комментировать передвижение вершины более подробно, мы отсылаем читателя к соответствующей синтаксической литературе, например, [Carnie 2008] и [Dékány 2018].

3. Двойная лексическая префиксация

Имея набор обобщений из раздела 2, мы можем вернуться к наблюдению, изложенному в (13), и конкретизировать его. (13) повторяется как (26):

(26) В глаголах, образованных от вторичных имперфективных основ, префиксальный элемент показателей типа *у-* *-ся* и *об-* *-ся* занимает позицию, которая не ожидается с точки зрения имеющих на данный момент обобщений о префиксации в русском языке.

Основная проблема с глаголами на *у-* *-ся* и *об-* *-ся* состоит в следующем. Префиксы *у-* и *об-*, основной компонент циркумфиксов / конфиксов, ни в одном из употреблений не зафиксированы как супралексические. Мы никогда не встречаем их поверх каких-либо других префиксов. В многопрефиксальных конфигурациях они всегда расположены в позиции, характерной для лексических префиксов: контактно с корнем. Тем не менее в (6)–(7) *у-* и *об-* имеют дистрибуцию, характерную для супралексических префиксов: они расположены на левой периферии основы, дальше от корня, чем второй лексический префикс.

Глаголы типа *узабаваться* в (6а) или *обзарабатываться* в (7а) тем самым явно выпадают из обобщений (14) и (17).

Априорно можно вообразить себе более одного решения этой проблемы. Во-первых, возможно, что высказывавшиеся в литературе обобщения о дистрибуции *у-* и *об-* неверны. Эти префиксы допускают супралексические употребления, с которыми мы и сталкиваемся в (6)–(7). Во-вторых, можно предположить, что неверно обобщение в (17). Префиксы *у-* и *об-* являются лексическими в том смысле, что их присоединение происходит внутри глагольной группы, однако префиксальных позиций в глагольной группе, вопреки (17), имеется больше одной. Наконец, в-третьих, возможно допустить, что никакие обобщения не нуждаются в корректировке: *у-* и *об-* — действительно лексические префиксы, а позиция для них в глагольной группе действительно ровно одна. Тогда примеры типа (6)–(7) указывают на то, что в конфигурациях с глаголами типа *узабаваться* и *обзарабатываться* представлены две глагольные группы.

⁶ Мы признательны рецензенту «Вестника Московского университета», склонившего нас к этим минимальным пояснениям.

Первые два решения, на наш взгляд, создают для теории русского глагола трудноразрешимые эмпирические проблемы, что указывает на третье как наиболее приемлемое.

Хуже всего второе решение. Оно принуждает отказаться от обобщения (17). Если (17) неверно, можно ожидать, что среди многопрефиксальных русских глаголов должны быть представлены в серьезной пропорции глаголы с двумя лексическими префиксами — например, *вз-* и *вы-*, *у-* и *с-* и т.д. Очевидно, ничего подобного не наблюдается.

Эмпирически уязвимо и первое решение. Основная проблема связана с тем, что, помимо обсуждаемых префиксально-постфиксальных глаголов, ничто не указывает на супралексический статус *у-* и *об-*. Все указывает на обратное. Вот один пример.

В значении ‘дойти до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, истощенности) в процессе длительного или интенсивного действия’ (см. (1)), префикс *у-* допускается не только при наличии постфикса *-ся*, но и в его отсутствие. Характерный пример показан в (27a); (27b) представляет собой минимальную пару, где *у-* представлен в том же значении, но в комбинации с *-ся*:

(27) а. Сегодня мой Бармалей меня **у-гуля-л** в прямом смысле слова: спина отваливается, ноги оттоптал напрочь.

б. Песик **у-гуля-л-ся**, и приперся спать под дверью у котика.

Предположим, как подсказывает первое решение, что *у-* в этом значении проявляет свойства супралексического префикса. Если это так, мы должны наблюдать эти проявления не только в конфигурациях типа (27b), но и в конфигурациях типа (27a). Должны существовать глаголы, похожие на *угулять* в (27a), где *у-* присоединяется к вторичной имперфективной основе поверх лексического префикса. Таких глаголов, по-видимому, не существует. Чтобы убедиться в этом, можно проделать простой эксперимент: взять глаголы из (6)–(7) и попытаться получить из них такую же пару, как *угулять*—*угуляться*. Отрицательный результат показан в (28): у возвратных элементов нет переходных аналогов; последние неграмматичны и неинтерпретируемы.

(28) а. *узабиваться* || **узабивать*.

б. *узарабатываться* || **узарабатывать*.

с. *узаписываться* || **узаписывать*.

д. *уоткрываться* || **уоткрывать*.

е. *узакапываться* || **узакапывать*.

ф. *упереписываться* || **упереписывать*.

Эти соображения подводят нас к двум выводам. Во-первых, отказ от обобщений, обсуждавшихся в предыдущем разделе, эмпирически непривлекателен. Мы будем и дальше исходить из того,

что у- и об- — лексические префиксы и что лексический префикс в глагольной группе может быть только один. Это означает, что там, где наблюдаются два лексических префикса, следует предполагать две глагольные группы, как и подсказывает третье из обсуждавшихся выше решений. Во-вторых, двойная лексическая префиксация засвидетельствована только в циркумфиксальной конфигурации, когда второй лексический префикс комбинируется с постфиксом -ся. Анализ должен объяснять, почему постфиксация обязательна.

В следующем разделе мы изложим наброски такого анализа. Он содержит значительное количество технических подробностей из области формального синтаксиса и теоретико-модельной семантики. Мы, однако, надеемся, что основные обобщения, которые этот анализ должен отражать, понятны и на неформальном, интуитивном уровне.

4. Двойная глагольная группа

Идея о том, что в многопрефиксальных конфигурациях следует предполагать две глагольные группы, уже высказывалась в литературе. В диссертации Р. Жауцера [Žaucer, 2009], написанной преимущественно на словенском материале, обсуждаются примеры типа (29)–(30):

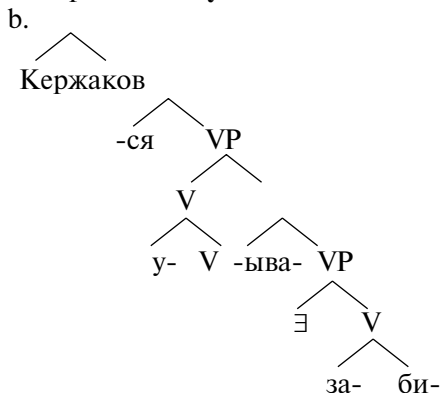
- (29) Hej, Geldof, a se še nisi **na-od-poved-ova-l**
 эй Гельдоф Q REFL еще NEG.AUX HA-OT-отменять-SI-PST.P
 koncert-ov?
 концерт-GEN.PL
 ‘Эй, Гельдоф, еще не наотменялся концертов?’ [Žaucer 2009: 27]
- (30) na-za-vez-ova-ti se gojzarjev
 HA-3A-вязать-SI-INF REFL ботинок.GEN.PL
 ‘назавязываться ботинок’

Р. Жауцер предполагает, что в (29)–(30) одна глагольная группа соответствует составляющим ‘отменять концерты’ и ‘завязывать ботинки’. Вторая состоит из фонологически пустого глагола, префикса *na-* и его аргумента — возвратной клитики. В конечной структуре, которая создается одним фразовым передвижением и несколькими передвижениями вершин, первая глагольная группа становится спецификатором каузативной составляющей CausP, компонентом которой выступает вторая глагольная группа. В результате (30), например, получает интерпретацию в (31).

- (31) Завязывание агенсом ботинок каузирует процесс, в результате которого он переходит в состояние истощенности⁷.

⁷ Состоянием истощенности мы кратко называем то состояние, которое в [РГ 1980] описывается как «невозможность продолжения действия в результате предшествующего интенсивного осуществления этого действия субъектом».

Мы полагаем, что основная идея, стоящая за этим анализом, абсолютно верна. Однако, соглашаясь с Р. Жауцером по существу, — в интересующих нас конфигурациях есть две глагольные группы, — мы предлагаем несколько иной анализ⁸. Синтаксическая структура, которую мы приписываем предложениям типа (32а), показана в (32b):

По соображениям семантической композиции, которые мы не имеем возможности комментировать сколько-нибудь подробно, мы отказываемся от идеи, согласно которой лексические префиксы возглавляют результитивную проекцию, образующую с лексическим глаголом составляющую V'. Мы возвращаемся к исходному анализу О.В. Бабко-Малой, в соответствии с которым лексическая префиксация представляет собой вершинную адьюнкцию⁹.

⁸ Не входя в детали, ограничимся простым перечислением проблем, с которыми сталкивается анализ Р. Жауцера и которых предлагаемая нами альтернатива позволяет, как кажется, избежать. Во-первых, ему требуется несколько неканонических допущений о передвижении вершины (например, передвижение не из вершины комплемента, а из вершины спецификатора комплемента). Во-вторых, в конце деривации создается предикат над каузируемыми событиями, тогда как канонические каузативные структуры проецируют каузирующие события [Lyutikova, Tatevosov, 2014; Татевосов, 2015]. В-третьих, остается неясным, что предотвращает появление в позиции аргумента префикса *на-* любой другой именной группы, кроме рефлексивной клитики. В-четвертых, не получает объяснения обобщение, сформулированное в конце предыдущего раздела: структура с двумя лексическими префиксами требует постфикса *-ся* и невозможна в его отсутствие. Дизайн теории Р. Жауцера нацелен на то, чтобы трактовать все имеющиеся префиксы как результитивные, и обобщение оказывается трудно не только объяснить, но даже сформулировать.

⁹ По мнению рецензента «Вестника Московского университета», «вершинная адьюнкция занимает ключевое место в выдвигаемом в статье анализе и позволяет анализировать две приставки внутри одной глагольной словоформы как лексические». Это не совсем так. Возможность анализировать две приставки как лексические открывается в тот момент, когда мы начинаем предполагать в структуре две глагольные группы. Выбор между вершинной адьюнкцией, предложенной О.В. Бабко-Малой, и анализом в духе Р.Р. Романовой продиктован соображениями, которые нацелены на решение другой проблемы: как оптимизировать семантическую деривацию, стоящую за структурой с двумя глагольными группами.

Как отмечалось выше, существует значительная литература, в которой обсуждаются теоретические проблемы, создаваемые вершинной адъюнкцией, в первую очередь в рамках общей дискуссии о природе такой операции, как передвижение вершины. Классическое передвижение вершины, суть которого сводится к адъюнкции вершины к другой вершине, проблематично сразу по нескольким параметрам, см. подробное обсуждение в [Dékány, 2018]. Проблемы, однако, связаны главным образом не с конечной конфигурацией вида $[_\alpha \alpha \beta]$ как таковой, а с операцией передвижения, приводящей к ее возникновению (оно, например, нарушает ограничение на передвижение, известное как условие распространения, *extension condition*). Поскольку, согласно предположению, весьма вероятно, что сложные вершины в (32b) не является продуктом передвижения, они не должны создавать для деривации соответствующих затруднений. (См. также аргументы в защиту вершинной адъюнкции при передвижении вершины в Pesetsky 2013.)

Отдельный вопрос, на который обратил наше внимание рецензент «Вестника Московского университета», состоит в том, чем определяется, какая из вершин проецируется в конфигурации [Префикс V]. В (32b), согласно нашей гипотезе, это глагол, а не префикс. Часть ответа на вопрос, вероятно, вытекает из общих принципов, определяющих для произвольных синтаксических объектов α и β , какой из них проецируется при операции соединения [Chomsky, 2013], если вообще проецируется хотя бы какой-то [Collins, 2017]. Обсуждение этого круга проблем выходит далеко за пределы того, что мы можем надеяться осветить в этой статье. Другой, более частный возможный ответ, относится только к вершине, состоящий из префикса и глагола. Он состоит в том, что построение глагольной группы и расширенных проекций глагола дает возможность создать семантически интерпретируемую дескрипцию события (в частности, реализовать актантную структуру вершины V в предикации). Если бы проецировался префикс, а не глагол, это было бы скорее всего невозможно — хотя бы потому, что актантная структура V не получила бы синтаксического воплощения.

Обратимся к семантической деривации (32b). Нижняя вершина V обозначает отношение между двумя индивидами, событиями и состоянием в (33):

(33) $\| [_V \text{ за-би-}] \| = \lambda y. \lambda x. \lambda s. \lambda e. [\text{би}'(e) \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \text{theme}(y)(e) \wedge \text{за}'(s) \wedge \text{holder}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$.

Это отношение, которые выражает глагол *забить*. Мы исходим из стандартного предположения, что все, что следует сказать о лексической семантике («толковании») этого глагола, обеспечивается экспликацией предикатов би' и за', отвечающих соответственно за со-

бытийный и стативный компоненты отношения. Часть информации, которая содержится в значении этих предикатов, — это информация об их актантной структуре. Глагол *бить* переходен; соответственно у предиката би' имеется два актанта — пациенс/тема ("theme" в (33)) и агенс ("agent"). Префикс *за-* вводит результирующее состояние с единственным участником — носителем этого состояния ("holder"). Носитель состояния по необходимости тождественен пациенсу событийного компонента.

Пациенс отношения в предложении (32а) синтаксически не проецируется и получает экзистенциальную интерпретацию ('есть такой индивид, который был забит'). В (34) это эта семантика реализована посредством экзистенциального закрытия $\exists$ — оператора, связывающего соответствующую переменную:

(34) $\parallel [{}_{VP} \exists \text{ за-би-}] \parallel = \lambda x. \lambda s. \lambda e. \exists y [\text{би}'(e) \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \text{theme}(y)(e) \wedge \text{за}'(s) \wedge \text{holder}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$.

Применение экзистенциального закрытия в общем случае не является обязательным: глаголы исследуемого типа допускают дополнение в генитиве, как например, в (7е), в словенских примерах Р. Жауцера в (29)–(30) или в (35):

(35) **Назабивался** я всяких **заклепок** предостаточно. Но я не сторонник обучать на форуме народ.

Показатель вторичного имперфектива в примерах рассматриваемого типа создает для зависимого события итеративную интерпретацию: '*узабивался*' предполагает множественные акты забивания. Мы принимаем простейший из возможных анализов итератива — как показателя множественности событий "*" (о глагольной множественности см. [Lasersohn, 1995; Landman, 2000]). Кроме того, мы предполагаем по независимым соображениям [Tatevosov, 2018], что одна из основных функций вторичного имперфектива — связывание стативного аргумента, после чего из отношения между событиями и состояниями получается событийный предикат:

(36) $\parallel \text{-ыва-} \parallel = \lambda S. \lambda x. \lambda e. *(\lambda e'. \exists s: S(x)(s)(e'))(e)$.

Соединение показателя вторичного имперфектива с отношением в (35) дает отношение между индивидами и событиями в (37):

(37) $\parallel \text{-ыва-} [{}_{VP} \exists \text{ за-би-}] \parallel = \lambda x. \lambda e. *(\lambda e'. \exists s \exists y [\text{би}'(e') \wedge \text{agent}(x)(e') \wedge \text{theme}(y)(e') \wedge \text{за}'(s) \wedge \text{holder}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e')])(e)$.

Такова семантика компонента *забива-* в составе (32а): это отношение между индивидами и событиями, где индивид производит неоднократное забивание некоторого (не обязательно одного и того же) предмета. Как представляется, именно такая (достаточно скудная) информация о ситуациях забивания и содержится в семантике *узабиваться*.

Рассмотрим содержимое верхней глагольной группы. Основной ее компонент — сложная глагольная вершина, состоящая из префикса и лексического глагола V. Предлагаемая нами семантика этой вершины показана в (38):

(38) $\| [{}_V y-V-] \| = \lambda x.\lambda s.\lambda e. [y'(s) \wedge \text{holder}(x)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$.

Главная особенность этой вершины состоит в том, что лексический глагол V не реализуется никакой словарной единицей¹⁰. Соответственно, информация, доступная для этой вершины, сводится к абсолютному минимуму. Она обозначает событие, приводящее к возникновению некоторого результирующего состояния. Однако остаются неспецифицированными и дескриптивные свойства этого события, и его состав его участников. Этим верхняя глагольная вершина $y-V$ отличается, например, от нижней *за-би-*, где свойства события определяются лексическим значением глагола *бить*. Результирующее состояние в (38), однако, задано с помощью префикса — так же, как и в любой префиксальной конфигурации. В нашем случае это состояние исчерпанности. Соответственно, единственный актанта комплекса $[y-V]$ лицензируется именно префиксом — как носитель этого результирующего состояния.

Следующий шаг анализа — показать, как две глагольные группы образуют интерпретируемое целое. Составляющая в (37) выступает комплементом глагольной вершины в (38). Мы предполагаем, что их соединение обеспечивается правилом композиции, которое описано в (39):

(39) **Обобщенная идентификация событий.** Пусть α и β — два дочерних узла в синтаксической структуре, причем денотат α имеет логический тип $\langle \sigma_{\alpha 1}, \langle \dots, \langle \sigma_{\alpha n}, \langle v, t \rangle \rangle \rangle \rangle$, а β — логический тип $\langle \sigma_{\beta 1}, \langle \dots, \langle \sigma_{\beta k}, \langle v, t \rangle \rangle \rangle \rangle$, где v и t — логические типы соответственно событий и истинностных значений, а σ — некоторый логический тип. Тогда $[\alpha \beta]$ обозначает следующую функцию логического типа $\langle \sigma_{\alpha 1}, \langle \dots, \langle \sigma_{\alpha n}, \langle \sigma_{\beta 1}, \langle \dots, \langle \sigma_{\beta k}, \langle v, t \rangle \rangle \rangle \rangle \rangle \rangle$:

¹⁰ При таком анализе, безусловно, возникает вопрос об ограничениях на дистрибуцию фонологически пустого глагола, важность которых подчеркивает рецензент «Вестника Московского университета». Мы предполагаем, что, по крайней мере, часть ответа на этот вопрос диктуется двумя соображениями — семантическим и фонологическим. С семантической стороны пустой глагол не содержит информации о дескриптивных свойствах описываемой ситуации, и можно предположить, что в обычных условиях (простая одноглагольная предикация) его употребление блокируется более частными глаголами. С фонологической стороны естественно ожидать, что пустой глагол дефектен в качестве «посадочной площадки» для аффиксов. Двуглагольная конфигурация в (32b) обходит обе эти проблемы. За дескриптивные свойства ситуации отвечает несостоящий глагол; он же выступает фонологически корректной основой для присоединения аффиксов.

$$\| [\alpha \beta] \| = \lambda \omega_{\alpha 1} \cdot \dots \lambda \omega_{\alpha n} \cdot \lambda \omega_{\beta 1} \cdot \dots \lambda \omega_{\beta k} \cdot \lambda e. \| \alpha \| (\omega_{\alpha 1}) (\dots) (\omega_{\alpha n}) (e) \wedge \| \beta \| (\omega_{\beta 1}) (\dots) (\omega_{\beta k}) (e).$$

Обобщенная идентификация событий представляет собой кратце-ровскую идентификацию событий [Kratzer, 1996], распространяемую на более широкий класс функций. (Кратце-ровская идентификация событий — это, в свою очередь, обобщение правила предикатной модификации.)

Идея идентификации событий очень проста. Предложим, что синтаксические узлы α и β обозначают функции, которые в конечном итоге дают событийные предикаты. Идентификация событий требует, чтобы события из экстенционала первого предиката входили в экстенционал второго, т.е. создает пересечение экстенционалов. Одни события тем самым «идентифицируются» с другими. Все прочие аргументы результирующая функция «наследует» у обоих своих «родителей».

Соединяя (37) и (38) при помощи обобщенной идентификации событий, мы получаем (40) в качестве денотата верхней глагольной группы:

$$(40) \| [_{VP} [_V y-V-] [-ыва- [_{VP} \exists \text{ за-би-}]]] \| = \lambda y. \lambda x. \lambda s. \lambda e. y'(s) \wedge \text{holder}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge *(\lambda e'. \exists s' \exists z [\text{би}'(e') \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \text{theme}(z)(e') \wedge \text{за}'(s') \wedge \text{holder}(z)(s') \wedge \text{cause}(s')(e')]) (e).$$

Благодаря идентификации событий, события множественного забивания, обозначаемые нижней глагольной группой, отождествляются с событиями, вызывающими переход актанта верхней глагольной группы в состояние истощенности.

(40) — функция с двумя индивидными аргументами, y и x . Один выступает носителем результирующего состояния истощенности, второй — агенсом забивания.

В этом месте выявляется важное эмпирическое преимущество анализа через обобщенную идентификацию событий в (39): он объясняет, почему *-ся* — необходимый элемент деривации.

Чтобы увидеть это, следует обратить внимание, что денотат в (40) создает интерпретационную проблему: внешняя глагольная группа способна соединиться с единственным внешним аргументом, тогда как (40), благодаря идентификации событий, требует двух. (Позиция внутреннего аргумента уже подверглась экзистенциальному закрытию и более недоступна.) Именно в этом месте проявляется роль постфикса *-ся*. Мы предполагаем, что он обозначает стандартный оператор рефлексивизации, отождествляющий две аргументные позиции:

$$(41) \| \text{-ся} \| = \lambda S. \lambda x. \lambda s. \lambda e. S(x)(x)(s)(e).$$

Благодаря рефлексивизации, тот, кто забивает и тот, кто вступает в состояние истощенности, становятся одной сущностью¹¹. Это полностью соответствует интуитивному пониманию условий истинности *узабиваться*.

Таким образом, мы получаем простое и интуитивно приемлемое объяснение обобщения из раздела 2: двойная лексическая префиксация возможно только при наличии постфикса *-ся*. В предложенной системе этот результат неизбежен. Два лексических префикса означают две глагольные группы, две глагольные группы запускают обобщенную идентификацию событий, при обобщенной идентификации событий создается предикат, содержащий на одну аргументную позицию больше, чем синтаксическая структура способна вместить. Рефлексивизация — единственная возможность привести желания семантики в соответствие с возможностями синтаксиса и сравнить количество семантических валентностей с количеством синтаксических.

Отметим также, что такой анализ полностью соответствует идее Е.А. Земской (например: [Земская, 2011]) отказаться от выделения циркумфиксов/конфиксов в русском языке. «Выделение конфиксов как особых морфем в русском языке, — пишет Е.А. Земская [Земская, 2011: 32], — нецелесообразно. Наличие прерывистых морфем не характерно для структуры русского языка. Кроме того, постфиксальные и префиксальные части конфиксов совпадают, как правило, по значению с соответствующими приставками и суффиксами». Наш анализ не предполагает не только то, что *у-* *-ся* и *об-* *-ся* следует рассматривать как морфологическую единицу, но даже и то, что присоединение префикса и *-ся* происходит одновременно. Эти элементы возникают в разных частях структуры, и каждый вносит свой регулярный вклад в интерпретацию.

После применения рефлексивного оператора в (41) к отношению (40) и заполнению позиции внешнего аргумента создается отношение между событиями и состояниями в (42):

¹¹ «Рассматриваемые глаголы, — отмечает рецензент «Вестника Московского университета», — интуитивно семантически далеки от по-настоящему возвратных глаголов», и мы полностью согласны с этим суждением. Глаголы с рефлексивной семантикой, такие, например, как *застрелиться*, создаются при отождествлении внешнего и внутреннего аргумента переходного глагола, описывающего единое событие. В (40) это происходит с совершенно другими аргументами, обозначающими, более того, участников разных событий — агенса забивания и носителя состояния истощенности. Отсутствие интуитивного сходства в интерпретации этих двух типов глаголов на *-ся*, таким образом, полностью ожидаемо, хотя, согласно предположению, в том и другом случае применяется одна и та же семантическая операция. Остается добавить, что сама возможность минимизировать инвентарь значений показателя *-ся*, которую дает этот анализ, кажется нам эмпирически выигрышной, особенно в свете идеи, впервые высказанной, по-видимому, в [Chierchia, 2004], согласно которой к этой же самой операции сводится и деривация декаузативов типа *сломаться*.

(42) $\| [\text{Кержаков} [-\text{ся} [\text{VP} [\text{V} \text{y-V-}] [-\text{ыва-} [\text{VP} \exists \text{за-би-}]]]] \| = \lambda s. \lambda e. \text{y}'(s) \wedge \text{holder}(\text{Кержаков})(s) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge * (\lambda e'. \exists s' \exists z [\text{би}'(e') \wedge \text{agent}(\text{Кержаков})(e') \wedge \text{theme}(z)(e') \wedge \text{за}'(s') \wedge \text{holder}(z)(s') \wedge \text{cause}(s')(e')]) (e).$

В переводе на русский язык (42) сообщает следующее. (32a) обозначает отношение между событиями и состояниями, которое обладает свойствами, перечисленными в (43):

- (43) а. Состояние *s* вводится префиксом *y-* и описывается как состояние истощенности.
 б. Носителем состояния *s* выступает Кержаков.
 в. Состояние вызывается событием *e*.
 г. Событие *e* описывается как множественный акт забивания некоторой сущности, агенсом которого также выступает Кержаков.

Все вместе, таким образом, сообщает, что множественные забивания, произведенные Кержаковым, привели его в состояние истощенности. Как кажется, ровно эту семантику и выражает предложение *Кержаков узабивался*¹².

На этом наш сюжет исчерпан. Мы готовы суммировать основные результаты исследования.

5. Сумма наблюдений

Мы рассмотрели структурные и семантические характеристики префиксально-постфиксальных глаголов на глаголов на *y-* *-ся* и *об-* *-ся*, в которых они деривируются от вторичных имперфективных основ. Основная проблема, которую они создают для теоретического анализа русского глагольного словообразования, состоит в том, что в этом случае в составе производного глагола допускается два лексических префикса, невозможных в других конфигурациях.

¹² Рецензент «Вестника Московского университета» задает абсолютно справедливый вопрос о том, насколько возможно распространить этот анализ на префиксально-постфиксальные глаголы с единственным внутренним префиксом, такие, например, как *убегаться* или *обсморкаться*. Мы полагаем, что (32b) содержит для этого все необходимое. Структура *убегаться* показана в (i) в «плоской» нотации:

(i) [Подлежащее [-ся [_{VP} [_V y-V-] [_{VP} бега-]]]]

Из сравнения (i) с (32b) становится ясно, что они различаются лишь отсутствием префикса при лексическом глаголе *бега-* и показателя вторичного имперфектива. Семантическая интерпретация этой структуры выстраивается так же, как показано в (33)–(42), с минимально необходимыми уточнениями. Событие, в котором происходит переход в состояние истощенности (верхняя глагольная группа), в конечном итоге идентифицируется как событие бега (нижняя глагольная группа) посредством обобщенной идентификации событий. Оператор *-ся* завершает деривацию, отождествляя участников этих событий. См. также [Киселева, Татевосов, 2015], где обсуждается еще один возможный путь анализа глаголов такого типа.

Мы предложили анализ, который объясняет такое поведение при помощи допущения, что в составе рассматриваемой префиксально-постфиксальной конфигурации присутствуют две глагольные группы. Одна глагольная группа проецируется лексическим глаголом, вторая — фонологически не реализуемой глагольной вершиной. Каждая глагольная вершина способна лицензировать лексический префикс. Семантическая интерпретация этой конфигурации обеспечивается правилом обобщенной идентификации событий, которое создает пересечение экстенсионалов соответствующих событийных предикатов. Роль постфикса *-ся* сводится к операции рефлексивизации, которая устраняет некорректность актантной структуры, возникающую в результате идентификации событий.

Мы надеемся, что полученные результаты будут способствовать лучшему пониманию структурных и семантических процессов, происходящих в глагольной деривационной морфологии, и в конечном итоге позволят лучше понять грамматические ограничения на возможный русский глагол.

Список литературы

1. *Авилова Н.С.* Развитие приставочного глагольного словообразования // Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова (ред.). М., 1964.
2. *Головин В.Н.* Каталог типов приставочного внутриглагольного словообразования в современном русском литературном языке // Лексика. Терминология. Стили. Межвузовский сборник. Вып. 3. Горький, 1974.
3. *Головин В.Н.* О словообразовательной типологии русских приставочных глаголов и ее зависимости от семантики производящих коррелятов // Ученые записки Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия лингвистическая. Вып. 76. Горький, 1967.
4. *Головин В.Н.* Словообразовательная типология приставочных глаголов // Славянское языкознание. М., 1959.
5. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011.
6. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
7. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. 2: Морфология. Братислава, 1960.
8. *Киселева К.Л., Татевосов С.Г.* Гулял — нагулял — нагулялся. Заметки о структуре префиксально-постфиксальных глаголов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По

- материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М., 2015. С. 272–283.
9. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
 10. *Левицкая А.Д.* Динамика словообразовательных процессов: глагольные префиксация и конфиксация. Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 150–153.
 11. *Лопатин В.В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1997.
 12. *Марков В.М.* Замечания о конфиксации в современном русском языке // Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 104–109.
 13. *Минеева З.И.* Префиксально-суффиксальная деривация новых агентивов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 338–345.
 14. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
 15. *Татевосов С.Г.* Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов. М., 2009.
 16. *Татевосов С.Г.* Акциональность в лексике и грамматике. М., 2015.
 17. *Татевосов С.Г.* Множественная префиксация и ее следствия. Заметки о физиологии русского глагола // Вопросы языкознания. 2013. № 3.
 18. *Тихонов А.Н.* Русский глагол: Проблемы теории и лексикографирования. М., 1998.
 19. *Улукханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
 20. *Babko-Malaya O.* Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case. Ph.D. dissertation. Rutgers, 1999.
 21. *Carnie A.* Constituent Structure. Oxford, 2008.
 22. *Chierchia G.* A semantics for unaccusatives and its syntactic consequences // A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (eds.). The Unaccusativity puzzle. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 22–59.
 23. *Chomsky N.* Problems of Projection // *Lingua*. 2013. № 130. P. 33–49.
 24. *Collins C.* Merge (X, Y) = {X, Y} // L. Bauke, A. Blümel, E. Groat (eds.). Labels and Roots. Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. P. 47–68.
 25. *Dékány É.* Approaches to head movement: A critical assessment // *Glossa: a journal of general linguistics*. № 3(1). Art. 65. 2018. DOI: <http://doi.org/10.5334/gigl.316>
 26. *Di Sciullo A.M.* Prefixed verbs and adjunct identification // A.M. Di Sciullo (ed.). Projections and Interface Conditions. N.Y., 1997. P. 52–73.
 27. *Di Sciullo A.M.* Verbal structure and variation // E. Trevino and J. Lema (eds.). Semantic Issues in Romance syntax. Amsterdam, 1999. P. 39–55.

28. *Fellbaum Ch.* The syntax and grammar of idioms // T. Kiss, A. Alexiadou (eds.). *Handbook of Syntax*. Berlin: de Gruyter, 2014. P. 776–802.
29. *Landman F.* Events and plurality: the Jerusalem lectures. Dordrecht, 2000.
30. *Lasersohn P.* Plurality, conjunction and events. Dordrecht, 1995.
31. *Ramchand G.* Time and the event: The semantics of Russian prefixes // Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes. 2004. № 32. P. 323–366.
32. *Romanova E.* Superlexical vs. lexical prefixes // Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes. 2004. № 32.
33. *Romanova E.* Constructing Perfectivity in Russian. Ph.D. dissertation. Tromsø, 2006.
34. *Svenonius P.* Slavic prefixes inside and outside VP // Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes. 2004. № 32.
35. *Svenonius P.* Russian prefixes are phrasal // Zybatow, G., Szucsich, L., Junghanns, U., Meyer R., (eds.). *Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages 5*. Frankfurt am Main, 2008.
36. *Tatevosov S.* On the aspectual architecture of Russian. Ms., Lomonosov Moscow State University.

Sergei Tatevosov, Ksenia Kiseleva

EVENT IDENTIFICATION IN RUSSIAN CIRCUMFIXAL DERIVATION

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435

Vinogradov Institute for Russian Language

18/2 Volkhonka str., Moscow, 119019

The article explores morphosyntactic and semantic characteristics of the so-called circumfixal verbs derived by the application of the Russian prefixes *y-* and *o6-* in combination with the reflexive morpheme *-cя*. The main focus is put on the pattern where the starting point of the derivation are secondary imperfective stems. The structure of the verbs derived according to this pattern is puzzling, they license two lexical prefixes within the same verb stem. Outside of this configuration, multiple lexical prefixation is unattested and considered impossible in the existing literature, since there is plenty of evidence that the number of lexical prefixes is limited to one per VP. We argue the structure of *y-cя* and *o6-cя* verbs based on secondary imperfective stems is best accounted for on the assumption that such verbs project two VPs. One VP comes out as the projection of the lexical verb stem extended by the secondary imperfective. We assume that lexical prefixes adjoin at the V0 level. The resulting head is interpreted as a relation between individuals,

events and states. The VP projected by this head merges as the complement of a phonologically null verb, to which the second lexical prefix adjoins. We propose that the denotations of these two elements are combined by Generalized Event Identification, which creates the intersection of the extensions of the two event predicates. We take the reflexive morpheme *-ся* to identify two individual argument positions that are active after event identification. This operation repairs the mismatch between the number of semantic arguments and the number of available syntactic positions and allows the derivation to converge.

Key words: circumfixal derivation; lexical and superlexical prefixation; event semantics.

About the authors: *Sergei Tatevosov* — Prof. Dr., Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Head of the General Semantics Laboratory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University; Professor, Russian Academy of Sciences (e-mail: tatevosov@gmail.com); *Ksenia Kiseleva* — Senior Researcher, Vinogradov Institute for Russian Language (e-mail: xenkis@mail.ru).

References

1. Avilova N.S. Razvitie pristavochnogo glagol'nogo slovoobrazovaniya. [Evolution of prefixal verbal derivation] *Glagol, narechie, predlogi i soyuzy v russkom literaturnom yazyke XIX veka*. Pod red. V.V. Vinogradov, N. Yu. Shvedova (red.). M., 1964.
2. Golovin B.N. *Katalog tipov pristavochnogo vnutriglagol'nogo slovoobrazovaniya v sovremennom russkom literaturnom yazyke*. [The inventory of verbal derivational types in Modern Standard Russian] Leksika. Terminologiya. Stili. Mezhvuzovskij sbornik. Vyp. 3. Gor'kij, 1974.
3. Golovin B.N. *O slovoobrazovatel'noj tipologii russkikh pristavochnykh glagolov i ee zavisimosti ot semantiki proizvodyashhih korrelyatov*. [On the derivational typology of Russian prefixal verbs and its relation to the meaning the non-derived counterparts] *Uchenye zapiski Gor'kovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya lingvističeskaya*. Vyp. 76. Gor'kij, 1967.
4. Golovin B.N. *Slovoobrazovatel'naya tipologiya pristavochnykh glagolov*. [A derivational typology of prefixal verbs] *Slavyanskoe yazykoznanie*. M., 1959.
5. Zemskaya E.A. *Sovremennyy russkij yazyk. Slovoobrazovanie*. [Modern Russian: Derivational morphology]: ucheb. Posobie. 3-e izd., ispr. i dop. M., 2011.
6. Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.V., Shiryayev E.N. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshhie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis*. [Spoken Russian. An overview, derivational morphology and syntax] M., 1981.
7. Isachenko A.V. *Grammatičeskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii so slovackim*. [Grammar of Russian as compared to the grammar of Slovak] T. 2. Morfologiya. Bratislava, 1960.

8. Kiseleva K.L., Tatevosov S.G. Guljal — naguljal — naguljalsja. Zametki o strukture prefiksál'no-postfiksál'nykh glagolov [Notes on the structure of circumfixal verbs] *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog"*. Issue 14 (21). Vol. 1: Osnovnaya programma konferentsii. M., 2015, pp. 272–283.
9. Krongauz M.A. Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika. [Prefixes and verbs in Russian: a semantic grammar] M., 1998.
10. Levitskaya A.D. Dinamika slovoobrazovatel'nykh protsessov: glagol'nye prefiksatsiya i konfiksatsiya. [Dynamics of morphological derivation: verbal prefixation and circumfixation] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Yazykoznanie*. 2012. № 2 (16), pp. 150–153.
11. Markov V.M. *Zamechaniya o konfiksatsii v sovremennom russkom yazyke*. [Notes on circumfixation in Modern Standard Russian.] Markov V.M. Izbrannyye raboty po russkomu yazyku. Kazan, 2001, pp. 104–109.
12. Mineeva Z.I. *Prefiksálno-suffiksálnaya derivatsiya novykh agentivov*. [Circumfixal derivation of novel agent nominals] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2015. № 5–6, pp. 338–345.
13. Lopatin V.V. Russkaya slovoobrazovatel'naya morfemika. [Russian derivational morphology] M., 1997.
14. Russkaya grammatika. [Russian grammar] Pod red. N. Yi. Shvedovoj. M., 1980.
15. Tatevosov S.G. *Mnozhestvennaya prefiksatsiya i anatomiya russkogo glagola*. [Multiple prefixation and the anatomy of Russian verb] *Korpusnye issledovaniya po russkoj grammatike*. Pod red. Kiseleva K.L., Plungyan V.A., Rakhilina E.V., Tatevosov S.G. M., 2009.
16. Tatevosov S.G. *Aktsional'nost' v leksike i grammatiki*. [Actionality in lexicon and grammar] M., 2015.
17. Tatevosov S.G. *Mnozhestvennaya prefiksatsiya i ee sledstviya. Zametki o fiziologii russkogo glagola*. [Multiple prefixation and its consequences] *Voprosy yazykoznanija*. 2013. № 3.
18. Tikhonov A.N. *Russkij glagol: Problemy teorii i leksikografirovaniya*. [Russian verb. Theoretical topics and lexicography] M., 1998.
19. Улукханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. M., 1996.
20. Babko-Malaya O. *Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case*. Ph.D. dissertation. Rutgers, 1999.
21. Carnie A. *Constituent Structure*. Oxford, 2008.
22. Chierchia G. *A semantics for unaccusatives and its syntactic consequences*. A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (eds.). The Unaccusativity puzzle. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 22–59.
23. Chomsky N. Problems of Projection. *Lingua*. 2013. № 130. P. 33–49.
24. Collins C. *Merge (X, Y) = {X, Y}*. L. Bauke, A. Blümel, E. Groat (eds.). *Labels and Roots*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. P. 47–68.

25. Dékány É. Approaches to head movement: A critical assessment. *Glossa: a journal of general linguistics*. № 3 (1). Art. 65, 2018. DOI: <http://doi.org/10.5334/gjgl.316>
26. Di Sciullo A.M. *Prefixed verbs and adjunct identification*. A.M. Di Sciullo (ed.). *Projections and Interface Conditions*. N.Y., 1997. P. 52–73.
27. Di Sciullo A.M. *Verbal structure and variation*. E. Trevino, J. Lema (eds.). *Semantic Issues in Romance syntax*. Amsterdam, 1999. P. 39–55.
28. Fellbaum Ch. *The syntax and grammar of idioms*. T. Kiss, A. Alexiadou (eds.). *Handbook of Syntax*. Berlin: de Gruyter, 2014. P. 776–802.
29. Landman F. *Events and plurality: the Jerusalem lectures*. Dordrecht, 2000.
30. Lasersohn P. *Plurality, conjunction and events*. Dordrecht, 1995.
31. Ramchand G. *Time and the event: The semantics of Russian prefixes*. Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes. 2004. № 32. P. 323–366.
32. Romanova E. *Superlexical vs. lexical prefixes*. Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes. 2004. № 32.
33. Romanova E. *Constructing Perfectivity in Russian*. Ph.D. dissertation. Tromsø, 2006.
34. Svenonius P. *Slavic prefixes inside and outside VP*. Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes. 2004. № 32.
35. Svenonius P. *Russian prefixes are phrasal*. Zybatow G., Szucsich L., Jung-hanns U., Meyer R. (eds.) *Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages 5*. Frankfurt am Main, 2008.
36. Tatevosov S. *On the aspectual architecture of Russian*. Ms., Lomonosov Moscow State University.

Irina Kobozeva, Olga Ivanova, Leonid Zakharov

TOWARDS MULTIMODAL MODELLING OF VERIFICATION DISCOURSE MARKERS IN RUSSIAN DIALOG¹

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The paper presents the results of a multimodal analysis of the most frequent Russian discourse markers (DMs) expressing positive verification — *da* ‘yes’, *da-da* ‘yes, yes’, *nu da* ‘well, yes’, *konechno* ‘of course’, *razumeetsja* ‘sure’, *jestestvenno* ‘naturally’. In a dialogical turn of a given speaker they mark the proposition P of the previous turn of the interlocutor as true. DMs of this type have variable prosody and may redundantly be accompanied by nodding. The aim of the study is to identify factors that influence the paraverbal aspects of such DMs. The analysis of mini-dialogs from the multimodal sub-corpus of RNC revealed the correlations between various syntactic, semantic, pragmatic and sociolinguistic factors on the one hand and non-verbal behavior and prosodic features of DMs on the other. The results obtained may be useful for modelling the paraverbal behavior of embodied computer agents and robots.

Key words: multimodal speech analysis; discourse markers; verification; gesture; prosody; pragmatics; semantics; Russian.

THEORETICAL PREREQUISITES

Spoken discourse as the primary form of language has attracted in recent years an increasing number of researchers. In spoken discourse, three channels of information transfer are distinguished: verbal (segmental units of speech), prosodic (non-segmental units of speech: pitch variation, loudness, tempo, timbre, etc.), and visual (gestures, facial expressions, body language, etc.). Propositional information is coded mainly by verbal means of communication, prosodic means of communication express information of communicative and pragmatic nature (e.g., communicative structure of

Irina Kobozeva — Prof. Dr., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kobozeva@list.ru).

Olga Ivanova — BA in Linguistics, MA student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: wiola100@rambler.ru).

Leonid Zakharov — Senior Engineer, Teaching and Research Computer Center, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: leonid_zakharov@mail.ru).

¹ The paper was supported by RSF (grant № 16-18-10004).

the utterance, its purpose, emotional state of the speaker), and gestures can convey both propositional and communicative-pragmatic information. All three types of sense coding tools are closely interrelated: they complement or duplicate the meaning transmitted through other channels, and sometimes contradict with each other, as in the case of irony, when intonation and facial expressions indicate that what Speaker had in mind was the opposite of what was expressed verbally. At the same time, the context, both verbal and extra-linguistic, plays an important role in conveying and understanding the meaning of the utterance. All this explains the increased attention of linguists studying spoken discourse to paraverbal means of communication, in particular, to the prosodic features of speech and to the accompanying gestures.

Usually researchers concentrate on investigating the interaction of verbal means (including discourse markers) with prosody (see, for example, [Bonnot & Kodzasov, 1998]) or with gestures (see, for example, [Cienki & Müller 2008, Richter, 2010]). Discourse markers (DMs) in speech, unlike full words and grammatical markers, often represent a multimodal cluster². The program for describing DMs taking into account the information of all the three modalities of such clusters was proposed already in (Kobozeva & Zakharov, 2004), but there are few cases of its realization and they concern various non-connected elements of the DM system (see [Kobozeva & Zakharov, 2007], as well as [Grishina, 2012]). In this paper, we propose a unified multimodal frame for the analysis of a semantic group of the DM, which allows tracking correlations between verbal, prosodic and gestural phenomena, at the same time registering the factors that are presumably capable of influencing their realization. Discourse markers expressing verification were chosen as the object of modeling because their meaning in the spoken dialogue is transmitted either through the auditory channel (by means of pronouncing the word with a certain intonation) or through the visual channel (with the help of a nod) or through both channels simultaneously. In this connection, the question arises: what determines the way in which this meaning is embodied. In addition, the main markers of this type in Russian — *da* ‘yes’ and *net* ‘no’ — are represented in a number of prosodic variants reflecting the pragma-semantic differences between their usages (semantic-prosodic variability of *da* ‘yes’ was discussed in [Grishina, 2011; Kobozeva & Zakharov, 2012]).

Verification discourse markers (VDMs) are discourse markers, which can be used independently as a verificative utterance, i.e. utterance that states truth or falsehood of a proposition introduced by the interlocutor (more formal definition is given below). So, *da* and *net* in Russian just as *yes* and *no* in English belong to the VDMs, since they are used not only as

² The term was introduced by E.A. Grishina (see [Grishina, 2011: 243]).

initial components of a verificative statement, as in (1a) and (2a), but also form such a statement on their own, as shown in (1b) and (2b):

(1)	Eto mesto svobodno?	— a. Da, svobodno. / b. Da.
	Is this place free?	— a. Yes, it's free. / b. Yes.
(2)	Petya uzhe vyzdorovel?	— a. Net, on yeshche ne
	vyzdorovel. / b. Net.	
	Petya has already recovered?	— a. No, he has not recovered yet./
	b. No.	

Besides *da* the set of synonymous VDMs includes *konechno* 'of course', *razumeetsya* 'of course', *yestestvenno* 'naturally' and a number of other words. There are also gestural synonyms for VDMs: *nod* is equivalent to *da* and *head shake II* [Grigor'eva, Grigor'ev, Kreidlin, 2001]³ is equivalent to *net*. These gestures, as well as VDMs, can be used independently as a complete communicative act of verification (gestural verificative statement), but they are often produced while pronouncing a verificative utterance with or without VDM.

The term "verificative utterance" was introduced in (Dobrushina, 1993). We shall use the definition offered by E.R. Dobrushina (1993) in a slightly revised form that is better suited for analyzing dialogues:

The utterance *W* is verificative if and only if:

- 1) the utterance *W* is a reaction of the speaker to some utterance *U* of the interlocutor;
- 2) the utterance *U* expresses a proposition 'P' in one of the three truth-value statuses⁴: "true" (T), "false" (F), "undefined truth value" (Ø);
- 3) the utterance *W* includes an assertion of the truth or falsity of the proposition 'P'.

From this definition it follows that verificative utterances can be either positive, as in (1), or negative as in (2). Next, only positive verificative utterances are taken into account. Let's pay attention to the fact that "verificative" is not an illocutionary characteristic of an utterance, since it refers only to its propositional content and is independent of the goal of the speaker and other felicity conditions of the corresponding speech act. Verificative utterances can have different illocutionary forces or functions (IF). Thus, the utterances in (1) have an IF of an answer to a question, and in (2) they are both answers to a question and rejections of the interlocutor's supposition. A number of other IFs are possible for a given semantic type of statements, for example, confirmation, consent, refusal and their pragmatic variations. Thus, IF of an utterance may be considered as one of the possible factors for varying the paraverbal accompaniment of VDMs in verificative statements.

³ In [Kreidlin, 2004] these gestures are classified as regulators.

⁴ The truth value status of the proposition here is determined by the truth value attributed to it by the speaker, and not by its actual truth value in the world of discourse.

THE MATERIAL AND METHOD OF ITS ANNOTATION

The data for the analysis were taken from the corpus MURCO (Multimodal Russian Corpus) that is a sub-corpus of the Russian National Corpus (RNC). We extracted video records with examples of dialogical units containing a reactive utterance with one or more of the six VDMs prototypically expressing positive verification (see Table 1). For some of these VDMs it has been shown by Dobrushina (1983), and by Kisseleva in [Kisseleva & Payar, 1998] that they have subtle pragma-semantic differences, as

Table 1. The number of utterances with different VDMs included in the sample

da	da-da ⁵	nu da ⁶	konechno	razumeetsya	yestestvenno
46	46	42	45	46	41

Each utterance (= dialogical turn) with one of those VDMs was annotated according to four groups of parameters.

Group 1 represents the formal characteristics, i. e. the observed form of the entire dialogical turn, or only of the VDM:

a) speech sequence (the written form of the utterance in the MURCO notation);

b) prosody of the VDM (transcription in the notation of S.V. Kodzasov (2009)⁷;

c) verbal description of the gestural series accompanying the speech, with fixation of the location of gestures in Cartesian coordinates after Grishina (2013, 2014);

d) other paraverbal characteristics of the utterance, especially the establishment of the eye contact of the verifier with the interlocutor when making an utterance with VDM.

Group 2 represents the syntactic characteristics of an utterance with VDM, which can presumably have an impact on the prosody of VDM or its gesture series. These characteristics include:

a) the syntactic function of the VDM which can be

— a parenthetical word, or sentence adverb (as in *Of course, I will come; Yes, he is here*);

⁵ In (Dobrushina, 1993) it was shown that the VDM with the iteration of *da* segment (reaching 5 times in our material) differs in meaning from VDM *da*.

⁶ 2 Although VDM *nu da* is formally and semantically a combination of one of the prosodic-semantic variants of modal particle *nu* (see its description in [Baranov & Kobozeva, 1988]) is compositionally combined with the verificative meaning of the propositional particle *da*, for purposes of establishing correlations between verbal and gestural units, it was more convenient for us to consider this combination as a composite VDM.

⁷ In contrast to the works of E.A. Grishina, in which prosody of DM is described on the basis of subjective evaluation, in our study prosodic transcription is the result of instrumental analysis.

- a word equal to a sentence (e.g., *Yes*; *Naturally, baby!*)
- a sentence within the multi-sentential utterance (e.g., *Of course! We invite only those / who agree to undergo a full survey.*);
- b) the presence in the utterance of other discourse units (DU) before or after the verificative DU;
- c) the presence of other DMs in the utterance (e.g. *A! Of course / we are very interested in it! Thank you!*).

The characteristics (a) and (b) are important primarily for prosody, but also as a factor of possible gesture shift relative to VDM. As for (c), the presence of other DMs may help to clarify the pragmatic meaning of the verificative utterance, and that is important, because verificative utterances, the propositional part of which is often reduced to VDM, are illocutionally ambiguous.

The third group comprises pragmatic characteristics. They include:

- a) the illocutionary force (IF) of the verificative utterance;
- b) the IF of the stimulus utterance;
- c) the pragmatic polarity of the utterance:
 - positive (+) if the verifier is sincere and serious in stating the truth of the proposition P introduced by the interlocutor;
 - negative (–), if the verifier uses irony, i.e. asserting the truth of P has in mind its falsity.

Parameter (b), i.e. the IF of the stimulus utterance is introduced in the annotation for the purpose of controlling the accuracy of the identification of parameter (a), i.e. the attribution of IF to the utterance containing VDM. Parameter (c) of pragmatic polarity was included in the model based on the assumption that the nod, in contrast to the VDM, is an unambiguous although a secondary marker of positive verification, and therefore it will rather be present in utterances in which the speaker is sincere and serious about the positive verification of P, and will be absent when VDM is used in utterances with a phatic IF (e.g. the contact maintaining) or utterances of ironical agreement with the opinion of the Interlocutor.

The fourth group contains sociolinguistic characteristics:

- a) social status relation of the Verifier (V) and the Interlocutor (I) and: $V = I / V < I / V > I$; b) the age relation of V and I: $V = I / V < I / V > I$;
- c) the presence of conflict between V and I in the situation (+ / -);
- d) sex of V and I: m / f.

Introduction of these parameters into the model is due to the fact that positive verification in utterances having IF of “confirmation” or “consent” is consistent with the Principle of politeness and the Compliance Rule (with the opinion and desires etc. of the Interlocutor) that is subordinate to it (Leech, 1983). Hence it can be assumed that the nod, being a sign that is informatively redundant in the presence of VDM, will function as a politeness marker, i.e. will be present in situations that presuppose an emphasized degree of politeness of V to I and will be absent when there

is no need for such an emphasis. The theories of politeness converge on the fact that the degree of politeness is influenced by the social distance between interlocutors, determined by their social position, age and gender. Conflictness of the situation can suspend the operation of the Principle of politeness, i.e. we can expect that in conflict situations there will be no nod. In addition, it was observed in gender linguistics that different sexes show different preferences in the choice of some discourse markers. We have assumed that the presence or absence of a nod in verificative utterances with VDM belong to such preferences.

Here is an example of an annotated fragment from the obtained database:

- (3) [Trenton, Vladimir Basov, male, 56, 1923]
 [Lady Vendeler, Elena Solovey, female, 32, 1947]
 Trenton: Minutku! U vas/ konechno/ yest' spisok dragotsennostey?
 'Wait a minute! Of course you have a list of jewelry, don't you?'
 Lady Vendeler: Razumeyetsya/ on u menya v kabinete. 'Of course / it's in my parlour.'
 [Yevgeniy Tatarskiy et al. Klub samoubiyts, ili priklyucheniya titulovannoy osoby (Suicide club, or the adventures of a titled person), 1979]

Table 2. The annotation of the example (3)

Speech sequence	Razumeyetsya /	on u menya v kabinete.
Prosody	razuméyetsya (\“– /”))	
Gestural sequence	–	Nod
Other paraverbalics	Looks at the interlocutor	Looks at the interlocutor
Syntactic function of VDM	Parenthetical phrase	
Presence of DU before / after VDM	/ +	
Other DM in the utterance	–	
IF of the utterance with VDM	Confirmation answer	
IF of the stimulus turn	Question with assumption	
Pragmatic polarity	+	
Ratio of the social statuses of V and I	V > I	
Ratio of the ages of V and I	V < I	
Conflict	–	
Gender of V and I	I (m), V (f)	

The reliability of annotation was ensured by the fact that 20% of the data annotated by one analyst were independently annotated by another analyst. The degree of agreement for prosodic parameter was about 70%, for other paraverbal parameters it was 98%, for syntactic function it was 90%, for pragmatic parameters it was about 80%. Differences in annotation were resolved by discussion.

DATA ANALYSIS

The annotated data were analyzed. The distribution of nods over utterances with different VDM was calculated, see Table. 3.

Table 3. The ratio of utterances with a specific VDM, followed by a nod (%)

da	da-da	nu da	konechno	razumeetsya	yestestvenno
69	60	55	75	66	9

Even from this simple calculation it is obvious that the VDMs differ in the frequency of supportive nodding: whereas for most VDMs presence of nods is more likely than its absence, for *yestestvenno* ‘naturally’ nod is not typical. This fact indicates that some semantic component that is part of the meaning of this VDM prevents the use of a nod. In this case we are talking about the special kind of the *guarantee* component the relevance of which for the semantic description of discourse markers has been proved proved in [Kisseleva & Payar, 1998]. In the case of *yestesvenno*, it is ‘the nature of things’ that is the guarantee of the truth of the proposition P, in addition to the speaker [Kisseleva, 1998: 65]. The choice of VDM *yestesvenno* shows that the verifier wants his role as the guarantee to be backgrounded, and so attraction of attention to one’s personal involvement into verification, achieved with the help of a nod, becomes undesirable.

In addition to the nods, the following types of gestures that accompany the VDMs and enrich them with additional meanings have been identified: “pinch”, “forefinger”, “opening the fingers up from the position of the tightly closed fist”, “moving the arms away towards the interlocutor with the open palm up”, “shrug one’s shoulders”, “raise one’s eyebrows”, “tilt one’s head”, “spread one’s hands”, etc. Moreover, in some contexts, there was a gesture “close one’s eyes”, which is associated with the meaning of the word *yes* [Kreidlin, 2004: 401] and as it can be used with verificative meaning independently, it must be included into the set of VDMs used in Russian dialogue.

Let us now turn to the revealed correlations.

It turned out that the presence / absence of an accompanying nod correlates with a selected discourse marker, see Table 4.

Table 4. Relationship between presence of a nod and choice of VDM

	presence of a nod	lack of a nod
da	32	14
da-da	22	20
nu da	28	18
konechno	33	12
razumeetsya	31	16
yestestvenno	9	32
$\chi^2 = 30.673$, $df = 5$, $p\text{-value} = 1.087e-05$		
Critical value of χ^2 with confidence level $p < 0.01$ amounts to 15.086		

Regardless of the marker used, the nod is usually absent if the pragmatic polarity of the verification is negative (irony, skepticism), as in (3), and / or the IF of an utterance is such that verification is not the goal of the speech act, as in (4), where *Da-da* was used not to confirm the truth of what the interlocutor said, but to inform him that his point was taken into account:

- (3) Galya: Yesli chestno/ ya v Moskvu ne dlya togo priyekhala/ chtob poly zdes' myt'.

'To be honest / I did not come to Moscow to mop the floors.'

Stasis: Nu **konechno**/ srazu zvezdoy/ da? Tol'ko ved'/ kak govoritsya/vse tseli porazheny. Nado stoyat' v ocheredi. A ochered' dlinnyushchaya!

'Of course, celebrity at once, right? But in fact / as they say / all the targets are hit.

One must stand in line. And the line is so long!

[Andrey Mikhalkov-Konchalovskiy, Avdot'ya Smirnova. Glyanets (The Gloss), movie (2007)]

- (4) Borya: Ey / alo /alo / patsany / yego shchas prezentovat' 'Hey / hey/ hey / guys / he's right about to be presented'.

Lesha: **Da-da**. My shchas reshim vs'o. 'Yes, yes. We'll manage everything right away.'

[Oleg Fomin et al. Den' vyborov (The Election Day), movie (2007)]

There is also a correlation between the verifier's eye direction and the choice of VDM (see Table 4), as well as the presence of a nod (see Table 5).

Table 5. The presence of eye contact with different VDMs

	presence of eye contact	lack of eye contact
da	24	22
da-da	29	12
nu da	31	11
konechno	25	20
razumeetsya	40	7
yestestvenno	28	13
$\chi^2 = 12.413$, $df = 5$, $p\text{-value} = 0.0101$		
Critical value of χ^2 with confidence level $p < 0.05$ amounts to 11.07		

As our data show, VDM *razumeetsya* in most cases is accompanied by the eye contact with the Interlocutor, which can also be explained by the special type of the "guarantee" in the semantics of this VDM. In case of *razumeetsya* in addition to the verifier, any intelligent subject is also the guarantee of the truth of P (Kisseleva, 1998, p. 355], and thus the Verifier,

fixing his eyes on the Interlocutor as if endows the latter with the role of the guarantee of the truth of the proposition⁸.

The presence of eye contact between the interlocutors correlates with the presence or absence of a nod when pronouncing the VDM (see Table 6), and that is quite natural taking into account that nods are performed for the visual perception of the Interlocutor:

Table 6. Correlation between eye contact of V with I and nod

	presence of eye contact	lack of eye contact
presence of nod	115	31
lack of nod	71	57
$\chi^2 = 15.929$, $df = 1$, $p\text{-value} = 6.575e-05$ Critical value of χ^2 with confidence level $p < 0.01$ amounts 6.635		

In the field of sociolinguistic variables, the following tendencies were revealed. The presence or lack of a nod turned out to be connected with the social distance between the interlocutors, see Table. 7:

Table 7. Correlation between social distance between V and I and nod

	presence of nod	lack of nod
$V < I$	33	16
$V > I$	39	20
$V = I$	76	74
$\chi^2 = 6.5893$, $df = 2$, $p\text{-value} = 0.03708$ Critical value of χ^2 with confidence level $p < 0.05$ amounts 5.991		

The data show that the verification is more often accompanied by a nod if there's a social distance between V and I. This can be interpreted as evidence that this gesture is a sign of positive politeness aimed at rapprochement with the Interlocutor rather than the negative politeness aimed at keeping the distance between the Speaker and the Addressee [Brown & Levinson, 1987].

The use of nods together with VDM also depends on the presence or absence of a conflict in the communicative situation, see Table. 8:

Table 8. Nodding in situations with or without a conflict

	presence of nod	lack of nod
presence of conflict	29	43
lack of conflict	121	74
$\chi^2 = 10.126$, $df = 1$, $p\text{-value} = 0.00234$ Critical value of χ^2 with confidence level $p < 0.01$ amounts 6.635		

As for the prosodic features of VDM, we observed the correlation between the illocutionary type of the utterance and such an integral prosodic

⁸ Such an interpretation of establishing visual contact of V with I in a dialogue was proposed by S.G. Tatevosov in personal communication.

parameter as the degree of general reduction of VDM: in cases where the verification of P is not the goal of the speech act, e.g. in the phatic reactions, exemplified in (4), VDM has a smaller duration and loudness, and is generally pronounced less distinctly. In this case, we can talk about a particular case of iconicity: central, prototypical uses of VDM are characterized by normal articulation, and peripheral — by the weakened one. Another correlation is between the presence / absence of conflict and loudness. Conflictual positive verification is characterized by abnormal level of loudness, but contrary to expectations, this level may be either higher than the normal level of sound intensity or lower than this level.

CONCLUSIONS

The connection between gestures and subtle differences in semantics of VDM is obvious, but its manifestation is more a tendency than a rigid rule. VDM is often accompanied by several simultaneous gestures. One and the same gesture can be realized in spoken discourse along with different discourse markers. The reason for such variability is the multidimensional semantic structure of VDM, complicated by the pragmatic component of each individual utterance, which determines the intersections of the sets of gestures accompanying different markers.

The presence or absence of a nod supporting the use of VDM depends on such sociolinguistic parameters as social status of interlocutors, their age, the presence of conflict in the situation. At the same time nodding is not connected with gender. The syntactic status of a VDM in the utterance proved to be irrelevant to nodding. VDM *yestestvenno* ‘naturally’ definitely constrains nodding, and this fact may be attributed to an independently established specific semantic feature of this word, namely the kind of the «guarantee» of the truth of the verified proposition, which is the nature of things. Eye contact with the Interlocutor is almost obligatory for VDM *razumeetsya* ‘of course, lit. it’s understandable’, and a proposed explanation is again an independently established special kind of the «guarantee» of the truth of the verified proposition, which is the reasoning ability of the Interlocutor. At the same time there is a correlation between nodding and eye contact.

The positive pragmatic polarity of verification is necessary, but not sufficient for supporting the verificative utterance with a nod. Prosodic variability of VDM correlates with the IF of the utterance, with the status of the verificative component in the semantic structure of the utterance (central or peripheral), with the pragmatic polarity of the utterance and the presence of conflict in the situation.

References

1. Baranov A.N., Kobozeva I.M. Modal'nye chastitsy v otvetakh na vopros. [Modal particles in answers to questions] *Pragmatika i problemy intensional'nosti*, 1988. Moskva: IYa AN SSSR, pp. 45–69.
2. Bonnot C., Kodzasov S.V. Semanticheskoe var'irovanie diskursivnykh slov i ego vliyanie na linearizatsiyu i intonirovanie (na primere chastits *zhe* i *ved'*). [Semantic variation of discourse markers and its influence on linearization and intonation (the case of particles *zhe* and *ved'*)] In Kisseleva K., Payar D. (Eds.). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya*. Moskva: Metatekst, 1998, pp. 382–443.
3. Brown P., Levinson S. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
4. Cienki A., Müller C. (Eds.). *Metaphor and Gesture. Gesture Studies*, 3. Amsterdam — Philadelphia: John. Benjamins, 2008. P. 307.
5. Dobrushina E.R. *Verifikatsiya v sovremennoi russkoi dialogicheskoi rechi*. [Verification in modern Russian dialogical discourse] Diss. ... kand. filol. nauk. Moskva: MGU, 1993.
6. Grigor'eva S.A., Grigor'ev N.V., Kreidlin G.E. *Slovar' yazyka russkikh zhestov*. [The dictionary of Russian gestures] Moskva — Vena: Yazyki russkoi kul'tury; Wiener slawistischer almanach. Sonderband 49, 2001.
7. Grishina E.A. O mul'timodal'nykh klasterakh v ustnoi rechi. [Multimodal clusters in spoken Russian]. *Komp'yuternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*, 2011, 10 (17). Moskva: RGGU.
8. Grishina E.A. *Da v russkom ustnom dialoge*. [Da in Russian dialog] *Russian Linguistics*, 2011, 35 (2), pp. 169–207.
9. Grishina E.A. *Slovo i zhest: korpusnye issledovaniya ustnoi rechi*. [Word and gesture: corpus investigation of speech]. Saarbrücken: LAP, 2012.
10. Grishina E.A. Zhestikulyatsionnye profili russkikh pristavok. [Gesture profiles of Russian prefixes] *Komp'yuternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*, 2013, 12 (19). P. 19.
11. Grishina E.A. Zhesty i pragmaticheskie kharakteristiki vyskazyvaniya. [Gestures and pragmatic characteristics of an utterance] In *Mul'timodal'nye kommunikatsii: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya*, 2014. Moskva, pp. 25–47.
12. Kisseleva K.L. JESTESTVENNO, ili DE RERUM NATURAE. [JESTESTVENNO 'naturally' or DE RERUM NATURAE] In Kisseleva, K., Payar D. (Eds.). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya*. Moskva: Metatekst, 1998.
13. Kisseleva K.L. RAZUMEETSYA, ili SAMI PONIMAETE. [RAZUMEETSYA 'of course' or YOU UNDERSTAND] In Kisseleva K., Payar D. (Eds.). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya*. Moskva: Metatekst, 1998.
14. Kisseleva K., Payar D. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya*. [Discourse markers of Russian: a study in contextual-semantic description]. Moskva: Metatekst, 1998.

15. Kobozeva I.M., Zakharov L.M. Dlya chego nuzhen zvuchashchii slovar' diskursivnykh slov russkogo yazyka. [The sounding dictionary of discourse markers of Russian: what for?] *Komp'yuternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*, 2004, 3 (10). Moskva: Nauka, pp. 292–297.
16. Kobozeva I.M., Zakharov L.M. «Kak mnogo v etom zvuke!..» (prosodiko-semanticheckie varianty russkogo mezhdometiya a). [“How much is in this sound!” (prosodic-semantic variants of Russian interjection a)] In *Lingvisticheskaya polifoniya. Sbornik statei v chest' yubileya professora R.K. Potapovoi*, 2007. Moskva: Yazyki russkikh kul'tur, pp. 609–627.
17. Kobozeva I.M., Zakharov L.M. Semantiko-prosodicheskie variatsii na temu «Da» (materialy k mul'timediinomu slovaryu russkikh diskursivnykh slov) [Semantic-prosodic variations of the theme “Da” (materials for the multimedia dictionary of Russian discourse markers)]. In *Sredi nekhozhenykh putei: Sbornik nauchnykh statei k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora A.A. Kretova*, 2012. Voronezh: Izd-vo VGU, pp. 52–62.
18. Kodzasov S.V. Kombinatornaya model' frazovoi prosodii. [Combinatorial model of phrasal prosody] In Kodzasov, S.V. *Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii*. Moskva, 2009, pp. 13–47.
19. Kreidlin G.E. *Neverbal'naya semiotika*. [Non-verbal semiotics]. Moskva, 2004. P. 592.
20. Leech G. *Principles of pragmatics*. L.: Longman, 1983.
21. Richter N. The gestural realization of some grammatical features in Russian, In Proceedings of the 4th conference of the international society for gesture studies. *Gesture: evolution, brain and linguistic structures*. Frankfurt; Oder, 2010. P. 245.

И.М. Кобозева, О.О. Иванова, Л.М. Захаров

К МУЛЬТИМОДАЛЬНОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ ВЕРИФИКАТИВНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В РУССКОМ ДИАЛОГЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Данное исследование посвящено мультимодальному анализу дискурсивных маркеров (ДМ) со значением позитивной верификации в русском языке, а именно выявлению корреляций между видом используемого ВДМ и особенностями его паравербального оформления. В работе были рассмотрены следующие ДМ — *да, да-да, ну да, конечно, разумеется, естественно*, которые в диалоге маркируют истинность пропозиции Р, введенной в рассмотрение в предшествующей реплике собеседника. Данные маркеры входят в состав верификативных реплик или же представляют собой са-

мостоятельные реплики, являющиеся полноценными речевыми ходами с иллюкутивной функцией (ИФ) ответа на вопрос, подтверждения и т.п. В качестве материалов для исследования были использованы мини-диалоги из корпуса МУРКО, представляющие собой видеоряды с одновременной аудиодорожкой, сопровождаемые текстовой разметкой. В статье представлена аннотация ряда синтаксических, прагматических и социолингвистических признаков, статистический анализ которых позволил на уровне тенденций установить, какие из них влияют на жестовое и просодическое оформление рассматриваемых дискурсивных маркеров. Полученные выводы расширяют знания о мимико-жестикационном компоненте дискурсивных слов, что может способствовать дальнейшему развитию Мультимедийного корпуса русского языка, методик преподавания русского языка как иностранного или же найти применение при разработке анимированных компьютерных агентов и роботов.

Ключевые слова: мультимодальный анализ речи; диалог; дискурсивные маркеры; верификация; жест; кивок; просодия; семантика; прагматика.

Сведения об авторах: *Кобозева Ирина Михайловна* — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kobozeva@list.ru); *Иванова Ольга Олеговна* — бакалавр, студент магистратуры при кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: wiola100@rambler.ru); *Захаров Леонид Михайлович* — старший инженер Учебно-научного компьютерного центра филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: leonid_zakharov@mail.ru).

Список литературы

1. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 45–69.
2. Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере частиц же и ведь) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 382–443.
3. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. Языки русской культуры, 2001.
4. Гришина Е.А. О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2001. № 10 (17).
5. Гришина Е.А. Да в русском устном диалоге // Russian Linguistics. 2011. № 35 (2). С. 169–207.
6. Гришина Е.А. Слово и жест. Корпусные исследования устной речи. Saarbrücken, 2012.

7. *Гришина Е.А.* Жестикуляционные профили русских приставок // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2013. № 12. С. 19.
8. *Гришина Е.А.* Жесты и прагматические характеристики высказывания // Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования. М., 2014. С. 25–47.
9. *Киселева К.Л., Пайар Д.* Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
10. *Добрушина Е.Р.* Верификация в современной русской диалогической речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.
11. *Киселева К.Л.* РАЗУМЕЕТСЯ, или САМИ ПОНИМАЕТЕ // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
12. *Киселева К.Л.* ЕСТЕСТВЕННО, или DE RERUM NATURAE // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
13. *Кобозева И.М., Захаров Л.М.* Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог». М., 2004. С. 292–297.
14. *Кобозева И.М., Захаров Л.М.* «Как много в этом звуке!..»: просодико-семантические варианты русского междометия А // Лингвистическая полифония: Сборник в честь юбилея проф. Р.К. Потаповой / Отв. ред. В.А. Виноградов. М., 2007. С. 609–627.
15. *Кобозева И.М., Захаров Л.М.* Семантико-просодические вариации на тему «Да» (материалы к мультимедийному словарю русских дискурсивных слов) // Среди нехоженных путей: Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора А.А. Кретова. Воронеж, 2012. С. 52–62.
16. *Кодзасов С.В.* Комбинаторная модель фразовой просодии // Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии. М., 2009. С. 13–47.
17. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. М., 2004.
18. *Brown P., Levinson S.* Politeness: some universals in language usage. Cambridge, 1987.
19. *Cienki A., Müller C.* Metaphor and Gesture. Gesture Studies, 3. Amsterdam; Philadelphia, 2008. P. 307.
20. *Leech G.* Principles of pragmatics. L., 1983
21. *Richter N.* The gestural realization of some grammatical features in Russian // Gesture: evolution, brain and linguistic structures. Proceedings of the 4th conference of the international society for gesture studies. Frankfurt; Oder, 2010. P. 245.

П.Э. Егизарян

**ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПЕРИФРАЗЫ IR + INF.
В ПИРЕНЕЙСКОМ ВАРИАНТЕ
ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются различные временные формы перифразы *ir + inf.*, функционирование которых недостаточно освещено в работах, посвященных португальскому глаголу. Мы опираемся на описание системы романских времен, которое предлагает Э. Косериу. Он рассматривает все формы перифразы *ir + inf.* (презенс *vai + inf.*, футурум *irá + inf.*, имперфект *ia + inf.*, кондиционал *iria + inf.*, перфект *foi + inf.*, плюсквамперфект *fora + inf.*) как футуральные и независимые друг от друга единицы. Мы проверяем этот тезис на основании современного языкового материала: португальских газет, изданных в 2016–2017 гг. Поскольку речь идет о выражении близких грамматических значений, мы сопоставляем футуральные языковые средства в единых или схожих контекстах (основываясь на признаках грамматической синонимии, приводимых Н.М. Фирсовой), анализируем их общее темпоральное значение, временную дистанцию и другие параметры. В статье анализируются: перифраза *vai + inf.* в сопоставлении с *Futuro simples* и *Presente* в значении будущего; *ia + inf.* в сопоставлении с *Futuro no passado*; *foi + inf.*, *fora + inf.* и *tinha ido + inf.* (не упоминаемая Косериу форма, встречающаяся в текстах) — без сопоставления с другими формами по причине отсутствия аналогов с близким темпоральным значением; *irá + inf.* в сопоставлении с *vai + inf.*, *Futuro simples* и футуральным презентом; *iria + inf.* в сопоставлении с *ia + inf.* Оставляя в стороне возможные различия в модальности, мы делаем выводы относительно взаимозаменяемости языковых средств на основании близости их значений, относительно возможности их темпоральной интерпретации, возникающих теоретических проблем и соответствия системы, предложенной Косериу, современному португальскому узусу.

Ключевые слова: португальский язык; темпоральный дейксис; категория времени; футурум; футуральная перифраза.

Особенности значения и, как следствие, употребления перифразы *ir + inf.*, признаваемой одним из основных средств выражения

Павел Эдуардович Егизарян — аспирант кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: pavel@egizaryan.ru).

футуральности в португальском языке, вызывают активный исследовательский интерес. В научных работах подробно описываются как общелингвистические вопросы появления перифраз с глаголами движения, возникновения и развития их футуральной семантики, сосуществования с другими средствами выражения будущего [Fleischman, 1982: 78–86; Bybee, 1994: 244; Плунгян, 2003: 269; Dahl, 1985: 110–112; Dahl, 2000: 313–317; Copley, 2009: 61–98], так и вопросы развития и функционирования португальской перифразы *ir + inf.* в диахронии [Hricsina, 2011; Adriano, 2017] и синхронии [Barroso, 1999; Drzazgowska, 2011].

С нашей точки зрения, однако, проблема употребления перифразы *ir + inf.* в разных временах до сих пор разработана слабо. В настоящей статье мы изучим эту проблему, обратив внимание на соотношение темпорального значения (наличие футуральности, временная дистанция и т.д.) различных форм перифразы с другими футуральными языковыми средствами и между собой. При этом необходимо оговорить следующие ограничения: 1) нас интересует синхронный срез пиренейского варианта современного португальского языка; 2) мы рассматриваем медийный дискурс, поскольку в нем статистически часто описываются будущие события; 3) мы рассматриваем только индикативные формы (во-первых, это связано с объемом работы, во-вторых, с частотностью соответствующих языковых средств: в изученных текстах мы обнаружили около 500 индикативных употреблений *ir + inf.* и только одно неиндикативное, а именно императивное, употребление спорной интерпретации); 4) мы изучаем в первую очередь темпоральную семантику (в случае будущего это отношение, при котором описываемое событие следует на временной шкале после момента речи или момента референции), не сосредоточиваясь на аспектуальном и модальном компонентах (которые уточняют характер протекания действия и его субъективную квалификацию), так как последние не являются основными для перифразы *ir + inf.* и требуют отдельного рассмотрения. Данное ограничение распространяется в том числе на сочетания перифразы *ir + inf.* с различными аспектуальными и модальными перифразами: данные сочетания представляют интерес, но не влияют на изучаемую нами темпоральную семантику.

Мы рассматриваем время в контексте теории дейксиса. Одним из основных понятий этой теории является дейктический центр, относительно которого выстраивается трехчастная система, включающая в себя абсолютные и относительные времена [Мельчук, 1998: 68]. Из последних нас интересуют будущее в прошедшем, предбудущее и послебудущее [Есперсен, 1958: 306–308].

Футуральность в португальском языке выражается не только простым футурумом, но и другими языковыми средствами, в том

числе перифрастическими (*haver de* + inf., *ter que* + inf. и др.). Среди перифраз по частотности выделяется *ir* + inf. [Raposo, 2013: 509]. В [Неустроева, 1997: 117] говорится (без ссылки на конкретные исследования), что «*Futuro Simples...* уступает свои позиции двум конкурирующим между собой перифразам *ir* + inf. и *haver de* + inf.», однако мы не можем согласиться с тем, что данные языковые средства конкурируют между собой (ср. около 500 употреблений *ir* + inf. и 14 употреблений *haver de* + inf. и *haver que* + inf., также об угасании *haver de* + inf. в современном языке говорится в [Hricsina, 2011: 177, 178]), перифраза *ir* + inf. занимает явно доминирующие позиции.

Перифраза *ir* + inf. нередко рассматривается как аспектуальная [Travaglia, 2016: 200], ей приписывается проспективная аспектуальность [Barroso, 1999: 336], тесно связанная с собственно футуральной семантикой. В остальном аспектуальная проблематика не столь значительна для семантики перифразы *ir* + inf. в современном состоянии: сама по себе перифраза не выражает ни имперфективности или перфективности (как *Futuro Simples* и *Futuro Composto* соответственно), ни каких-либо других аспектуальных значений.

Э. Косериу замечает, что в португальском языке перифраза *ir* + inf. широко используется в разных временных планах, хотя признает, что не все они одинаково употребительны. Он выделяет шесть форм перифразы, показывая возможность выражения футуральности для актуальной и неактуальной ситуации в ретроспективе (*foi / fora fazer*), параллельной перспективе (*vai / ia fazer*) и проспективе (*irá / iria fazer*) [Coseriu, 1976: 93–96]. Мы изучим функционирование данных форм перифразы на современном языковом материале и проверим утверждения Косериу относительно их футуральности.

Материалом исследования послужили газеты, выпущенные в Португалии в 2016–2017 гг. Среди изученных газет были общенациональные и региональные издания: *Público* (далее P), *Destak* (D), *Metro* (M), *A Bola* (AB), *Notícias de Viseu* (NV), *Notícias Municipais Vendas Novas* (NVN). PDF-версии газет были взяты на официальных сайтах соответствующих изданий.

Мы рассматриваем временные формы перифразы *vai* + inf., *ia* + inf., *irá* + inf., *iria* + inf., *foi* + inf. и *fora* + inf., сопоставляя, где возможно, их функционирование с соответствующими футуральными морфологическими временами. Такое сопоставление способно показать, насколько сближены основные (морфологические) средства выражения грамматического будущего и вторичные (аналитические, перифрастические) средства. Грамматические языковые средства, выражающие одно и то же значение, иногда называют грамматическими синонимами. Н.М. Фирсова пишет, что «грамматические синонимы должны определяться... по сходству грамматических

значений и структурной близости сопоставляемых единиц» [Фирсова, 1984: 33], и указывает, что выявить грамматическую синонимию можно, исследуя взаимозаменяемость языковых средств в сходных контекстах. В рамках настоящей работы мы не будем подробнее раскрывать данное понятие, однако далее будем опираться именно на функционирование в близких контекстах и взаимозаменяемость.

Соотношение *vai + inf.* и футурума. Все рассмотренные нами грамматики португальского языка отмечают форму *vai + inf.* как средство выражения футуральности в плане настоящего наряду с *Futuro simples*.

Относительно глубины футуральной «сферы действия» перифразы есть отличные точки зрения: [Cintra, Cunha, 1994: 459] считают, что перифраза означает ближайшее будущее, однако это напрямую оспаривается в [Mateus, 1989: 87].

Наш анализ подтверждает мнение [Mateus, 1989]: существуют контексты, в которых *vai + inf.* используется совместно с футурумом, причем не выявляются различия в особенностях обозначенной временной дистанции:

- (1) E essa *vai* *ser* a questão que
 И DEM-F идти-3SG быть-INF DEF.F вопрос который
estará em cima
 быть-FUT.3SG в верх
 da mesa dos responsáveis
 POS.DEF.F стол-F.SG POS.DEF.M.PL ответственный.PL
 do G20
 POS.DEF.M G20

И это будет вопросом, который будет на повестке дня ответственных Большой двадцатки (P 04.09.16).

- (2) a *orquestra* *será* *formada* por
 DEF.F оркестр быть-FUT.3SG формировать-PTCP.PST-F AG
 voluntários que *vão* *tocar* os
 доброволец-PL который идти-3PL играть-INF DEF.M.PL
 sinos de 16 igrejas
 колокол-PL POS 16 церковь-PL

Оркестр будет сформирован добровольцами, которые будут звонить в колокола шестнадцати церквей (P 04.09.16).

Мы приходим к выводу о близости семантики перифрастического и синтетического языкового средства при условии, что оба этих языковых средства встречаются в одном контексте, и нет лексических или иных контекстуальных указаний на их противопоставление. В примерах (1) и (2) футурумом и перифразой описываются события, имеющие отношение к одному и тому же мероприятию, к одному и тому же моменту времени. В исследованных нами текстах не встречались контексты, в которых выбор одного или другого

футурального средства однозначно можно связать с разницей во временной дистанции, и напротив, примеры использования футурума и перифразы по отношению к одной точке во времени встретились нам около 60 раз.

Соотношение *vai* + *inf.* и презенса. Презенс может использоваться в значениях будущего, однако для его футуральной интерпретации необходимы дополнительные контекстные средства, как языковые, так и экстралингвистические (фоновые знания). Перифраза, напротив, понимается как футуральное языковое средство вне зависимости от контекста [Raposo, 2013: 526].

Несмотря на это, нам встречались примеры, в которых перифраза и презенс оказывались в одном контексте, что допускает их потенциальную взаимозаменяемость:

- (3) A Seleção Nacional sub-16 *vai*
 DEF.F сборная национальный[F] под-16 идти.PRES-3SG
participar na 34.^a
 участвовать-INF в.DEF.F 34-ый-F
 edição do Torneio do Porto, entre 30 de
 издание POS.M.SG Турнир POS.M.SG Порту между 30 POS
 março e 3 de abril.
 март и 3 POS апрель
 Além de Portugal, *participam* neste torneio...
 кроме Португалия участвовать-3PL в.DEM.M турнир
 as equipas da Noruega, Hungria e Suíça
 DEM.F.PL команда-PL POS.DEF.F Норвегия Венгрия и Швеция
 Национальная сборная до 16 лет будет участвовать в 34 Турнире
 Порту с 30 марта по 3 апреля. Кроме Португалии, в этом турнире
 участвуют... команды Норвегии, Венгрии и Швеции (AB 16.02.16).

Имперфектная форма *ia* + *inf.* Системы прошедшего и настоящего времени не вполне симметричны, и общее соотношение употреблений перифразы *ia* (имперфект) + *inf.* и Futuro no passado не идентично соотношению *vai* (презенс) + *Inf.* и Futuro simples.

Известно, что имперфект, будучи центром плана прошедшего, может употребляться в значениях будущего в прошедшем, однако нам не встречаются контексты, однозначно поддающиеся такой интерпретации. Контексты с Futuro no passado также немногочисленны, и нам не встречалось совместное употребление этого времени и перифразы *ia* + *inf.*

Впрочем, ничто не мешает футуральной интерпретации *ia* + *inf.*:

- (4) Dizia-se que os chineses
 Сказать-IMPERF.3SG=REFL что DEF.M.PL китаец-PL
iam *rebentar* com aquilo tudo
 идти.IMPERF-3PL разбить-INF с DEM всё
 Говорили, что китайцы разломают все это (M 27.07.16).

Ср. употребление Futuro no passado:

- (5) Quando *lhe* disse que o
Когда 3SG.DAT сказать.PERF-3SG что 3SG.M.ACC
enviaria...
отправить-COND.3SG

Когда [он] сказал ему, что отправит его... (Р 06.09.2016)

Существуют, однако, схожие контексты без согласования времен:

- (6) disse que se não conseguir o
сказать.PERF-3SG что если не достигнуть-FUT.SJV DEF.M
acordo de Madrid...
соглашение POS Мадрид
o seu executivo *vai convocar eleições*
DEF его.М исполнитель идти.PRES-3SG созвать-INF выбор.PL
[Он] сказал, что, если [он] не достигнет соглашения по Мадриду...
его исполнитель организует выборы (Р 12.09.2016).

Без согласования могут употребляться не только перифразы, но и другие темпоральные языковые средства, это требует отдельного изучения.

Перфектная форма *foi + inf.* Материал, изученный нами, содержит крайне мало употреблений перифразы *foi + inf.* и не позволяет с уверенностью интерпретировать их как футуральные:

- (7) A partir daí, *foi arregaçar* as mangas
Начиная оттуда идти.PERF-3SG засучить-INF DEF.F.PL рукав-PL
e *ir* a luta, romper fronteiras
и идти-INF в бой разрушить граница-PL

С того момента [он] засучил рукава и пошел в бой разрушать границы (Р 05.09.16)¹.

Несмотря на позицию Косериу по футуральности перифразы, в некоторых работах для *foi + inf.*, *fora + inf.* и *tinha ido + inf.* указывается значение завершенности [Никонов, 1981: 156].

Плюсквамперфектная перифраза *fora + inf.* В текстах мы не встретили примеров употреблений *fora + inf.*, в отличие от *tinha ido + inf.*, которая, по-видимому, является ее полным аналогом. Здесь мы также не можем однозначно проинтерпретировать темпоральное значение перифразы. Обнаруженные контексты *tinha ido + inf.* допускают в том числе понимание глагола *ir* в его основном лексическом значении:

- (8) Uma multidão em fúria perseguiu o
INDEF.F толпа в ярость преследовать-PERF.3SG DEF.M
Presidente...,
президент
que *tinha ido inaugurar*
который иметь.IMPERF-3SG идти-PTCP.PST-M открыть-INF
a renovação
DEF.F реновация

¹ Следует обратить внимание, что перифраза *ir + inf.*, как правило, не используется с глаголом *ir* в инфинитиве.

de um complexo de habitações sociais...
 POS INDEF.M комплекс POS жилье.PL социальный.PL.F

Толпа в ярости преследовала президента, который собирался было принять участие (или: шел, чтобы принять участие) в открытии комплекса социального жилья (Р 05.09.2016).

Формы *irá + inf.* и *iria + inf.* По формальным признакам перифраза *irá + Inf.* очень похожа на послепредбудущее, она является аналогом английской перифразы, которую приводит в пример О. Есперсен:

- (11) I shall be going to write
 ISG FUT быть идти-GER INF писать

Я буду собираться писать [Есперсен, 1958: 308].

Как показывает наш материал, во-первых, *irá + inf.* — это не относительное время, перифраза всегда используется независимо:

- (12) Estas iniciativas têm tido
 DEM.F.PL инициатива-PL иметь-PRES.3PL иметь-PTCP.PST-M
 grande recetividade
 большой-F восприимчивость
 junto da comunidade pelo que as
 рядом.DET.F сообщество INS.DET.M который 3SG.F.ACC
 iremos manter
 идти-FUT.1PL поддержать-INF

Эти инициативы были хорошо восприняты сообществом, поэтому мы их будем поддерживать (NVN 02.16).

Здесь имеется в виду футуральность по отношению к моменту речи.

Во-вторых, мы не наблюдаем различий во временной дистанции между *irá + inf.*, *vai + inf.* и Futuro simples:

- (13) A comemoração irá decorrer, a partir
 DET.F воспоминание идти-FUT.3SG проходить-INF начиная
 das 15 horas
 от.DET.F.PL 15 час-PL
 do próximo dia 12, ... numa sessão
 POS.DET.M следующий день 12 в.INDEF.F сессия
 que, tudo indica,
 который всё указывать-3SG
 será marcada memória... [sic!]
 быть-FUT.3SG отметить-PTCP.PST-F память

Мероприятие будет проходить с 15 ч. 12 числа... на сессии, на которой, как планируется, будет ознаменована память... (NV 03.03.16)

- (14) no Jamor, onde os Academistas
 в.DET.M Жамор где DET.M.PL академик-PL
 vão estar
 идти.PRES-3SG быть
 representados, ... provas que irá
 представить-PTCP.PST-M-PL состязание-PL который идти-FUT.3SG
 disputar no Jamor
 бороться-INF в.DET.M Жамор

На стадионе Жамор, где будут представлены Академики... [пройдут] состязания, в которых он будет участвовать на стадионе Жамор (NV 03.03.16).

В обоих контекстах футуральные средства относятся к одному и тому же моменту времени, и *irá + inf.* нельзя интерпретировать как послебудущее или отдаленное будущее.

В одной из статей того же номера NV 03.03.16 мы видим описание серии мероприятий между 4 и 11 марта 2016 г., в котором употребляются все рассмотренные футуральные средства плана настоящего (Futuro, Presente в значении будущего, *vai + inf.*, *irá + inf.* соответственно) без зависимости от конкретной даты:

- (15) *será inaugurada a exposição*
 быть-FUT.3SG открыть-PTCP.PST-F DET.F выставка

Будет открыта выставка

- (16) *as comemorações terminam...*
 DET.F.PL воспоминание.PL заканчиваться-3PL

Памятные мероприятия заканчиваются...

- (17) *vão ainda realizar-se ações...*
 идти.PRES-3PL еще реализовать-INF=REFL акция.PL

Еще будут проведены акции...

- (18) *irá ter lugar uma ação...*
 идти-FUT.3SG иметь-INF место INDEF.F акция

Будет иметь место акция...

Подобные контексты позволяют нам говорить о едином темпоральном значении указанных языковых средств².

Перифраза *irá + inf.* обозначает футуральность относительно прошедшего, а не будущего в прошедшем. В следующем примере ничто не даёт нам оснований для вычленения сложного темпорального значения, отличного от темпорального значения перифразы *ia + Inf.*:

- (19) *houve sempre qualquer coisa que*
 иметься.PERF-3SG всегда какой-то вещь который
lhe dizia que
 3SG.DAT сказать-IMPERF.3SG что
a sua vida iria passar por um
 DEF.F его.F жизнь идти-COND.3SG пройти-INF на INDF
campo de batalha
 поле POS битва

Всегда было что-то, что ему говорило, что его жизнь пройдет на поле битвы.

Возможно, имеет место лишь некоторое усиление значения за счёт совмещения двух футуральных языковых средств.

² В связи с примерами (17) и (18) следует вспомнить о возможном влиянии акциональных свойств предиката на выбор футуральных языковых средств. Вопросы акциональности затрагиваются, например, в работе [Tatevosov, 2005]. В настоящей работе мы не рассматриваем данную проблематику, однако изученные нами тексты не позволяют сделать выводы о значимости данного фактора в португальском языке.

Как уже было сказано, в настоящей статье не рассматривается проблема модальности, однако любое выражение футуральности так или иначе сопряжено с выражением модальности [Coseriu, 1977: 32, 33] (и высказывается мнение, что вообще языковое время — это область модальности [Лайонз, 2003: 349]), и наоборот — модальные языковые средства нередко становятся основными для выражения футуральных значений [Bybee, 1994: 244]. Дальнейший анализ вышеперечисленных языковых средств с точки зрения выражения модальных оттенков значения позволит составить более полное представление об их функционировании.

Заключение

Итак, рассмотрев функционирование темпоральных форм перифразы *ir + inf.* в португальском языке, мы можем сделать следующие выводы:

1) В перифразе *vai + inf.* не обнаруживается обязательного значения ближайшего будущего. В перифразе *irá + inf.* не обнаруживается обязательного значения после будущего или отдаленного будущего. Темпоральное значение перифраз *vai + inf.* и *irá + inf.* соответствует темпоральному значению *Futuro simples* и *Presente* в значении будущего. Различия, если они имеются, следует искать в модальности и во влиянии других факторов, в том числе экстралингвистических.

2) Темпоральное значение *ia + inf.* и *iria + inf.* соответствует темпоральному значению *Futuro no passado*. В перифразе *iria + inf.* не обнаруживается более сложного темпорального значения, чем в *ia + inf.* В плане прошедшего встречаются контексты без согласования времен, в том числе с использованием *vai + inf.*, что требует отдельного рассмотрения.

3) Имеются сомнения относительно футуральной интерпретации *foi + inf.* Перифраза *fora + inf.* в исследуемых текстах не обнаружена, в отличие от *tinha ido + inf.*, интерпретация которой также затруднена.

4) Система Э. Косериу, интерпретирующая все формы перифразы как самостоятельные футуральные единицы, требует дальнейшего уточнения с учетом изложенных выше выводов.

Список литературы

1. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
2. *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика. М., 2003.
3. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. В 5 т. Т. 2. М.; Вена. 1998.
4. *Неустроева Г.К.* Теоретическая грамматика португальского языка: Морфология. СПб, 1997.

5. *Никонов Б.А.* Грамматика португальского языка. М., 1981.
6. *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003.
7. *Фирсова Н.М.* Грамматическая стилистика современного испанского языка. Имя существительное. Глагол. М., 1984.
8. *Adriano P. Á. d. A.* O passado do futuro: uma análise diacrónica do ir + infinitivo no português europeu // *Entrepalavras*. V. 7 (2). 2017. P. 132–150.
9. *Barroso H.* Das *perífrases verbais* e/ou dos *complexos verbais perifrásticos* enquanto meio de expressão privilegiado de alguns valores aspectuais e/ou temporo-aspectuais em português // *Diacrítica*. № 13–14, 1999. P. 331–387.
10. *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
11. *Cintra L., Cunha C.* Nova gramática do português contemporâneo. Lisboa, 1994.
12. *Copley B.* Semantics of the Future. N.Y., 2009.
13. *Coseriu E.* Das romanische Verbalsystem. Tübingen, 1976.
14. *Coseriu E.* Sobre el futuro romance // *Estudios de lingüística románica*. Madrid, 1977. P. 15–39.
15. *Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. N.Y.; Oxford, 1985.
16. *Dahl Ö.* The grammar of future time reference in European languages // *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York, 2000. P. 309–328.
17. *Drzazgowska J.* As *perífrases verbais* no português europeu // *Romanica Cracoviensis*. Kraków, 2011. P. 107–115.
18. *Fleischman S.* The future in thought and language: Diachronic evidence from Romance. Cambridge, 1982.
19. *Hricsina J.* A evolução do tempo futuro em português é cíclica? // *Études romanes de Brno*. Brno, 2011. P. 171–180.
20. *Mateus M.H. M. et alii.* Gramática da língua portuguesa. Lisboa, 1989.
21. *Raposo E.B. P. et alii.* Gramática do português. Em 2 vol. Vol. 1. Lisboa, 2013.
22. *Tatevosov S.* From Habituals to Futures // *Perspectives on Aspect*. Dordrecht, 2005. P. 181–197.
23. *Travaglia L.C.* O aspecto verbal no Português: a categoria e a sua expressão. Uberlândia, 2016.

Pavel Egizaryan

TEMPORAL FORMS OF THE PERIPHRAISIS *IR* + *INF*. IN EUROPEAN PORTUGUESE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper discusses the temporal forms of the periphrasis *ir* + *inf.* whose functioning is not studied enough in the works on the Portuguese verb. E. Coseriu

considers all the forms of *ir* + *inf.* (*vai* + *inf.*, *irá* + *inf.*, *ia* + *inf.*, *iria* + *inf.*, *foi* + *inf.*, *fora* + *inf.*) to be future and independent units. The paper verifies this idea with the help of modern print media, specifically Portuguese newspapers published in 2016–2017. As long as the problem is in the expression of a similar grammatical meaning, the paper compares language means which express futurity in common or analogous contexts (guided by the principles of grammatical synonymy described by N. Firsova), analyses their common temporal meaning, time distance and other characteristics. The paper examines *vai* + *inf.* in comparison with Future Simple and Present in future meaning; *ia* + *inf.* in comparison with Future in the Past; *foi* + *inf.*, *fora* + *inf.* and *tinha ido* + *inf.* (the form absent from Coseriu's theory but present in actual texts) without comparison with other forms (there are no other forms with the same temporal meaning); *irá* + *inf.* in comparison with *vai* + *inf.*, Future Simple and Present in future meaning; *iria* + *inf.* in comparison with *ia* + *inf.* The paper does not examine possible differences in modality and makes a conclusion regarding the interchangeability of the language means in question, a possibility of their temporal interpretation, theoretical problems and differences between Coseriu's system and contemporary Portuguese usage.

Key words: Portuguese; temporal deixis; tense; future; futural periphrasis.

About the author: *Pavel Egizaryan* — PhD Student, Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: pavel@egizaryan.ru).

References

1. Adriano P. Â. d. A. O passado do futuro: uma análise diacrónica do *ir* + *infinitivo* no português europeu // *Entrepalavras*, v. 7 (2), 2017, pp. 132–150.
2. Barroso H. Das *perífrases verbais* e/ou dos *complexos verbais perifrásticos* enquanto meio de expressão privilegiado de alguns valores aspectuais e/ou temporo-aspectuais em português. *Diacrítica*, 1999, № 13–14, pp. 331–387.
3. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago. *University of Chicago Press*, 1994. 420 p.
4. Cintra L., Cunha C. Nova gramática do português contemporâneo. 10.ª ed. Lisboa. *Edições João Sá da Costa*, 1994. 734 p.
5. Copley B. Semantics of the Future. N.Y. *Routledge Outstanding Dissertations in Linguistics*, 2009. 157 p.
6. Coseriu E. Das romanische Verbalsystem. Tübingen. *TBL-Verlad Narr*, 1976. 197 p.
7. Coseriu E. Sobre el futuro romance. *Estudios de lingüística románica*. Madrid. *Gredos*, 1977, pp. 15–39.
8. Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. N.Y., Oxford. *Basil Blackwell*, 1985. 213 p.
9. Dahl Ö. The grammar of future time reference in European languages. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York. *Mouton de Gruyter*, 2000, pp. 309–328.

10. Drzazgowska J. As perífrases verbais no português europeu. *Romanica Cracoviensia*. Kraków, 2011, pp. 107–115.
11. Firsova N. M. Grammaticheskaya stilistika sovremennogo ispanskogo yazyka. Imya suschestvitelnoye. Glagol [Grammatical stylistics of the modern Spanish language. Substantive. Verb]. Moscow. *Vyshshaya shkola Publ.*, 1984. 272 p.
12. Fleischman S. The future in thought and language: Diachronic evidence from Romance. Cambridge. *Cambridge University Press*, 1982. 218 p.
13. Hricsina J. A evolução do tempo futuro em português é cíclica? *Études romanes de Brno*, 2011, vol. 32, № 1, pp. 171–180.
14. Jespersen O. Filosofiya grammatiki [The Philosophy of grammar]. Moscow, *Izdatelstvo inostrannoy literatury*, 1958. 404 p.
15. Lyons J. Lingvisticheskaya semantika [The Linguistic semantics]. Moscow. *Yazyki slavyanskoy kultury Publ.*, 2003. 400 p.
16. Mateus M.H.M. et alii. Gramática da língua portuguesa. 4.ª ed. Lisboa. *Caminho, Coleção universitária*, 1989. 419 p.
17. Melchuk I.A. Kurs obschey morfologii [Course of general morphology]. In 5 v. V. 2. Moscow, Vienna. *Yazyki russkoy kultury Publ., Vensky slavisticheskiy almanakh Publ.*, 1998. 544 p.
18. Neustroeva G.K. Teoreticheskaya grammatika portugalskogo yazyka: Morfologiya [Teoretical grammar of the Portuguese language: Morphology]. Saint-Petersburg. *Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy universitet Publ.*, 1997. 199 p.
19. Nikonov B.A. Grammatika portugalskogo yazyka [Grammar of the Portuguese language]. Moscow. *Vyshshaya shkola Publ.*, 1981. 263 p.
20. Plungyan V.A. Obschaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General morphology: Introduction to the problem]. Moscow. *Editorial URSS*, 2003. 384 p.
21. Raposo E.B.P. et alii. Gramática do português. Em 2 vol. Vol. 1. Lisboa. *Fundação Calouste Gulbenkian*, 2013. XLVII, 1150 p.
22. Tatevosov S. From Habituals to Futures. *Perspectives on Aspect*. Dordrecht. *Springer*, 2005, pp. 181–197.
23. Travaglia L.C. O aspecto verbal no Português: a categoria e a sua expressão. Uberlândia: *EDUDU*, 2016. 316 p.

В.В. Сорокина

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА “OSTEUROPA”)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова 119991, Москва, Ленинские горы, 1

После спада интереса к русской литературе в конце 1990-х годов в немецком журнале «Остойропа» произошли значительные организационные, качественные и количественные изменения. Характер оценок русской литературы стал менее тенденциозным, появился интерес к творчеству молодых писателей, обладателей национальных литературных премий. Среди уже устоявшегося интереса журнальной критики к «другой литературе» 1920–1930-х годов и творчеству русских диссидентов второй половины XX в. появились новые темы, ранее не поднимавшиеся авторами «Остойропы». Они обращаются к проблеме коммерциализации русской литературной критики, к феномену русскоязычной литературы, к творчеству современных русских писателей Германии. Литература XX в. стала рассматриваться в контексте европейского литературного процесса. В связи с этим в исследованиях начал преобладать сравнительно-сопоставительный подход к анализу произведений русских писателей. Появление тематических выпусков журнала дает возможность представить творчество русских писателей с разных точек зрения и даже на междисциплинарном уровне. В рассматриваемый период таких выпусков были удостоены В. Шаламов, А. Платонов и С. Алексиевич.

Ключевые слова: журнал «Остойропа»; литературная критика; национальные литературные премии; русскоязычная литература; В. Шаламов; А. Платонов; С. Алексиевич.

С конца прошлого века, когда стал очевидным упадок интереса западноевропейского литературоведения к изучению русской литературы, многое изменилось¹. Однако, как и прежде, общественно-политический и научный немецкоязычный журнал «Остойропа» не перестает уделять пристальное внимание литературно-художественному процессу в России, предлагая читателю новые формы и разнообразие взглядов.

Сорокина Вера Владимировна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vvsoroko@gmail.com).

¹ Об этом подробнее см.: *Сорокина В.В.* Западноевропейская русистика в начале XXI века // Stephanos. 2017. № 6. С. 115–129.

На протяжении уже более полувека «Остойропа» является одним из самых авторитетных изданий, посвященных изучению литературы и общественной жизни восточноевропейских стран, включая Россию, но история его началась значительно раньше. Отмечая свой восьмидесятилетний юбилей в 2005 г., журнал без ложной скромности назвал себя «Зеркалом времени». В этом сравнении, без всякого сомнения, много точного. Задачу журнал видит прежде всего в «предоставлении читателю информации и помощи ему в преобразовании ее в знания» [Sapper, Weichsel, 2005: 3]. Сформировавшаяся как орган Общества по изучению России, «Остойропа» всегда уделяла много места изучению ее. Журнал постоянно отстаивает свою позицию междисциплинарности, поэтому статьи литературно-критического характера, как правило, сочетаются в нем с работами социологов, экономистов, историков. После двенадцатилетнего вынужденного перерыва журнал в 1951 г. возобновил свою деятельность, значительно расширив горизонты исследований проблем Восточной Европы.

В 1950–1960-е годы, когда европейское литературоведение в целом занимало исключительно малопривлекательную позицию, журнал «Остойропа» стал центром западногерманских советологических исследований. В то время в статьях, посвященных русской литературе, обращалось особое внимание на антихудожественный характер произведений социалистического реализма.

Начиная с 1970-х годов ситуация несколько меняется. Теперь в номерах журнала стали появляться публикации, в которых подчеркивалась исключительная самобытность русских писателей-диссидентов. Критика выдвигает как главную задачу не критиковать, не разоблачать, не полемизировать, а просто «восполнять дефицит информации» о современной русской литературе, которая сохраняет приоритетные позиции в журнальной тематике.

После смены руководства в 2002 г. и переезда редакции журнала из Штуттгарта в Берлин доля публикаций о русской литературе значительно сократилась в пользу других славянских литератур, изменилась и редакторская политика. В опубликованном «Меморандуме о состоянии славистики в Германии» [Schmid, Berwanger, 2005] говорится, что после невиданного подъема интереса ученых, издателей, читателей к русской литературе в период 1945–1995 гг. пришло время резкого (на 27%) снижения интереса, сокращения публикаций, переводов и дискуссий по вопросам русской литературы. Произошла переориентация многих издательств, сократились тиражи профильных периодических журналов, а некоторые, ориентированные исключительно на русского читателя, вообще прекратили существование. Такое состояние современной славистики сказалось и на резком сокращении публикаций о русской литературе.

В 2010-е годы редакция журнала опять вернулась к этой теме, усмотрев в состоянии славистики более глубокие процессы. В статье с красноречивым названием «Конец и возрождение филологии. Перспективы литературоведческой славистики» У. Шмид бьет тревогу по поводу вырождения славистики в политический инструмент, играющий роль моста между Западом и Востоком. Профессиональной славистике, по его мнению, «приходится продираться сквозь культурологическое нашествие на филолого-исторические специальности» [Schmid, 2013b]. Очевидной стала и неоднородность оценок различных национальных литератур. Теперь, когда существенная часть славянских стран объединилась с остальной Европой, назрела острая необходимость сосредоточиться на изучении их литературы. В таких условиях публикации о русской литературе сокращаются; меняется и их характер.

Сокращение публикаций о русской литературе в журнале способствовало более серьезному отбору предлагаемых для публикации материалов. Так, впервые за долгие годы в журнале оказались работы о русской классической литературе и ее общественном значении для всей европейской культуры. В статье «Религиозная служба писателей: ересь Гоголя, Достоевского и Толстого» уже упоминавшийся швейцарский специалист по русской культуре У. Шмид обращается к идее сильной социальной ангажированности творчества русских классиков. По его мнению, большинство русских социальных проектов имело религиозную подкладку, необходимую для совершенствования народного единства, и писатели, каждый по-своему, участвовали в пропаганде этих идей. Гоголь аскезой и самобичеванием, Достоевский проповедовал братство всех людей под эгидой русского мира, Толстой отвергал любую иерархию и предлагал искоренять зло радикальным пацифизмом. Эти религиозные программы имели различные конфессиональные свойства: Гоголь сближался в своем акцентировании апокалипсиса с католицизмом; неистовость Достоевского указывает на параллель с протестантизмом; толстовский отказ от личного бога и его квиетизм духовно сближают его с буддизмом [Schmid, 2009].

Такая особенность творчества русских писателей, по мнению автора, привела к тому, что в отечественной литературе не получила развития западная модель буржуазного романа воспитания, произведения же этих авторов следует воспринимать не как художественный текст, а как философские откровения.

И все-таки подавляющее количество публикаций журнала о русской литературе связано с современным литературным процессом. С начала XXI в. в условиях устоявшегося интереса немецкой критики к литературе авангарда, эмиграции, андерграунда прошлого

столетия появились новые темы, ранее не поднимавшиеся авторами «Остойропы». Они обращаются к проблеме коммерциализации русской литературной критики, к феномену русскоязычной литературы ближнего зарубежья, к творчеству русских писателей Германии.

Традиционно журнал «Остойропа» в 1970–1990-е годы славился высокопрофессиональными аналитическими литературными обзорами патриарха западногерманской русистики В. Казака, сына знаменитого автора романа «Город за рекой» Г. Казака, выучившего русский язык в плену и посвятившего всю свою творческую жизнь пропаганде русской литературы на Западе. В изданном в 1976 г. «Лексиконе русской литературы XX века» исследователь исходит из принципа единого потока русской словесности, поэтому включает в справочник имена всех писателей независимо от политических взглядов, места проживания и художественных приемов. После его кончины в 2003 г. К. Каспер продолжает знакомить западного читателя с современным русским литературным процессом, делая особый упор на литературную жизнь. В течение более пятнадцати лет редакция публикует цикл его работ под общим названием «Литературная жизнь России в... году».

Принципиальным отличием очерков К. Каспера от обзоров В. Казака является их вторичность по отношению к российской критике, представленной в изданиях «Литературной газеты», «Независимой газеты», «Нового литературного обозрения», «Вопросов литературы», «Знамени» и др. Склонность оценивать проявляется отчасти в названиях его статей: «Фавориты взыскательных» (В. Маканин), «Провокаторы» (В. Сорокин, В. Ерофеев, Э. Лимонов, В. Шаров), «Женская проза» (В. Токарева, Г. Щербакова, Т. Толстая, Н. Садур, Л. Петрушевская), «Реалистические рассказчики» (О. Павлов, А. Варламов, Г. Владимов, А. Ким, О. Ермаков), «Автобиография и документалистика» (А. Сергеев, А. Мелихов, С. Липкин, А. Рыбаков), «Новые реалисты» (С. Шаргунов, Р. Сенчин) и т.д.

Наряду с попытками представить широкий тематический и жанровый спектр современной русской литературы К. Каспер печатает скрупулезно составленные таблицы лауреатов бесконечных премий и графики писательских рейтингов по данным российских литературно-художественных и научно-популярных изданий [Kasper, 2010; 2013]. Несомненную ценность представляет регулярно публикуемая библиография переводов русской литературы на немецкий язык. Ее данные свидетельствуют о значительном росте, начиная с конца 2000-х годов, ассортиментного списка переводимых и переиздаваемых произведений русской литературы. Приоритетное место в нем занимают переводы Д. Хармса и «возвращенная» (нем. «поздно обнаруженная») литература 1930–1940-х годов, особенно

опубликованное в 1991 г. «Пятое путешествие Гулливера» погибшего в 1942 г. писателя М. Козырева.

И хотя порой замечания критика бывают довольно эмоциональны и ироничны («вожаки совести», «смятение чувств», «конгломерат исторических интерпретаций», «триумф патриотической ретрокультуры», «карусель писательской элиты», «чехарда литературных звезд»), нужно признать, что в этих публикациях дается обобщенная и подробная картина литературной жизни России соответствующего периода.

Обильный справочный материал, представленный К. Каспером, логически дополняется многочисленными рецензиями, призванными не только информировать читателя о выходе книги или поступлении ее в магазин, но и показывающими произведение в «контексте» окружающей его жизни. Рецензия, как правило, небольшая по объему, поэтому суждение высказывается четко и прямолинейно. Очевидные новшества, пришедшие в журнал вместе с XXI в., не повлияли на структуру справочно-библиографического раздела и литературно-критические жанры — аналитический обзор, литературно-критическая статья и рецензия сохранили свои позиции.

Значительное снижение количества публикаций о русской литературе в 2000—2018 гг. привело к качественным изменениям критических материалов. На смену поверхностно-аналитических обзоров пришли научно-исследовательские статьи. Все более очевидным становится сравнительный подход к анализу произведений русских писателей.

Показательна с этой точки зрения статья Д. Буркхарт о вариациях на тему гоголевской «Шинели» в романе В. Маканина «Андерграунд» (1998) и в рассказе немецкого писателя У. Тимма «Пальто» (Das Mantel, 1999) [Burkhart, 2005]. По ее мнению, помимо центрального, гоголевского, мотива «шинели», представляющей собой символ двойничества, некоей другой половины человеческой сущности, в обоих современных произведениях возникают «религиозно-этические, философско-метапоэтические и экологически-цивилизационно критические аспекты», требующие обсуждения. Так, полагает Д. Буркхарт, проявляется интертекстуальная сущность современной европейской литературы.

Тот же сопоставительный принцип лежит и в основе работы Л. Каткус «Комическая агония. Гротеск в позднесоциалистической литературе». В ней автор обращается к приему гротеска как «средству изображения сильного общественного интереса» и сопоставляет поэму «Москва — Петушки» В. Ерофеева, «Малый Апокалипсис» Т. Конвицки и «Вильнианс Покерис» Р. Гавела, в которых фанта-

стическое преувеличение служит изображению распада «бредовой, пьяной, мертвой и безумной мечты» [Katkus, 2012: 89] завершающейся эпохи.

В большинстве обзоров российской литературной жизни К. Каспера также преобладает сравнительно-сопоставительный подход. Анализируя произведения В. Маканина, автор представляет его западному читателю как продолжателя европейской модернистской литературы, использующего запас пародийных приемов Дж. Джойса, В. Набокова, Х. Борхеса и даже французского «нового романа». «Он прошел по краю писательского поколения шестидесятников, чей путь в семидесятые годы опустился в андерграунд социалистического реализма и привел к изображению мучительного процесса самосознания» [Kasper, 1999: 454].

Этим сопоставительный принцип анализа художественных текстов не ограничивается. Сравниваются А. Геласимов с У. Фолкнером и Э. Хемингуэем, М. Шолоховым и Ю. Бондаревым; Е. Попов и А. Левкин с Г. Майринком; А. Иличевский с Р. Музилом; М. Шишкин с Т. Манном [Kasper, 2003; 2005; 2008; 2010].

В обозреваемых произведениях критик видит отчетливую тенденцию к возвращению к традиционной романной форме и поиску новых тем в историческом материале. Романы Е. Чеботарёвой «Волки и медведи», В. Сорокина «Теллурия», Е. Водолазкина «Лавр» представляются как «новый средневековый роман» [Kasper, 2014], имеющий уже долгую постмодернистскую традицию на Западе.

Наибольшее количество откликов у критиков журнала «Остойропа» вызывает творчество В. Сорокина, В. Пелевина и И. Бродского. Поэт представляет интерес для тех исследователей, которые склонны к структурному анализу: их привлекает поэтическое мастерство И. Бродского, преемственность его творчества по отношению к лучшим образцам русской поэзии [Huber, 2006; Venclova, 2003].

Творчество В. Сорокина особенно хорошо знакомо западному читателю. На немецком «русском литературном горизонте» он вообще представляется как первая фигура. Количество переводов его произведений с конца 1990-х годов постоянно увеличивается на протяжении уже второго десятилетия. Русский писатель воспринимается прежде всего как провокатор, великолепный мастер стиливой пародии. В обзорах К. Каспера его имя, так же как и имя В. Пелевина, стоит обычно в разделах «Другая литература». Оба писателя представляются критиком как «противники ретрокультуры» [Kasper, 2010: 160], «восточные пародисты западной мысли» [Kasper, 2005: 121]. В статье, посвященной творчеству обоих писателей, «Террор опричнины, или Диктатура вампира?» К. Каспер довольно подробно пересказывает содержание романов «День опричника» Сорокина

и «Амбир “В”» Пелевина и приводит высказывания российских критиков об этих произведениях. На основании выбранного критического материала обозреватель заключает, что «альтернативные концепции русской истории с дистопическими схемами» [Kasper, 2007] на сегодняшний день очень популярны в русской литературе. В доказательство сказанного автор вспоминает «Маскавскую Мекку» А. Волоса, «Самовар» М. Веллера, «Оправдание» Д. Быкова.

Однако мнение российской критики для К. Каспера не всегда приемлемо. Иногда его суждения значительно отличаются от вкуса жюри литературных премий. В обзоре «Урожай: важнейшие русские романы 2003 года без литературных премий» [Kasper, 2004: 104] автор сетует, что среди лауреатов не нашлось места Быкову с романом «Орфография», Пелевину с романом «Числа» и Волосу с «Маскавской Меккой». Он полагает, что эти произведения должны были бы быть отмечены премиями в первую очередь, так как «все три романа выстраиваются на философской основе, которая представляется то в виде интригующего упрощения, то на манер построенного на мистике жизненного плана и утопических проектах, то побуждают к глубоким размышлениям о развитии национальной истории после распада Советского Союза» [Ibidem].

Общеввропейская тенденция современного литературоведения к подмене собственно литературно-критического анализа изучением околολитературных подробностей, или, иными словами, «литературного быта» не могла не проявиться на страницах анализируемого журнала. По этому поводу сокрушались уже многие исследователи на Западе. Об опасной для науки подмене филологии «культурологией» переживал на страницах «Остойропы» и автор объемной статьи «Маски желаний. Гомосексуализм в русской литературе» [Schmid, 2013a] У. Шмид. Однако сам не смог отказаться от обсуждения шекотливой и нетрадиционной для русской литературы и культуры темы.

Хорошо известные примеры взаимоотношений писателей со своими партнерами, по мнению критика, оказали существенное влияние на их художественное творчество. Особенно это проявилось в литературе русского модернизма. В постсоветском литературном пространстве эта тема стала формой политического протеста, своеобразным вызовом усредненному вкусу. Автор статьи прослеживает мотив гомосексуальности начиная с творчества А. Амфитеатрова и М. Кузмина вплоть до «Слез на цветах» Е. Харитоновой и «Кавказского пленного» В. Маканина. Последний пример позволяет обратить внимание на соединение двух литературных традиций — классической и модернистской.

Как уже отмечалось, на страницах «Остойропы» в последние годы появились статьи, затрагивающие ранее не знакомые журналу, новые

темы. Среди них российская литературная критика. Литературные обозреватели стали обращать внимание на русскую критику не только как на источник первичной информации и мнений о русской литературе, но и как на самостоятельное явление российского литературного процесса. Основные вопросы вызывают параметры оценки произведений, так как для западноевропейской критики они являются важным элементом литературно-критической работы, в которой они видят элементы семиотического, эстетического и читательского анализа.

По мнению исследователей, современная российская критика «сильно коммерциализировалась». Судьбу литературного произведения теперь определяют премии, а не критический разбор и читательская оценка. К тому же «ощущается недостаток внятного профессионального анализа литературного материала, предметного объяснения художественной и общественной значимости произведений» [Menzel, 2003]. В России происходит расширение эстетических норм и форм, и процесс этот сопровождается уменьшением количества компетентных молодых критиков. Обращается внимание и на то, что в российской печати представлена смесь цинизма, идеологизации и современного экстремизма, полная «этико-моральной безответственности». Западные критики высказывают сожаление, что в современной России среди определенной части интеллектуалов так и не получили развития плюрализм мнений и уважение к читателю.

Высказываются упреки в неоднородности литературного материала. С одной стороны, ощутима приватизация книжного рынка, а с другой — значение печатного слова в России изменилось: теперь печатается огромными тиражами массовая литература и книги «с минимальными требованиями качества» [Dubin, 2003].

Еще одно журнальное новшество — выпуск специализированных тематических номеров, среди которых пусть редко, но встречаются тома о русских писателях. В последнее десятилетие такой чести были удостоены В. Шаламов, А. Платонов и С. Алексиевич. Выбор имен явно свидетельствует о неослабевающем интересе западноевропейской русистики к писателям, творчество которых в России еще не получило канонической оценки и требует аналитического прочтения.

В 2007 г. вышел номер с характерным названием «Лагерное послание. Варлам Шаламов и исследование ГУЛАГа» [Das Lager Schreiben, 2007], приуроченный к столетию писателя. В редакционной статье «Оплот преисподни» говорится об уникальной творческой манере писателя, «оказавшегося в тени “Архипелага ГУЛАГ” А. Солженицына» [Saper, Weichsel, Hutterer, 2007]. Авторы рассматривают

произведения Шаламова как документальную прозу, обличающую «мир, в котором человек был превращен в материал», а сам писатель играет роль обвинителя. Отмечается, что художественное мастерство выделяет Шаламова из ряда авторов, разрабатывающих сходные темы (называются Х. Семпрун, французский и испанский писатель, автор книг о концлагерях; П. Луви, автор воспоминаний «Выживание в Освенциме»; И. Кертес, нобелевский лауреат 2002 г. за книги о Холокосте). Исходя из расставленных редакторами выпуска акцентов, очевидно, что в творчестве Шаламова их больше всего привлекает идеологическая составляющая: они надеются, что память о сталинских репрессиях в ближайшем будущем преодолет региональный характер и примет мировой масштаб, как в случае с Холокостом.

Таким подходом к произведениям русского писателя объясняется внушительное количество материалов и публикаций о ГУЛАГе, Колыме, взаимоотношениях Шаламова и Солженицына. В то же время в номер вошли статьи, напрямую касающиеся литературно-критической оценки «Колымских рассказов», и в них авторы стараются ответить на вопросы о жанровом своеобразии, поэтической манере; включить творчество Шаламова в контекст европейской литературной традиции.

В статье «Поэтика неозлобленности. Варлам Шаламов: жизнь и творчество» Ф. Тун-Хохенштайн подробно останавливается на особенностях поэтического языка, в основе которого лежит «предельный лаконизм и беспристрастность», создающие эффект «лагерного присутствия» [Thun-Hohenstein, 2007: 40]. Теме восприятия произведений Шаламова на Западе и Востоке посвящена статья А. Хартман «Окно в прошлое» [Hartmann, 2007]. В ней обращается внимание на тот факт, что для западного читателя, познакомившегося с произведениями Шаламова еще в 1970-е годы, тема ГУЛАГа уже давно исчерпана. Для советского же читателя того времени она была маргинальной. Сейчас чтение «Колымских рассказов» уже не воспринимается идеологически, и поэтому, как считает исследователь, настало время научного анализа художественных приемов.

Эта же мысль развивается в работе У. Шмида «Не-литература без морали. Почему Варлам Шаламов не читался». Будучи впервые опубликованным в Германии в 1967 г., Шаламов не стал востребованным писателем на волне увлечения Западом Солженицыным, объясняет исследователь, подтверждая свои доводы подробной историей публикаций произведений в разное время и в разных странах. Только в последние годы, указывает У. Шмид, исследователи увидели в его произведениях особую технику, соединяющую приемы авангарда и реализма в противоречивое единство. «Его тексты дают читателю,

не имеющему своего собственного опыта ГУЛАГа, самое общее представление. Многое остается недосказанным и загадочным» [Schmid, 2007: 90].

Другую проблему восприятия Шаламова Шмид связывает с особенностями его поэтических приемов, выражающихся в концепции «новой прозы», которая смещает связь между автором и текстом. Эта манера письма не рассчитана на простоту прочтения, так как действия практически нет, многое остается недосказанным, а что-то следует угадывать. В отличие от Солженицына, который создает «эстетическую дистанцию» между читателем и рассказчиком, Шаламов предельно сокращает расстояние между автором и текстом, автором и героем, добываясь тем самым предельной достоверности.

Такая авторская стратегия, по мнению Шмида, неизбежно исключает моральную оценку изображаемого, ведь при известном сближении автора и персонажа практически невозможно «отстранение описываемого», но именно так достигается этическая составляющая текста. Повествователь шаламовских рассказов почти не описывает проявления жестокости и унижения, он лишь отмечает их как повседневную последовательность событий. В этом приеме исследователем обнаруживается влияние поэтики ЛЕФа, литературы факта, которая требует предельной объективности, сближающей литературу с фотографией и кинематографом.

Таким образом, литература наполняется у Шаламова особым свойством — она становится «не-литературой и утрачивает моральные притязания», о чем сам писатель высказывался в статье «О прозе». Шаламовская концепция «новой прозы» с утверждаемым в ней моральным нигилизмом намного опередила свое время, поэтому Шмид предлагает читать «Колымские рассказы» не как документы прошедшей эпохи, а «как опыт литературного решения весьма актуальной проблемы» [Schmid, 2007: 91].

К теме соотношения идеологии, морали и творчества обращена статья К. Штедтке «Низвержение идола — конец гуманизма? Литературная модель Оттепели: Солженицын и Шаламов». Она продолжает развивать поставленный в предыдущей работе вопрос о «этическом нигилизме», обсуждавшийся в России творческой интеллигенцией с самого начала XX в., но забытый в советское время. Он снова возникает в творческой полемике Шаламова и Солженицына, который настаивал на возвращении к старому нравственному порядку.

Шаламов обнаруживает в ГУЛАГе мощную силу, разрушающую человеческую природу. В то время как его оппонент встраивает лагерный быт в русскую историю, автор «Колымских рассказов» воздерживается от попытки объяснения мира и создания программных проектов. «Проза его лишена эмоциональности и восходит к опытам

русского модерна. Гуманистический пафос звучит, когда речь идет о сопротивлении отдельного человека абсурдному и смертоносному окружению или когда трезвая объективность и рискованное поведение отдельных фигур открывается взору. Индивидуальная мораль проступает в подтексте шаламовской прозы» [Städtke, 2007: 149].

На метафорическом прочтении прозы Шаламова настаивает Л. Юргенсон в статье «След. Документ. Протез. “Колымские рассказы” Варлама Шаламова» [Jurgenson, 2007]. По ее мнению, создание этих рассказов являются «борьбой против забвения, останавливает утечку лагерной памяти. Более того, они обращаются к сложностям передачи читателю лагерного опыта». Исследовательница прибегает к метафорическому образу «писательского тела», документально подтверждающего ценность слов. Сравнивая художественные приемы Шаламова с приемами итальянского поэта и прозаика П. Леви, описывающего жизнь в немецком концлагере, Юргенсон устанавливает сходство в обращении к приему «протезирования». «Писательское тело», пережившее лагерный быт, отличается от изначального «писательского тела»: оно уже с протезом. Как у П. Леви, с одной стороны, память — это «протез» опыта, с другой стороны, «искалеченное тело не может действовать без протеза».

Сопоставительный анализ «Колымских рассказов» Шаламова продолжается в статье Т. Петцер «Олимп воров. Доказательства Шаламова и Данило Киша» [Petzer, 2007]. В очевидной тематической связи творчества Шаламова и сербского писателя, обличающего террор, исследовательница видит не столько идеологическое, сколько поэтическое единство. Оно проявляется, как считает автор статьи, в отказе от пафосных стереотипов оценки «великих сюжетов» XX в., включая нацизм и сталинизм, оставляя место для юмора или иронии. Оба писателя талантливо балансируют между документом и художественным вымыслом. Знакомство с их произведениями создает впечатление подлинности изображаемого и развеивает миф о том, что в лагерях перевоспитывают жуликов и воров в благородных и дисциплинированных заключенных. Наоборот, писатели изображают процесс необратимой трансформации человеческой психики вплоть до полного уничтожения личности.

Приведенные примеры литературно-критического анализа творчества Шаламова на страницах журнала «Остойропа» свидетельствуют, что заявляемое большинством исследователей стремление к изучению поэтических средств создания художественных образов не всегда соблюдается. Идеологическая подоплека, желание увидеть в творчестве писателя злободневное, а не вечное превалируют, хотя и осознаются самими авторами статей.

В 2016 г. журнал публикует отдельный номер под названием «Утопия и власть. Андрей Платонов: современный взгляд», разви-

вающий уже сложившуюся традицию монографических выпусков и обнаруживающий явную формальную и идейную преемственность по отношению к выпуску о творчестве Шаламова, хотя составители М. Заппер и Ф. Вайхзель внесли ряд структурных изменений. Характерной чертой этого выпуска является соединение в нем сразу нескольких тем и направлений изучения. В него входят тексты самого Платонова, преимущественно эссеистического плана, исследования российских ученых, статьи западных платоноведов, а также материалы о культурно-историческом контексте времени, включая знаменитые высказывания Бродского о писателе. Такое разностороннее освещение платоновского творчества повлияло и на тональность всего выпуска: работы, исключительно идеологической направленности, как в книге о Шаламове, отсутствуют.

В предисловии отмечается, что для понимания феномена Платонова особенно важно соотнесение его жизни и творчества с контекстом эпохи. Обращает на себя внимание разнообразие методологических подходов и интерпретаций, отражающее довольно широкий спектр взглядов европейских ученых.

Известный своими публикациями о Платонове еще с 1980-х годов Х. Гюнтер представляет немецкому читателю обзор его жизни и творчества [Günther, 2016]. Он обращает внимание на «внешний» фактор восприятия творчества Платонова на Западе, в основе которого до недавнего времени лежала «фрагментарность» знакомства читателя с его книгами. Сегодня ситуация изменилась вследствие максимальной доступности произведений и архива писателя. Идеологический аспект изучения творчества сменяется анализом философской, мифопоэтической и антропологической проблематики. Особую важность приобретают текстологические исследования и контекстуальный анализ. Исследователь указывает и на принципиальные различия в трактовке творчества Платонова. На Западе его произведения рассматривались всегда в рамках модернистской традиции, в то время как на Востоке главным предметом критических споров была связь его с реалистической традицией, признаки которой наиболее очевидны в ранних туркменистанских рассказах. В настоящее время для Х. Гюнтера стало очевидным, что никакой творческий метод полностью не объясняет творческую манеру писателя, хотя сходство поэтики Платонова с принципами «новой вещественности» неоспоримо. С ними сближает его «холодное», отстраненное наблюдение, наряду с дистанцированным описанием и присутствием образа «сострадающего» рассказчика.

Материалы, представленные в статье Ш. Фитцпатрик «Энтузиазм и разочарование Платонова и И. Сац. Взгляд на революцию», дают возможность обратиться к культурно-историческому контексту

творчества и касаются частного случая в жизни Платонова — его дружбы с И. Сацем. По мнению автора, принятие революции очень быстро объединило столь разных людей, а потом столь же молниеносно повлияло на их творческий пафос: один занялся «печальной утопией», а другой — «черным юмором». Для И. Саца, многие годы работавшего в комиссариате образования литературным секретарем Луначарского, опыт гражданской войны сыграл выдающуюся роль в развитии его революционного энтузиазма. «Бюрократизация революции привела к разрушению всех надежд молодых людей. Жестокость коллективизации и индустриализации вместе с террором привели их в ужас» [Fitzpatrick, 2016: 142].

В статье А. Хартман «Несвоевременный и упрямый. Взгляд А. Платонова на Среднюю Азию» речь идет о туркменистанских рассказах, которые отмечены «высоким градусом его радикального отхода от литературных и идеологических условностей создания человеческих образов, хотя в начале творчества он вполне вписывался в соцреалистическую парадигму» [Hartmann, 2016: 167]. Автор строит свои доводы на анализе рассказов «Такыр» и «Джан». Они появились в 1934 г. после путешествия Платонова по Средней Азии в составе бригады литераторов, наблюдавшей там развитие социалистического строительства. А. Хартман считает, что у Платонова не получилось воспользоваться методом социалистического реализма в полной мере, хотя явные попытки и предпринимались. Однако «историческая отсталость и враждебность азиатских народов, религиозные предрассудки не позволили писателю преодолеть меланхолично-пессимистические настроения в рассказах» [Hartmann, 2016: 173].

Инженерное образование Платонова, по мнению Г. Витте, сыграло важную роль в формировании его художественного видения. Оно помогло писателю вывести в своих романах и рассказах антропологию технического человека, который в дальнейшем стал центральным образом творчества. У Платонова рабочий «механизировал» свой инструмент, инженер обращается с машиной как с «архаическим аппаратом». Отстраненный от машины человек и отстраненная от человека машина образует единство. Этим не соответствующим духу времени отношением к средствам производства питается энтузиазм платоновских героев, для которых фантастическое и животное видение будущего связано с антропологическим вызовом сформировавшегося технического человека. Этот новый человек — нечто среднее между биологическим и техническим, органическим и неорганическим миром. «Вездесущие бессмертные фантазии Платонова направлены не на отделение человека от его биологической сущности, а на включение его тела в универсальный энергетический проводник. Платоновские рабочие перенесли энтузиазм революции в проекцию технического человека» [Witte, 2016: 223].

Произведениям, создающим образ нового утопического человека в его биологической сущности, как считает Т. Петцер [Petzer, 2016], свойствен мотив преодоления смерти. В литературе и философии XIX в. с его стремительным научным прогрессом этот мотив получил конкретный образ в технических идеях продления жизни и физического бессмертия человека, в частности, в трудах Н. Федорова, родоначальника русского космизма. Его наследие творчески осмысливается Платоновым и воплощается в литературе первых лет советской власти.

В отдельный раздел выпуска объединены работы о «Котловане», в оценке которого исследователи в основном ориентируются на жанровый канон утопии. Статья Х. Гюнтера «Утопия в становлении и крушении. “Котлован” и Вавилонская башня» [Günther, 2016] соединяет в себе мысли, высказанные им ранее в других публикациях [Гюнтер, 2012]. Автор утверждает, что «общепролетарский дом» Платонова и архетипическая Вавилонская башня имеют много общего: они не были завершены. Однако возведение библейской башни сначала успешно продвигалось, а строительство «общепролетарского дома» уже на начальной стадии представляет собой катастрофу: результатом утопического проекта стала огромная яма, дыра в земле. Ученый настаивает, что только метафорическое, а не конкретно-историческое прочтение романа дает возможность рассматривать его в контексте споров о строительстве Вавилонской башни в русской культуре. В частности, речь идет о полемике Луначарского с Достоевским, у которого в «Легенде о Великом инквизиторе» строители Вавилонской башни оказались слабее явления Христа, и о поэме А. Гастева «Башня».

Мнение, представленное в статье Л. Дебюзер «Есть власть, есть и право. “Котлован” Платонова» [Debüser, 2016], продолжает поднятую Х. Гюнтером тему осуществления идеала. Утопическое представление о «свободных людях на свободной земле» автор соотносит не только с мыслями Н. Федорова о «всеобщем деле человечества», но и устанавливает более «длинные» связи с мировой литературой, в частности, с фаустовским поиском прекрасного и Хрустальным дворцом Чернышевского. Но на самом деле происходит бессмысленное и жестокое разрушение жизни людей, «организованных» государственной бюрократией.

Рассмотрение «Котлована» как метафоры продолжается в статье Р. Ходель «Коммунистическое и личное счастье. Поиски следов в “Котловане”» При всей многозначности и полифоничности произведения центральное место в нем принадлежит теме счастья. Для многих персонажей это последняя ценность, которая стоит выше справедливости и свободы. Они верят в коммунистическое обще-

ство, в котором счастье будет реализовано. Автор статьи задается вопросом: «Не является ли "Котлован" произведением, которое показывает страшное разрушение этой утопии? Указывает ли роман на метафорический мир, который больше соответствует счастью, чем тот, по эту сторону находящийся, пролетарский мир? Или устанавливает он тем временем безнадежность христианской этики без метафизики чувствительность гуманистических источников?» [Hodel, 2016].

Продолжает тему жанрового определения «Котлована» А. Гузки. По его мнению, то, что партия требовала от писателей включиться в процесс социалистического строительства, породило жанр производственного романа, в котором разрабатывались темы и идеологические лейтмотивы первого пятилетнего плана. «"Котлован" — формально классический производственный роман, откровенно согрешивший против жанровой нормы» [Guski, 2016]. Отклонение от канона ученый видит в критическом изображении абстрактной силы и ее закостенелого языка, в откровенной симпатии к социально обездоленным и «духовно нищим», тщетно надеющимся на обещания социализма. Всего этого писатель достигает исключительно поэтическими средствами, разрушающими идейную составляющую производственного романа.

У. Шмид, так же, как и в статье о Шаламове, выстраивает свои наблюдения, анализируя историю публикаций и переводов произведений Платонова в России и на Западе. В статье «Шутка, сатира, ирония и более глубокое значение. Тяжелое восприятие Платонова на родине и за границей» [Schmid, 2016] Шмид категорически утверждает, что творчество русского писателя — мирового уровня, но, к сожалению, оно не получило широкого признания ни в России, ни на Западе. Исследователь объясняет это отчасти тем, что предпринятые в 1970-е годы на Западе попытки опубликовать произведения Платонова оказались неудачными, потому что было слишком сложно передать в переводе особенности «русского стиля 1920—1930-х годов». В 1980-е годы в России, когда было опубликовано большинство произведений «возвращенной» литературы, работы Платонова оказались в тени романов Булгакова, Набокова и Пастернака по причинам того же порядка — из-за трудности восприятия стиля.

На этом можно было бы и закончить обзор платоновских публикаций в журнале «Остойропа», если бы не напечатанная в нем через год после выхода специального номера, вдогонку, статья А. Шпрёде «Революционный эпос, успокойный фольклор и литературная деконструкция утопии. Заметки к роману Андрея Платонова "Чевенгур"», продолжающая полемику о творчестве писателя. Автор

считает этот роман в большей степени идеологическим, чем другие произведения Платонова: «В нем развитие сюжета заменено изображением статического счастья, описанием странствия к счастливому городу. «Это иллюстрация утопической идеи, реализованной в равномерной жизни идеального государства. В полутени диалогов и свободной не прямой речи автор романа ставит под сомнение революционный настрой, с одной стороны, и догматические формы утопии, с другой» [Sproede, 2016]. Исследователь прослеживает параллели с средневековыми легендами о Александре Великом и его плане создания всеобщего государства.

Подводя итог обзору платоновских изысканий, собранных в отдельном выпуске журнала «Остойропа», следует отметить, что все они предприняты в русле поставленных современным платоноведением проблем. Среди них преобладают вопросы трансформации жанровой формы и метафоричности содержания. Не последнее место занимает тема преемственности платоновского творчества, в котором отмечаются как «дальние» схождения с мировой утопической литературой и фольклором, так и «ближние» связи с практикой русского авангарда.

Впервые вопрос о феномене русскоязычной литературы за пределами России был поставлен в журнале «Остойропа» в 2000 г. в статье В. Казака о журнале «Литературный европеец», органе Союза русских писателей Германии. По мнению специалиста, своей главной задачей журнал считает «сохранение русской зарубежной литературы, обобщение её опыта, развитие литературных традиций эмиграции на сегодняшнем этапе, противостояние негативным тенденциям новой, подконтрольной властям, российской литературы» [Kasack, 2000: 300]. В. Казак отдает себе отчет в том, что понятие русской литературной эмиграции себя исчерпало. Ему на смену пришлось нечто новое, еще не осмысленное критиками, но в значительной мере унаследовавшее традиции эмигрантской литературы, развивающее свои собственные темы и художественный стиль. Факт проживания в Европе в данном случае автоматически не отменяет традиционного российского сознания. Стилистика повестей и стихов, как правило, остается прежней. Содержательная (оценочная) сторона произведений «немецких русских», чаще всего негативная, как полагает исследователь, также не свидетельствует о появлении нового литературного явления. В. Казак в то время не сформулировал очевидные признаки русскоязычной литературы, но журнал «Остойропа» вернулся в этой проблеме в первом выпуске 2018 года в связи с творчеством С. Алексиевич, нобелевского лауреата по литературе 2015 г.

Белорусской писательнице так же, как и в случае с Шаламовым и Платоновым, посвящен целый номер журнала, в котором творчество

С. Алексиевич рассматривается как «уникальная находка для литературоведения, потому что о ней еще не написано ни биографической книги, ни популярной монографии, ни даже диссертации ни на немецком, ни на английском, ни на русском, ни на каком» [Editorial, 2018: 3] (тогда как творчество недавних лауреатов Нобелевской премии К. Исигуро (английского писателя японского происхождения) и П. Модiano (француза с итальянскими корнями) давно стало предметом литературно-критических исследований. «Почему же не Светлана Алексиевич?» — задается вопросом редакция «Остойропы» и в напечатанных статьях ищет ответа на него.

Все дело, полагают авторы, в сложности определения жанровой природы ее творчества, в спорах о художественности и документальности ее произведений. Добавляет неопределенности и национальная идентичность ее творчества. «Историки и социологи отдалаются от ее произведений», так как видят в них недостаток исторической правды, а для литературоведов жанр «устной истории» (oral history), в котором работает С. Алексиевич, недостаточно «художествен», тяготеет к журналистике.

В статье К. Хелшер отстаивается мнение о том, что писательница изобрела свой собственный жанр: «хор из разных голосов целой эпохи» [Helscher, 2018], который «исполняет» не исторические факты, а чувства людей. К. Гюнтер настаивает на художественности прозы Алексиевич и тем самым оправдывает присуждение ей Нобелевской премии именно по литературе. Критик видит в ее произведениях не только «своеобразную эстетическую силу», но и угадывает в «ее художественном мастерстве опыт советской документальной прозы 1920—1930-х годов и стиль диссидентской литературы А. Солженицына и В. Шаламова» [Günther, 2018: 85].

Полемiku продолжает Т. Рёзен, считающий выбор Нобелевской комиссии неожиданным. «Способ ее обращения с документами критиковался с точки зрения принадлежности к литературе. Правда, которую она создает, другая, чем у историков, но авторские цитаты из бесед в ее книгах впечатляют» [Roesen, 2018: 103]. Для Ю. Обертрайса прием полифонии позволяет Алексиевич «перерабатывать репортерские интервью в литературу, где каждый человек имеет свой голос» [Obertreis, 2018: 120], создающий духовную историю общества.

У. Шмид обращается к творчеству Алексиевич в связи с феноменом национального в европейской литературе [Schmid, 2018]. Он соглашается с тем, что для современного литературного процесса это явление бесспорно. Ему трудно понять соотношение национального и мирового в произведениях писательницы. С одной стороны, Алексиевич представляет себя как белорусского автора, но с другой — подчеркивает свою принадлежность к русской культуре и

литературной традиции. В юности оппозиционные настроения выражались у нее в протесте против «русского мира», и родина у нее сужалась до белорусской идентичности. Исследователь, впрочем, не видит в ее творчестве признаков традиции белорусской литературы, несмотря на развитие в произведениях Алексиевич приемов документальной прозы А. Адамовича. Он считает ее русскоязычным космополитом.

Выбор персоналий для разностороннего литературно-критического анализа обнаруживает закономерную последовательность редакционной коллегии журнала «Остейропа». Очевидно, что наиболее привлекательными объектами изучения являются писатели, о творчестве которых нет единого, или более менее устоявшегося мнения. Творческая манера их не вписывается ни в какой канон, но явно обнаруживает признаки развития традиции русского авангарда и литературы факта. Не последнюю роль в предпочтениях играет идеологическая составляющая, интерес к которой постоянно просматривается сквозь филологические изыскания.

Список литературы

1. *Burkhart D.* Das Phantasma des Mantels Gogol', Timm, Makanin // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2005. Bd. 55. N 11. S. 95–106.
2. *Debüser L.* “Man hat Gewalt, so hat man Recht”. Platonovs Baugrube // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016. N 8–10. S. 381–392.
3. *Dubin B.* Mass und Macht // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. N 9–10. S. 1281–1294.
4. Editorial. Ecco homo // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2018. Bd. 68. N 1–2. S. 3.
5. *Fitzpatrick Sh.* Enthusiasmus und Enttäuschung Platonovs und I. Sac'. Blick auf die Revolution // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016. N 8–10. S. 123–145.
6. *Günther Cl.* Mehr als Geschichte. Svetlana Aleksievič // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2018. N 1–2. S. 83–97.
7. *Günther H.* Leiden an der Revolution. Andrej Platonovs Leben und Werk // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016. N 8–10. S. 87–112.
8. *Günther H.* Utopie im Werden und Scheitern. Die Baugrube und der Turmbau zu Babel // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016. N 8–10. S. 311–316.
9. *Guski A.* Nullwachstum in der Wüste. Platonovs Baugrube und der sowjetische Produktionsroman // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016. N 8–10. S. 309–380.
10. *Hartmann A.* Ein Fenster in die Vergangenheit. Das Lager neu lesen // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2007. N 6. S. 55–80.
11. *Hartmann A.* Unzeitgemäß und eigensinnig. Andrej Platonovs Blick auf Zentralasien // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016. N 8–10. S. 163–193.

12. *Helscher K.* Die Menschenforscherin. Leben und Werk Svetlana Aleksievičs // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2018. N 1–2. S. 5–26.
13. *Hodel R.* Kommunistisches und persönliches Glück. Eine Spurensuche in Platonovs Baugrube // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016. N 8–10. S. 319–336.
14. *Huber P.* Verrat oder Vermittlung? Iosif Brodskiy als Doppelspion der Kultur // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2006. Bd. 56. N 3. S. 105–120.
15. *Jurgenson L.* Spur. Dokument, Prothese. Varlam Šalamovs Erzählungen aus Kolyma // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2007. N 6. S. 169–182.
16. *Kasack W.* “Der literarische Europäer”. Eine neue Monatsschrift russischer Schriftsteller in Deutschland // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2000. Bd. 50. N 3. S. 300–303.
17. *Kasper K.* Aus den Biographien geschuldet Literatur und literarisches Leben in Russland 2002 // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. Bd. 53. N 4. S. 536–554.
18. *Kasper K.* Das Literarische Leben in Russland 1998. Erster Teil: Favoriten, Provokature und Trendsetter // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 1999. Bd. 49. N 5. S. 452–469.
19. *Kasper K.* Die Zukunft der Vergangenheit. Das “Neue Mittelalter” im russischen Gegenwartsroman // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2014. Bd. 64. N 7. S. 121–140.
20. *Kasper K.* Ernteausfall. Die wichtigsten russischen Romane 2003 ohne Literaturpreis // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2004. Bd. 54. N 8. S. 97–116.
21. *Kasper K.* Megapolis versus Provinz. Russlands Gegensätze im Roman // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2008. Bd. 58. N 11. S. 129–154.
22. *Kasper K.* Terror der opričnina oder Diktatur der Vampire? Sorokin und Pelevin warnen vor Russlands Zukunft // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2007. Bd. 57. N 10. S. 103–126.
23. *Kasper K.* Vorwärts zur Retrokultur! Russische Literatur und Literaturpreise 2009 // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2010. N 6. S. 131–160.
24. *Kasper K.* Wo kommen wir her? Wo gehen wir hin? Russland und Schriftsteller Zwischen West und Ost // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2005. Bd. 55. N 11. S. 107–123.
25. *Kasper K.* Wechseljahre. Ein Kaleidoskop der neuen russischen Literatur // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2013. N 8. S. 59–94.
26. *Katkus L.* Komische Agonie. Das Groteske in der spätsozialistischen Literatur // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2012. Bd. 62. N 9. S. 87–96.
27. *Menzel B.* Blick durch ein deutsches Teleskop. Russische Literaturkritik im Wandel // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. Bd. 53. N 9–10. S. 1295–1307.
28. *Obertreis Ju.* Polyphonie auf den Trümmen des Sozialismus. Svetlana Aleksievič. Werk aus Sicht der Oral History // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2018. N 1–2. S. 117–134.

29. *Petzer T.* Der Olymp der Diebe. Spurensicherung bei Šalamov und Danilo Kiš // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2007. N 6. S. 205–228.
30. *Petzer T.* Utopie und Unsterblichkeit. Tod und Erlösung bei N. Fedorov und A. Platonov // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016. N 8–10. S. 267–282.
31. *Roesen T.* Zwischen den Stühlen. Dokument und Fiktion bei Svetlana Aleksievič // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2018. N 1–2. S. 99–108.
32. *Saper M., Weichsel V., Hutterer A.* Editorial. Bollwerk der Hölle // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2007. Bd. 57. N 6. S. 5–8.
33. *Sapper M., Weichsel V.* Editorial. Zeitspiegel // Osteuropa, Berlin; Stuttgart, 2005. N 12. S. 3.
34. *Schmid H., Berwanger K.* Memorandum über die Lage der Slavistik in Deutschland // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2005. Bd. 55. N 9. S. 122–129.
35. *Schmid U.* Das religiöse Amt des Schriftstellers. Häresen bei Gogol', Dostoevskij und Tolstoj // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2009. Bd. 59. N 6. S. 261–275.
36. *Schmid U.* Ein eigener Ton. Svetlana Aleksievič, das Belarussische und die russische Kultur // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2018. N 1–2. S. 135–148.
37. *Schmid U.* Ende und Neubeginn der Philologie. Perspektiven für die Slavistik // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2013b. Bd. 63. N 2/3. S. 31–54.
38. *Schmid U.* Masken des Begehrens. Homosexualität in der russischen Literatur // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2013a. Bd. 63. N 10. S. 17–48.
39. *Schmid U.* Nicht Literatur ohne Moral. Warum Varlam Šalamov nicht gelesen wurde // Osteuropa, Berlin; Stuttgart, 2007. N 6. S. 87–105.
40. *Schmid U.* Scherz, Satire, Ironie und tiefere Bedeutung. Platonovs schwierige Rezeption in In- und Ausland // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016. N 8–10. S. 409–423.
41. *Sproede A.* Revolutionsepik, Erlösungsfolklore und literarische Dekonstruktion der Utopie. Notizen zu Andrej Platonovs Roman "Čevengur" // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2017/5. S. 153–170.
42. *Städtke K.* Sturz der Idole — Ende des Humanismus? Literaturmodelle der Tauwetterzeit: Solženicyn und Šalamov // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2007. N 6. S. 137–155.
43. *Thun-Hohenstein F.* Poetik der Unerbittlichkeit. Varlam Šalamov: Leben und Werk // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2007. N 6. S. 35–52.
44. *Venclova T.* Über den "Königsberg-Text" der russischen Literatur und die Königsberg-Gedichte von Iosif Brodskij // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. Bd. 53. N 2/3. S. 159–177.
45. *Witte G.* Archaische Zukunftswesen. Andrej Platonovs Werkzeugmenschen // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016. N 8–10. S. 217–233.
46. *Гюнтер X.* По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова. М., 2012.
47. *Сорокина В.В.* Западноевропейская русистика в начале XXI века // Stephanos. 2017. № 6. С. 115–129.

NEW TRENDS IN GERMAN LITERARY CRITICS: THE OSTEUROPA JOURNAL

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

After the default in the late 1990s, the German journal *Osteuropa* had changed in form, quality and quantity. It started to look at Russian literature in a less tendentious way and to take interest in young writers and holders of national literary awards. In addition to the focus on the 'other literature' of the 1920-1930s, including works of Russian dissidents of the second half of the 20th century, *Osteuropa's* critics put a spotlight on themes that were never discussed before, like commercialization of Russian literary criticism, the phenomenon of Russian-speaking literature, and contemporary Russian writers in Germany. 20th-century literature is now perceived in the context of the European literary process, which has intensified comparative analyses of Russian writers' works. Thematic issues provide the opportunity to present Russian writers from different points of view, and even at an interdisciplinary level. Some issues were devoted to V. Shalamov, A. Platonov, and S. Aleksievich.

Key words: "Osteuropa" magazine; literary criticism; national literary awards; Russian-speaking literature; V. Shalamov; A. Platonov; S. Aleksievich.

About the author: *Vera Sorokina* — Prof. Dr., Senior Researcher, Russian Literature in Modern World Laboratory, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vvsoroko@gmail.com).

References

1. Burkhart D. *Das Phantasma des Mantels Gogol', Timm, Makanin*. *Osteuropa*. Berlin; Stuttgart, 2005. Bd. 55. N 11. S. 95–106.
2. Debüser L. *"Man hat Gewalt, so hat man Recht". Platonovs Baugrube*. *Osteuropa*. Berlin; Stuttgart, 2016, N 8–10, S. 381–392
3. Dubin B. *Mass und Macht*. *Osteuropa*, Berlin; Stuttgart, 2003, N 9–10, S. 1281–1294.
4. *Editorial. Ecco homo*. *Osteuropa*. Berlin; Stuttgart, 2018, Bd. 68, N 1–2, S. 3.
5. Fitzpatrick Sh. *Enthusiasmus und Enttäuschung Platonovs und I. Sac'. Blick auf die Revolution*. *Osteuropa*. Berlin; Stuttgart, 2016, N 8–10, S. 123–145.
6. Günther Cl. *Mehr als Geschichte. Svetlana Aleksievič*. *Osteuropa*. Berlin; Stuttgart, 2018, N 1–2, S. 83–97.

7. Günther H. *Leiden an der Revolution. Andrej Platonovs Leben und Werk*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016, N 8–10, S. 87–112.
8. Günther H. *Po obe storony utopii. Konteksty tvorčestva A. Platonova* (On both sides of Utopia: Contexts of A. Platonov's Work). M., NLO, 2012.
9. Günther H. *Utopie im Werden und Scheitern. Die Baugrube und der Turmbau zu Babel*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016, N 8–10, S. 311–316.
10. Guski A. *Nullwachstum in der Wüste. Platonovs Baugrube und der sowjetische Produktionsroman*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016, N 8–10, S. 309–380.
11. Hartmann A. *Ein Fenster in die Vergangenheit. Das Lager neu lesen*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2007, N 6, S. 55–80.
12. Hartmann A. *Unzeitgemäß und eigensinnig. Andrej Platonovs Blick auf Zentralasien*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016, N 8–10, S. 163–193.
13. Helscher K. *Die Menschenforscherin. Leben und Werk Svetlana Aleksievičs*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2018, N 1–2, S. 5–26.
14. Hodel R. *Kommunistisches und persönliches Glück. Eine Spurensuche in Platonovs Baugrube*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016, N 8–10, S. 319–336.
15. Huber P. *Verrat oder Vermittling? Iosif Brodskiy als Doppelspion der Kultur*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2006, Bd. 56, N 3, S. 105–120.
16. Jurgenson L. *Spur. Dokument, Prothese. Varlam Šalamovs Erzählungen aus Kolyma*. Osteuropa, Berlin; Stuttgart, 2007, N 6, S. 169–182.
17. Kasack W. *„Der literarische Europäer“. Eine neue Monatsschrift russischer Schriftsteller in Deutschland*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2000, Bd. 50, N 3, S. 300–303.
18. Kasper K. *Aus den Biographien geschuldert Literatur und literarisches Leben in Russland 2002*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003, Bd. 53, N 4, S. 536–554.
19. Kasper K. *Das Literarische Leben in Russland 1998. Erster Teil: Favoriten, Provokature und Trendsetter*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 1999, Bd. 49, N 5, S. 452–469.
20. Kasper K. *Die Zukunft der Vergangenheit. Das „Neue Mittelalter“ im russischen Gegenwartsroman*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2014, Bd. 64, N 7, S. 121–140.
21. Kasper K. *Ernteausfall. Die wichtigsten russischen Romane 2003 ohne Literaturpreis*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2004, Bd. 54, N 8, S. 97–116.
22. Kasper K. *Megapolos versus Provinz. Russlands Gegensätze im Roman*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2008, Bd. 58, N 11, S. 129–154.
23. Kasper K. *Terror der opričnina oder Diktatur der Vampire? Sorokin und Pelevin warnen vor Russlands Zukunft*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2007, Bd. 57, N 10, S. 103–126.
24. Kasper K. *Vorwärts zur Retrokultur! Russische Literatur und Literaturpreise 2009*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2010, N 6, S. 131–160.

25. Kasper K. *Wo kommen wir her? Wo gehen wir hin? Russland und Schriftsteller Zwischen West und Ost*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2005, Bd. 55, N 11, S. 107–123.
26. Kasper K. *Wechseljahre. Ein Kaleidoskop der neuen russischen Literatur*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2013, N 8, S. 59–94.
27. Katkus L. *Komische Agonie. Das Groteske in der spätsozialistischen Literatur*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2012, Bd. 62, N 9, S. 87–96.
28. Menzel B. *Blick durch ein deutsches Teleskop. Russische Literaturkritik im Wandel*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003, Bd. 53, N 9–10, S. 1295–1307.
29. Obertreis Ju. *Polyphonie auf den Trümmen des Sozialismus. Svetlana Aleksievič. Werk aus Sicht der Oral History*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2018, N 1–2, S. 117–134.
30. Petzer T. *Der Olymp der Diebe. Spurensicherung bei Šalamov und Danilo Kiš*. Osteuropa, Berlin; Stuttgart, 2007, N 6, S. 205–228.
31. Petzer T. *Utopie und Unsterblichkeit. Tod und Erlösung bei N. Fedorov und A. Platonov*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016, N 8–10, S. 267–282.
32. Roesen T. *Zwischen den Stühlen. Dokument und Fiktion bei Svetlana Aleksievič*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2018, N 1–2, S. 99–108.
33. Sapper M., Weichsel V., Hutterer A. *Editorial. Bollwerk der Hölle*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2007, Bd. 57, N 6, S. 5–8.
34. Sapper M., Weichsel V. *Editorial. Zeitspiegel*. Osteuropa, Berlin; Stuttgart, 2005, N 12, S. 3.
35. Schmid H., Berwanger K. *Memorandum über die Lage der Slavistik in Deutschland*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2005, Bd. 55, N 9, S. 122–129.
36. Schmid U. *Das religiöse Amt des Schriftstellers. Häresen bei Gogol', Dostoevskij und Tolstoj*. Osteuropa. Berlin-Stuttgart, 2009, Bd. 59, N 6, S. 261–275.
37. Schmid U. *Ein eigener Ton. Svetlana Aleksievič, das Belarussische und die russische Kultur*. Osteuropa. Berlin-Stuttgart, 2018, N 1–2, S. 135–148.
38. Schmid U. *Ende und Neubegin der Philologie. Perspektiven für die Slavistik*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2013b, Bd. 63, N 2/3, S. 31–54.
39. Schmid U. *Masken des Begehrens. Homosexualität in der russischen Literatur*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2013a, Bd. 63, N 10. S. 17–48.
40. Schmid U. *Nicht Literatur ohne Moral. Warum Varlam Šalamov nicht gelesen wurde*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2007, N 6. S. 87–105.
41. Schmid U. *Scherz, Satire, Ironie und tiefere Bedeutung. Platonovs schwierige Rezeption in In- und Ausland*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016, N 8–10, S. 409–423.
42. Sorokina V. *Zapadnoevropejskaya rusistika v načale XXI veka* (Western European Literary Criticism on Russian Literature at the Beginning of the XXI century). Stephanos, 2017, N 6, pp. 115–129.

43. Sproede A. *Revolutionsepik, Erlösungsfolklore und literarische Dekonstruktion der Utopie. Notizen zu Andrej Platonovs Roman "Čevengur"*. Osteuropa, 2017/5, S. 153–170.
44. Städtke K. *Sturz der Idole — Ende des Humanismus? Literaturmodelle der Tauwetterzeit: Solženicyn und Šalamov*. Osteuropa, Berlin; Stuttgart, 2007, N 6, S. 137–155.
45. Thun-Hohenstein F. *Poetik der Unerbittlichkeit. Varlam Šalamov: Leben und Werk*. Osteuropa, Berlin; Stuttgart, 2007, N 6, S. 35–52.
46. Venclova T. *Über den "Königsberg-Text" der russischen Literatur und die Königsberg-Gedichte von Iosif Brodskij*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003, Bd. 53, N 2/3, S. 159–177.
47. Witte G. *Archaische Zukunftswesen. Andrej Platonovs Werkzeugmenschen*. Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2016, N 8–10, S. 217–233.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ (ИЛИ РАН)

М.Д. Воейкова, В.В. Казаковская

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Институт лингвистических исследований РАН —
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Статья посвящена особой разновидности функциональной грамматики — теории функционально-семантических полей и категориальных ситуаций, разработанной А.В. Бондарко на основе его исследований в области русской и славянской аспектологии. В современной лингвистике функциональное направление определяется нередко очень широко — как теоретическая концепция, противопоставленная формальным или структуралистским течениям. Ее характеризует принципиальная установка на описание языков разных типов, применение количественных методов, учет прагматических характеристик общения, мультидисциплинарность. В более ограниченном смысле под функционализмом понимают те лингвистические теории, которые объясняют строение и форму языковых средств их функциями. Во введении кратко рассматривается история Санкт-Петербургской Школы на фоне других моделей и ее современное состояние как мультидисциплинарного направления. Этап становления Школы и ее терминологического аппарата связан с появлением первых сборников проблемной группы функционального анализа и с описанием грамматики русского языка в направлении «от семантики к средствам ее выражения» (серия «Теория функциональной грамматики»). Дальнейшее развитие отдельных направлений анализа проводилось в серии монографий «Проблемы функциональной грамматики», в которой получили освещение проблемы онтогенеза речи, типологического описания языков на функциональной основе и количественные подходы к грамматике. Таким образом, теория функционально-семантических полей и категориальных ситуаций в последние годы получила статус научной модели, приспособленной для интеграции различных областей гуманитарного знания. Перспективы раз-

Воейкова Мария Дмитриевна — доктор филологических наук, зав. отделом теории грамматики ИЛИ РАН, профессор филологического факультета СПбГУ (e-mail: maria.voeikova@gmail.com).

Казаковская Виктория Виладиевна — доктор филологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник отдела теории грамматики ИЛИ РАН (e-mail: victory805@mail.ru).

вития этой модели связаны с ее применением для синхронного и диахронического описания русского языка в сравнении с языками других типов, а также с верификацией ее основных положений на основе квантитативных и психолингвистических методов.

Ключевые слова: функциональный анализ; семантика; функционально-семантическое поле; категориальная ситуация; активная грамматика.

Возникновение Санкт-Петербургской Школы функциональной грамматики

В 1970-е годы под руководством А.В. Бондарко сформировалось научное направление, которое впоследствии получило наименование Петербургской Школы функциональной грамматики. Существенным признаком этой модели стало описание «от семантики к средствам ее выражения», противопоставленное исходно формальной «уровневой» грамматике. Целесообразность такого подхода была продиктована тем, что именно от семантики отталкивается говорящий, выбирая подходящее оформление своей мысли. Именно поэтому функциональная грамматика разрабатывалась как грамматика активного типа, в полной мере отражающая речевую деятельность говорящего. Аспектологические исследования, в первую очередь труды Ю.С. Маслова, лежавшие в основе данной модели, показали, что к грамматическому описанию необходимо привлечь широкие пласты лексики — как на уровне лексико-грамматической классификации самих глаголов и способов глагольного действия, так и на уровне «среды» для описания грамматической системы. Так необходимость соединения лексики, грамматики (и в том числе словообразования) в единой модели послужила прообразом для введения в обиход понятия «функционально-семантического поля» (далее — ФСП), понимаемого как «комплекс разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, лексико-грамматических, лексических), взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко, 2017: 32]. Термин ФСП возник по аналогии с введенным в лингвистику В.Г. Адмони метафорическим представлением о «полевой структуре грамматических явлений» [Адмони, 1964: 47–52]. Детальное рассмотрение понятий центра и периферии в данной лингвистической модели восходит к концепции Пражского лингвистического кружка [Daneš, 1966].

Описание набора средств выражения той или иной семантической категории — квалитативности, темпоральности, посессивности и др. — оказывается специфичным для каждого языка, поскольку некоторые из этих средств оказываются центром выражения дан-

ной семантики, а другие относятся к ее периферии. Например, в русском языке в центре ФСП аспектуальности лежит лексико-грамматическая категория вида и видовое противопоставление, охватывающее глагольную лексику как на уровне видовых пар, так и на уровне непарных глаголов *perfectiva* или *imperfectiva tantum*. Периферийное положение занимают характеризованные и нехарактеризованные способы действия, на периферии оказывается также «строевая лексика» — наречия, проясняющие семантику видовых форм или играющие ведущую роль в выражении вида у двувидовых глаголов. В языках, в которых отсутствует лексико-грамматическая категория вида, аспектуальность выражается другими средствами, в первую очередь — противопоставлением времен¹.

Между тем описание комплексов средств выражения семантических категорий оказалось недостаточным для того, чтобы определить все особенности их функционирования в языке, в связи с чем для анализа речевых реализаций элементов ФСП в конкретных высказываниях было введено понятие «категориальной ситуации» (далее — КС) — «типовой содержательной структуры, репрезентирующей в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее ФСП...» [Бондарко, 2017: 43]. Раздел функциональной грамматики, который связан с описанием КС, примыкает к популярным в последнее время «теориям, основанным на употреблении», так как в нем описываются наиболее частотные модели, воспроизводимые речевые клише с элементами правил или схем заполнения отдельных валентностей. Таким образом, грамматика ФСП и КС, с одной стороны, вписывается в традиции классического языкознания XIX–XX вв. [Бондарко, 2002: 17–99], а с другой — во многом превосходит достижения теоретической мысли, характерные для современной лингвистики.

Данная модель функциональной грамматики разрабатывается в течение последних сорока пяти лет, с момента выхода в свет в Ленинграде первого сборника статей проблемной группы функционального анализа [Бондарко, 1973]. Ее важнейшие положения были сформулированы в книге [Бондарко, 1984]. За это время в рамках представляемого направления вышло в свет более сорока авторских и коллективных монографий и сборников, развивающих эту теоретическую модель. Не имея возможности охарактеризовать в небольшом введении вышедшие издания, упомянем наиболее известные серии (см. их более подробное описание в [Бондарко, 2017: 33–43]).

¹ В современной литературе для выражения обоих типов значений принято употреблять термин «аспект», ср. работы Е.В. Горбовой, В.А. Плунгяна. В модели функциональной грамматики в последнем значении традиционно используется термин «аспектуальность».

Основные труды, выполненные в рамках данной теоретической модели

Описание основных ФСП русского языка на фоне широкого сопоставления с языками народов России и мира было предпринято в шеститомной серии «Теория функциональной грамматики» (далее — ТФГ). В ней рассмотрены ФСП аспектуальности, временной локализованности и таксиса [ТФГ, 1987], темпоральности и модальности [ТФГ, 1990], субъектности/объектности, коммуникативной перспективы высказывания и определенности/неопределенности [ТФГ, 1992], качественности и количественности [ТФГ, 1996а], а также локативности, бытийности, посессивности и обусловленности [ТФГ, 1996б]. В более поздних публикациях А.В. Бондарко обращал внимание на то, что этот набор семантических категорий нельзя воспринимать как закрытый ряд [Бондарко, 2011: 26–27] — рассмотрение одного и того же комплекса языковых средств как ФСП или группировки ФСП не исключено и зависит от исследовательской трактовки. Таким образом, данная модель функциональной грамматики, с одной стороны, представляется как естественная классификация, построенная на различных основаниях, с другой стороны, ее сложность соответствует сложности языка как живой системы. Вместе с тем значительная гибкость модели позволяет ей легко интегрировать достижения других функциональных направлений.

В XXI в. исследования представителей Школы продолжились в новой серии коллективных монографий — «Проблемы функциональной грамматики» (далее — ПФГ). Она посвящена отдельным теоретическим проблемам грамматического описания, а именно функционированию категорий морфологии и синтаксиса (в том числе предикативных) в высказывании и целостном тексте [ПФГ, 2000; 2017], вопросам инвариантности/вариативности [ПФГ, 2003], полевым структурам [ПФГ, 2005], категоризации семантики [ПФГ, 2008], принципу естественной классификации [ПФГ, 2013]. В настоящее время группа готовит к печати новый том, в котором рассматривается отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. Семантические аспекты остаются ведущими в работах данного направления, причем указанные принципы описания применяются не только к синхронному срезу языка, но и к его истории.

В современной лингвистической литературе к функционализму в широком понимании относят различные теоретические течения, противопоставленные формальным направлениям (в первую очередь — генеративной грамматике). А.А. Кибрик и В.А. Плунгян, описывая функциональные направления американской лингвистики, выделяют следующие признаки функционализма: принципиальная типологическая направленность, эмпиризм, использование коли-

чественных методов и мультидисциплинарность [Кибрик, Плунгян, 2010: 278–282]. Под типологической направленностью понимается ориентация исследований на описание типологического разнообразия языков, предполагающая, по сути, отказ от универсализма в грамматических описаниях. Эмпиризм оказывается существенным для большинства направлений функциональной грамматики, поскольку она обычно отталкивается от конкретных языковых фактов, зафиксированных в речевой продукции. Нельзя признать случайным и тот факт, что функциональный анализ тесно сплетается с развитием корпусной лингвистики. Эта особенность нашего направления четко проявилась в недавно вышедшем томе «Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики» [ALP XI, 1 2015], а кроме того, выражается в сборе данных спонтанной речи «взрослый — ребенок» (в известном смысле корпусов), осуществляемом группой (см. далее).

В русской, как и в общеевропейской, лингвистической традиции функциональное направление грамматического анализа возникло в противовес структурализму, поэтому и развитие этого направления связано с другими установками. Представляемое здесь понимание функционализма обусловлено стремлением объяснить особенности языковой структуры ее функциями [Dressler, 1995: 13–14]. При этом выявляются различия в истолковании понятия «функция». Так, В.У. Дресслер предлагает исключить семантическую функцию из рассматриваемого набора объяснительных функций на том основании, что данное понятие частично или полностью пересекается с понятием «значения» [Дресслер, 1990: 60–63]. В системе разрабатываемой в Санкт-Петербурге модели функциональной грамматики семантические функции являются одним из основных предметов проводимого анализа (см. развернутое обоснование этой точки зрения [Бондарко, 2011: 206–244]). Основу модели составляет попытка категоризации языковой семантики, противопоставление универсального смысла и специфических для каждого языка значений [Бондарко, 2002].

В научной традиции разных стран известно несколько функционально-грамматических школ, которые характеризуются общими принципами описания языковых явлений, однако различаются частными способами представления языкового материала. К этому направлению исследований принято относить функциональную грамматику С. Дика [Dik, 1989], системно-функциональную грамматику М.А.К. Халлидея [Halliday, 1994], референциально-ролевую грамматику, предложенную У. Фоли и Р. Ван Валином-младшим [Foley, Van Valin, 1984]. Разрабатываемая нами модель разделяет с перечисленными теориями основные принципы функционализма, но отличается от них как терминологически, так и по способу моделирования языковой системы. Если большинство авторов

упомянутых моделей грамматики базируется в своих рассуждениях на описании синтаксических единиц, то рассматриваемая модель в основу описания кладет семантические поля, опирающиеся на систему морфологических категорий. Таким образом, эта теория оказывается в наибольшей степени приспособленной для анализа языков с богатой морфологической системой.

Современный этап и перспективы развития Школы

В конце 1990-х с присоединением к Школе исследователей, занимающихся проблемами речевого онтогенеза — усвоения ребенком родного языка, появилась уникальная возможность верифицировать основные идеи и положения развиваемой модели грамматики на так наз. экологически чистом языковом материале — данных детской речи. Валидность подобных исследований обусловлена спецификой анализируемого материала. Имеются в виду лонгитюдные наблюдения за развитием различных компонентов коммуникативной компетенции ребенка, зафиксированные в той или иной форме (дневниковые записи, аудио- и/или видеозаписи диалога «взрослый — ребенок») и дающие возможность изучить становление идиолекта. Перспективность подобных разработок определяется их востребованностью на международном уровне: интерес мирового научного сообщества к освоению морфологически богатого флективного языка чрезвычайно высок.

С начала 2000-х в коллективных монографиях Школы появляются отдельные разделы, посвященные усвоению детьми того или иного языкового феномена. В частности, анализируется онтогенез категорий качественности, количественности, темпоральности, аспектуальности, посессивности, модальности — деонтической и эпистемической — и ее частных значений (например, согласия/несогласия): см. разделы Я.Э. Ахапкиной, М.Д. Воейковой, Н.В. Гариной, К.А. Ивановой, В.В. Казаковской, С.Н. Цейтлин в [ПФГ, 2003; 2005; 2008; 2013; 2017], а также [Цейтлин, 2009]. В 2007 г. в свет выходит коллективная монография «Семантические категории в детской речи». Успешно защищаются докторские и кандидатские диссертации, в фокусе которых находится усвоение не только грамматических категорий, но и ФСП. Теоретической базой для них являются, помимо широкого круга отечественных и зарубежных работ по психолингвистике, труды Петербургской Школы функциональной грамматики. Исследователей объединяет подход к анализу фактов детской речи «от смысла к форме», позволяющий охватить и адекватно интерпретировать самые ранние (в том числе невербальные) средства языковой репрезентации семантических категорий, и конструктивизм, сформировавшийся в рамках социопрагматического подхода в противовес генеративным теориям усвоения языка.

В связи с последним обстоятельством, которое связано с решением вопроса о природе языковой способности индивида, особое внимание в рамках функционально-грамматического подхода уделяется лингвистическому инпуту — речи взрослого, обращенной к ребенку (*child-directed speech*), речи-источнику. Опираясь на нее, ребенок осваивает — конструирует, «строит с нуля» — систему родного языка. Изучаются не только лексические и грамматические особенности русского инпута [Воейкова, 2015; Казаковская, 2019], но и реактивные тактики матерей, сопряженные с освоением ребенком именной и глагольной морфологии [Казаковская, 2010]. В последние годы — по данным типологически и/или ареально близких и далеких к русскому языков — осуществляются сравнительные исследования онтогенеза грамматических категорий и задействованных при этом механизмов инпута (см., например: [Kazakovskaya, Argus, 2016; Казаковская, Балчюнене, 2016]).

Собираются, расшифровываются и морфологически размечаются в соответствии с правилами международной системы обмена данными CHILDES [MacWhinney, 2000] записи спонтанной речи русскоязычных детей: создаются корпуса, приближающиеся к корпусам повышенной плотности (*high density corpora*). При этом новым объектом изучения (в том числе в отношении мировых исследований усвоения языка) становится речь детей из семей с низким социально-экономическим статусом — детей, обладающих коммуникативной компетенцией в недостаточной степени. Особый интерес представляет речь взрослых, обращенная к еще не говорящему ребенку (*infant-directed speech*), изучение которой только начинается как в России, так и за рубежом.

Таким образом, в последние десятилетия теория ФСП и КС значительно расширила сферу своего применения за счет описания данных лингвистической типологии и речевого онтогенеза, а также обогатилась разнообразными методами статистической обработки. Предлагаемая вниманию читателей серия статей демонстрирует возможности и объяснительную силу разрабатываемой модели в применении к различному языковому материалу. Иллюстрацией функционально-семантической интерпретации исторических фактов является статья Е.Г. Сосновцевой о семантике форм прошедшего времени в агеографических памятниках XVI–XVII вв. Типологическая направленность модели демонстрируется в статье А.Ю. Урманчиевой о приемах передачи чужой речи, выполненной на материале двух крайнесеверных говоров селькупского языка. Онтолингвистическое направление представлено в статье К.А. Байды, посвященной функционированию форм инфинитива на ранних этапах речевого развития русскоязычного ребенка.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. Л., 1964.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
3. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М., 2002.
4. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М., 2011.
5. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М., 2017.
6. Бондарко А.В. (Отв. ред.) Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.
7. Воейкова М.Д. Становление имени: Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2015.
8. Казаковская В.В. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок»: Психолингвистический аспект. М., 2019.
9. Казаковская В.В. Реактивные реплики взрослого и усвоение ребенком грамматики родного языка // Вопросы языкознания. 2010. № 3. С. 3—29.
10. Казаковская В.В., Балчюнене И. Вопросительные повторы реплик в русском и литовском инпуте (к проблеме избыточности) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 12. Ч. 3. СПб, 2016. С. 535—572.
11. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. М., 1997.
12. Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Под ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубика. СПб, 2000.
13. Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность / Под ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубика. СПб, 2003.
14. Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / Под ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубика. СПб, 2005.
15. Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики / Под ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубика. СПб, 2008.
16. Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. М., 2013.
17. Проблемы функциональной грамматики: Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / Отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. М., 2017.
18. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Под ред. А.В. Бондарко. Л., 1987.
19. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В. Бондарко. Л., 1990.

20. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Под ред. А.В. Бондарко. СПб, 1991.
21. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / Под ред. А.В. Бондарко. СПб, 1992.
22. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Под ред. А.В. Бондарко. СПб, 1996а.
23. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Под ред. А.В. Бондарко. СПб, 1996б.
24. Семантические категории в детской речи / Под ред. С.Н. Цейтлин. СПб, 2007.
25. *Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
26. *Daneš F.* The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal // *Travaux linguistiques de Prague*, 2: Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue. Prague, 1966. 9–21.
27. *Dik S.C.* The Theory of Functional Grammar. Parts 1, 2. Berlin, 1989.
28. *Dressler W.U.* Wealth and Poverty of Functional Analysis, with Special Reference to Functional Deficiencies // *Form and Function in Language. Proceedings of the First Kasmus Rask Colloquium*, Odense University, November 1992 / Ed. by S. Millar and J. Mey Odensee, 1995. P. 11–39.
29. *Foley W.A. & R.D. Van Valin.* Functional Syntax and Universal Grammar. Cambridge, 1984.
30. *Halliday M.A.K.* Introduction to Functional Grammar. L., 1994.
31. *Kazakovskaya V., Argus R.* Acquisition of epistemic marking in Estonian and Russian // *Estonian Papers in Applied Linguistics*. 2016. 12. 57–80.
32. *MacWhinney B.* The CHILDES project: Tools for analyzing talk. Hillsdale, NJ & London, 2000.

Maria Voeikova, Victoria Kazakovskaya

SAINT PETERSBURG SCHOOL OF FUNCTIONAL GRAMMAR: ITS HISTORY AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Saint Petersburg State University

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

The paper aims to describe the history, state of the art and prospects of the model ‘Theory of Functional-Semantic Fields and Categorical Situations’. This framework was introduced by A. Bondarko and elaborated by his students on the basis of his studies in Russian and Slavic aspectology. Modern linguistic sources broadly define functional analysis as a theoretical model opposed to formal (generative or structuralistic) approaches. It may be characterized by several principles

including description of typologically different languages, use of quantitative and multidisciplinary methods, and the role of a pragmatic situation of speech. The narrower definition of functionalism is based on the intention to explain linguistic structures and forms by their functions. The history of Saint Petersburg School of Functional Grammar is closely connected with other functional approaches emerging in the 1970's–1980's. It started with the publication of several collective volumes prepared by the Group of Functional Analysis headed by A. Bondarko. One of the most important principles of this approach is based on the description of the Russian grammatical system “from semantics to language means of its expression” (opposed to the traditional structuralistic descriptions “from form to its function”). The results are found in the six volumes of *The Theory of Functional Grammar* [1987–1996]. Further developments of the school are found in the next six volumes of *The Problems of Functional Grammar* [2000–2017]. They include qualitative studies of L1 acquisition by children, quantitative studies of the National Russian Corpus and a synchronic and diachronic analysis of Russian data compared to a wide range of languages. The model of functional semantic fields and categorial situations becomes a multidisciplinary approach based on valid data which are analyzed quantitatively and qualitatively.

Key words: functional analysis; semantics; functional-semantic field; categorial situation; active grammar (grammar of the speaker).

About the authors: *Maria Voeikova* — Prof. Dr., Head of the Department of Grammar Theory, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Professor of the Faculty of Philology, Saint Petersburg State University (e-mail: maria.voeikova@gmail.com); *Victoria Kazakovskaya* — Prof. Dr., Professor of the Russian Academy of Sciences, Leading Research Fellow of the Department of Grammar Theory of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: victory805@mail.ru).

References

1. Admoni V.G. *Osnovy teorii grammatiki*. [Basics of Grammar Theory] L., 1964. (In Russ.)
2. Bondarko A.V. *Funktsional'naya grammatika*. [Functional Grammar] L., 1984. (In Russ.)
3. Bondarko A.V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noj grammatiki: na materiale russkogo yazyka*. [The Theory of Meaning in the System of Functional Grammar: on Russian Data] M., 2002. (In Russ.)
4. Bondarko A.V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki*. [Categorization in the System of Grammar] M., 2011. (In Russ.)
5. Bondarko A.V. *Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noj grammatiki*. [Verb Categories in the System of Grammar] M., 2017. (In Russ.)
6. Bondarko A.V. *Funktsional'nyj analiz grammatičeskix kategorij* [Functional analysis of grammatical categories]. L., 1973.
7. Voeikova M.D. *Stanovlenie imeni: Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoj morfologii russkogo yazyka*, 2nd ed. [The Emergence of Grammar: Early Stages in the Acquisition of Russian by Children] M., 2015. (In Russ.)

8. Kazakovskaya V.V. *Vopros i otvet v dialoge "vzroslyj — rebenok"*: Psiholingvisticheskij aspekt. [Questions and answers in «Adult — Child» dialogue (Psycholinguistic Aspect)]. M., 2019.
9. Kazakovskaya V.V. *Reaktivnye repliki vzroslogo i usvoenie rebenkom grammatiki rodnogo yazyka*. [Reactive Repliques of an Adult and the Acquisition of Native Tongue by Children] *Voprosy yazykoznaniya*. 2010. № 3. 3–29. (In Russ.)
10. Kazakovskaya V.V., Balchyunene I. *Voprositel'nye povtory replik v ruskom i litovskom inuite (k probleme izbytochnosti)*. [Interrogative repetitions in Russian and Lithuanian child-directed speech] *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij*. 2016. T. 12. CH. 3. SPb, 535–572. (In Russ.)
11. Kibrik A.A., Plungyan V.A. *Funkcionalizm*. [Functionalism] *Fundamental'nye napravleniya sovremennoj amerikanskoj lingvistiki* [Fundamental Approaches in Modern American Linguistics] Pod red. A.A. Kibrika, I.M. Kobozevoj, I.A. Sekerinoj. M., 1997. (In Russ.)
12. *Problemy funktsional'noj grammatiki: Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii*. [Problems of Functional Grammar: Morphological and Syntactic Categories of an Utterance] Pod red. A.V. Bondarko, S.A. Shubika. SPb, 2000. (In Russ.)
13. *Problemy funktsional'noj grammatiki: Semanticheskaya invariantnost'/variantivnost'* [Problems of Functional Grammar: Semantic Variance and Invariance] Pod red. A.V. Bondarko, S.A. Shubika. SPb, 2003. (In Russ.)
14. *Problemy funktsional'noj grammatiki: Polevye struktury* [Problems of Functional Grammar: Field Structures] Pod red. A.V. Bondarko, S.A. Shubika. SPb, 2005. (In Russ.)
15. *Problemy funktsional'noj grammatiki: Kategorizatsiya semantiki* [Problems of Functional Grammar: Categorization of Semantics] Pod red. A.V. Bondarko, S.A. Shubika. SPb, 2008. (In Russ.)
16. *Problemy funktsional'noj grammatiki: Printsip estestvennoj klassifikatsii*. [Problems of Functional Grammar: Principle of Natural Classification] Pod red. A.V. Bondarko, V.V. Kazakovskoj. M., 2013. (In Russ.)
17. *Problemy funktsional'noj grammatiki: Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i tselostnom tekste*. [Problems of Functional Grammar: Predicative Categories in an Utterance and Text] Pod red. A.V. Bondarko, V.V. Kazakovskoj. M., 2017. (In Russ.)
18. *Teoriya funktsional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis] Pod red. A.V. Bondarko. L., 1987. (In Russ.)
19. *Teoriya funktsional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality] Pod red. A.V. Bondarko. L., 1990. (In Russ.)
20. *Teoriya funktsional'noj grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost'* [Theory of Functional Grammar: Personality. Mood] Pod red. A.V. Bondarko. SPb, 1991. (In Russ.)

21. *Teoriya funktsional'noj grammatiki: Sub''ektnost'. Ob''ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost'/neopredelennost'* [Theory of Functional Grammar: Subject/Object Relations & Communicative Perspective of an Utterance. Definiteness/Indefiniteness] Pod red. A.V. Bondarko. SPb, 1992. (In Russ.)
22. *Teoriya funktsional'noj grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [Theory of Functional Grammar: Qualitativity. Quantitativity] Pod red. A.V. Bondarko. SPb, 1996a. (In Russ.)
23. *Teoriya funktsional'noj grammatiki: Lokativnost'. Bytijnost'. Posessivnost'. Obuslovlennost'.* [Theory of Functional Grammar: Locativity. Existentiality. Possession. Determination] Pod red. A.V. Bondarko. SPb, 1996b. (In Russ.)
24. *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi* [Semantic Categories in Children's Speech] Pod red. S.N. Tsejtlin. SPb, 2007. (In Russ.)
25. Tsejtlin S.N. *Očerki po slovoobrazovaniju i formoobrazovaniju v detskoj rechi* [Essays on Word and Form Building in Child Language]. M., 2009. (In Russ.)
26. Daneš F. The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal. *Travaux linguistiques de Prague*, 2: *Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue*. Prague, 1966, 9–21.
27. Dik S.C. *The Theory of Functional Grammar*. Parts 1, 2. Berlin, 1989.
28. Dressler W.U. *Wealth and Poverty of Functional Analysis, with Special Reference to Functional Deficiencies*. Form and Function in Language. Proceedings of the First Kasmus Rask Colloquium, Odense University, November 1992. Ed. by S. Millar and J. Mey Odensee, 1995, pp. 11–39.
29. Foley W.A. & R.D. Van Valin. *Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge, 1984.
30. Halliday M.A.K. *Introduction to Functional Grammar*. L., 1994.
31. Kazakovskaya V., Argus R. Acquisition of epistemic marking in Estonian and Russian. *Estonian Papers in Applied Linguistics*. 2016. 12. 57–80.
32. MacWhinney B. *The CHILDES project: Tools for analyzing talk*. Hillsdale; NJ & L., 2000.

А.Ю. Урманчиева

ПЕРЕДАЧА ЧУЖОЙ РЕЧИ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ НА СЕВЕРНЫХ ГОВОРАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА¹

*Институт лингвистических исследований РАН
199004 Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9*

В статье рассматриваются различные средства передачи «чужой речи» в фольклорных текстах на двух крайнесеверных говорах селькупского языка — среднетазовском и баишенском. Селькупский язык (<самодийские>уральские) представлен совокупностью диалектов; для данного исследования выбраны говоры северных селькупов, так как именно в этих говорах, распространенных в районе рек Таз и Турухан и отделенных от основного массива селькупских диалектов, сохранилась развитая эвиденциальная система, в рамках которой, среди прочего, может маркироваться информация, известная говорящему с чужих слов. Несмотря на то что эвиденциальность, строго говоря, не имеет прямого отношения к маркированию чужой речи, так как показатели этой категории обозначают различные типы доступа говорящего к информации о ситуации, их употребление также будет рассмотрено в данной статье; это оправдано, по крайней мере, тем, что эвиденциальные показатели могут развивать такие употребления, которые имеют прямое отношение к маркированию чужой речи. Помимо этого грамматического средства в двух рассматриваемых говорах представлены системы частиц, которые также могут участвовать в маркировании чужой речи.

Показано, что в селькупском с точки зрения функционирования средств маркирования чужой речи различаются два *говорящих*: с одной стороны, говорящий, являющийся одним из персонажей текста (то есть, собственно, говорящий в рамках диалога), с другой стороны — говорящий, являющийся рассказчиком текста.

Ключевые слова: самодийские языки; селькупский язык; эвиденциальность; цитатив; квотатив; чужая речь.

1. Введение

В данной статье в соответствии с разрабатываемым в рамках функциональной грамматики подходом «от значения к форме»

Урманчиева Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) (e-mail: urmanna@yandex.ru).

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Нарративные стратегии в селькупских и хантыйских диалектах» № 17-04-00570-ОГН.

[Бондарко, 2001: 5–6], рассматривается семейство грамматических средств, объединенных в единое функционально-семантическое поле, которое можно условно обозначить как «передача чужой речи»². Селькупский язык, относящийся к самодийской подгруппе уральской языковой семьи, представлен совокупностью диалектов; в результате длительного компактного проживания селькупов по Оби в ее среднем течении и ее притокам, эти диалекты образуют континуум; однако начиная с середины XVII в. и в течение XVIII в. на реки Таз и Турухан переселяется часть селькупов, в результате чего образуется северный диалект, занимающий географически изолированное положение, такой, что селькупский «анклав» на этих двух северносибирских реках оказывается отделен от традиционного хабитата селькупов на Оби обширными территориями, заселенными ваховскими хантами и (на Елоуге) кетами. В результате такой географической и лингвистической изоляции северные говоры развивались независимо от остального селькупского диалектного континуума, и за сравнительно короткий период, порядка трёхсот лет, были накоплены достаточно значительные различия. В частности, существенные отличия касаются глагольной системы и дискурсивных функций глагольных форм. Для данной статьи существенным является тот факт, что в северных селькупских диалектах важную роль в структуре глагольной системы занимает категория эвиденциальности (характерная также для северносамодийских языков), не представленная (утраченная) в других селькупских диалектах. А именно, в рамках категории эвиденциальности может быть маркирована информация, известная говорящему с чужих слов³. Кроме того, в северноселькупских говорах представлены системы частиц, которые также могут участвовать в маркировании чужой речи.

Рассмотрим последовательно, какие специализированные средства маркирования «чужой речи» представлены в диалектах селькупского языка⁴.

² В статье не рассматриваются тривиальные и универсальные средства передачи чужой речи, такие, как конструкции с глаголами речи, вводящими чужое высказывание.

³ Очевидно, что данное значение достаточно близко к маркированию чужой речи; так, например, при описании ксенопоказателей (термин Н.Д. Арутюновой, см. [Арутюнова, 1992, 1999]) русского языка, таких, как *дескать* и *мол*, некоторые лингвисты (прежде всего те, кто ориентирован на изучение языков с грамматической категорией эвиденциальности, см., например, [Козинцева, 2000; Aikhenvald, 2004: 10]) трактовали их как единицы с эвиденциальным значением. В [Плунгян, 2008], однако, показано, что употребление этих показателей в современном русском языке скорее говорит в пользу их особой семантической трактовки, заставляющей исключить их из числа эвиденциальных.

⁴ В качестве материала в статье проанализированы следующие тексты: корпус фольклорных текстов на среднетазовском говоре, опубликованный в [ОчСЯ, 1993],

2. Репортатив

Эвиденциальная система тазовского селькупского описана в [Кузнецова, Хелимский, Грушкина, 1980], более подробно и с определенной реинтерпретацией — в [Урманчиева, 2014; 2015]. В селькупском представлена система из трех собственно эвиденциальных показателей: показатель аудитива — *kunä* ('говорящий не наблюдает ситуацию зрительно и судит о ней по акустическим данным'), показатель инферентива — *-тру* ('говорящий предполагает существование ситуации на основании наблюдаемых результатов') и, наконец, показатель *-нты* с широкой эвиденциальной семантикой, который в данной статье, в соответствии с терминологией, использованной в [Кузнецова, Хелимский, Грушкина, 1980], называется латентивом. Именно этот последний показатель будет интересовать нас в связи с темой данной статьи. Он может передавать следующие эвиденциальные значения (для описания эвиденциальных значений в основном используется терминология, принятая в [Плунгян, 2011: 473]): *презумптивное* (говорящий предполагает наличие ситуации на основании общих знаний о миропорядке), *аудитивное* (вытесняя из системы специализированный показатель аудитива) и *эндофорическое* (говорящий сообщает о собственных внутренних ощущениях, например, 'устал', 'замерз'); нас будет интересовать использование этого показателя в репортативном значении ('ситуация известна говорящему с чужих слов'). Ср. примеры (1) с имперфективным глаголом, где данная форма имеет значение презенса репортатива,

и записанные Г.Н. Прокофьевым фольклорные тексты, любезно предоставленные в мое распоряжение О.А. Казакевич. Все эти тексты записаны Г.Н. Прокофьевым в Яновом Стане. В словаре [Казакевич, Будянская, 2010: 14–15] все эти тексты перечислены как представляющие баишенский говор. Однако Г.Н. Прокофьев пометил лишь часть из них как записанные от баишенских селькупов; при том, что Янов Стан относится к среднетазовской диалектной зоне, можно считать, что отсутствие указания на баишенский говор может быть проинтерпретировано как имплицитное указание на среднетазовский говор (как будет видно из дальнейшего изложения, в этих двух группах текстов по-разному употребляются частицы, маркирующие чужую речь). В отношении баишенского говора следует сделать следующую оговорку. Как указывает О.А. Казакевич, «грамматическая (а также отчасти и фонетическая) неоднородность, наблюдаемая в говоре, наводит на мысль, что современный говор с. Фарково является результатом смешения по крайней мере двух различных говоров»; в данной статье под баишенским говором понимаются только указанные материалы Г.Н. Прокофьева, но не баишенские записи Л.А. Варковицкой, послужившие материалом для [Казакевич, Будянская, 2010] (в этом словаре указано, что интересующих нас частиц в этом локальном варианте селькупского не отмечено) и не баишенские записи Л.А. Варковицкой, А.И. Кузьминой и Т. Лехтисало из [Тучкова, Вагнер-Надь, 2015]. При цитировании сохраняется система записи оригинала.

и (2), где эта же форма от перфективного глагола имеет значение претерита репортатива⁵:

- (1) *Ара-ту тотра qūty-nty-Ø.*

отец-1 мол болеть-ЛАТ-s3

‘Мой отец, говорят, болен’ [Кузнецова, Хелимский, Грушкина, 1980: 241]

- (2) *Тәптыль чёлы нильчиль әты тў-нты-Ø —*
следующий день такой весть прийти-ЛАТ-s3

бмтәль, қон₂ мықыт момпа коччи

царь_{1,2} у мол много

пэлә-ль тамтыр-ты шўньни-нты-Ø.

половина-АТТР род-3 уменьшиться-ЛАТ-s3.

‘На следующий день такая весть пришла: у царя людей чуть не вполтину меньше стало’. [Прокофьев рук., фонд 6, опись 1, ед. хр. 18.]

3. Ренарратив

Есть еще одна форма, по происхождению связанная с системой эвиденциальных форм — форма с показателем *-mmyntu*. Формально этот составной показатель состоит из двух суффиксов *-тру* и *-nty*, второй из которых является суффиксом латентива. В среднетазовском говоре эта форма может служить основной формой повествования при рассказе исторических преданий; объяснить ее употребление в этом случае помогает параллель с ареально и генетически близким нганасанским языком, где в аналогичном случае употребляется эвиденциальная форма репортатива. Таким образом, можно трактовать данное употребление селькупского суффикса *-mmyntu* как особую ренарративную (пересказывательную) форму — маркер того, что рассказчик пересказывает принадлежащую данную социуму и передающуюся в нем историю, которую лично он не наблюдал, но которая — в силу того, что является историческим преданием — известна в социуме со слов очевидцев (в том числе принадлежавших к предшествующим поколениям). Очевидно, что это — типичное основание для использования эвиденциального показателя репортатива, которое служит мостиком для развития ренарративного значения. Ниже приводится отрывок фольклорного текста, повествование в котором выдержано (за редкими исключениями) с использованием ренарративной формы с показателем *-mmyntu*:

⁵ В данном случае мы имеем дело с типичным для всех северносамодийских языков, а также для селькупского, «расщеплением» временной референции в зависимости от аспектуальной характеристики глагола: в глагольной системе есть ряд форм, в которых перфективные глаголы имеют референцию к прошедшему, а имперфективные — к настоящему.

- (3) 1. Nŷny konnä na **tannymmynty**. 2. Ukkyr qälyk karrän na **qalymmynty**, qural' qälyk karrän na **qalymmynty**. 3. ŷmy qälyt konnä na **tannymmyntŷtyt**. 4. Ira cul' mŷtqynty na **ŷerpynty**. 5. Qälyt pōqyn ēptāqyt ämnäintysä mŷtyn ŷlyp n'utysä na **tŷqqymmyntŷtyt**, nŷny tōsä tŷqqympaty, nŷny ŷrsä qamnympaty, nŷny aj n'utysä na **tŷqqymmyntyty**. 6. Nŷny qälytyt mŷty ŷtylä, kunner apsy qajty ēsa muntyk karrä na **tottymmyntyty**. 7. Nŷny ira na **apstyqolammyntyty**, na **amyraqolammyntŷtyt** qälyt. 8. Nŷny onty mŷtqyt qalympa, ŷitty ämnänty n'ennäl' okoŷkanty na **ŷtymmyntyty**, ŷitty ämnänty pōqyl' peläl' mŷta pūtylty, ŷitty ämnänty innä ŷōŷal pŷrynty **ŷtymmyntyty**. 9. Sēpylaŷ na **amyrypyntŷtyt**, sēpylaŷ na **ŷmnyymmyntŷtyt** qälyn. 10. Nŷny ira ämnäiqynty **laŷkal'mynty**: "Tūsä cūŷylyt mŷtyt!"

1. Потом на берег он **вышел**. 2. Один ненец внизу **остался**, хромой ненец внизу **остался**. 3. Остальные ненцы на берег **вышли**. 4. Старик в свою землянку **вошел**. 5. Пока ненцы на улице были, (он) со своими снохами пол сеном **застелил**, потом берестой застелил, потом жиром залил, потом опять сеном **застелил**. 6. Потом, ненцев в дом впустив, сколько еды, что у него было, (= сколько было у него еды), все на огонь (вариться) **поставил**. 7. Потом старик **стал кормить**, **стали есть** ненцы. 8. Потом сам в доме остался, двух снох к переднему окну **отправил**, двух снох в наружные сени, двух снох вверх к дымовому отверстию чувала **отправил**. 9. Достаточно **покушали**, достаточно **посидели** ненцы. 10. Потом старик своим снохам **крикнул**: «Огнем бросьте в дом!» [Кузнецова, Казакевич, Иоффе, Хелимский, 1993: 30]

Здесь уместно обсудить, что же именно маркируют репортативный суффикс *-nty* и ренарративный показатель — *mtyny* в сфере передачи чужой речи. В отношении эвиденциального показателя репортатива более или менее очевидно, что он маркирует источник информации (известна говорящему с чужих слов), и при этом передается содержание, а не форма исходного сообщения. В случае ренарративного показателя в принципе допустимо аналогичное толкование: рассказчик сообщает о том, что в данном социуме известно со слов очевидцев, когда-то к данному социуму принадлежавших. Но в то же время учитывая, что в традиционном фольклоре существует тенденция достаточно точного воспроизведения текстов, возможно, здесь есть некоторое смещение в сторону того, что маркируется не только передача определенного содержания сообщения, но и определенной формы этого сообщения.

4. Частица *totpa*

Судя по данным диалектологического словаря селькупского языка (северное наречие) [Казакевич, Будянская, 2010], эта частица

употребляется в среднетазовском говоре; она же встретилась в том варианте баишенского говора, который записывал Г.Н. Прокофьев. [Прокофьев, рук.].

Эта частица дублирует значение репортатива. ср. ее употребление в примерах (1) и (2) выше.

В то же время она встречается в контекстах, которые формально не могут быть отнесены к эвиденциальным, если понимать под эвиденциальностью маркирование источника информации о ситуации. А именно в следующем примере (баишенский говор) эта частица употребляется одновременно с формой императива:

- (4) *Ноп нильчек кэты-ңы-т: «Кысса, нёты момпа*
бог так сказать-Аог-о3 Норт впредь Рер
қэчи-ңымтія». Нйны щіттымталь іллә вәщцэ-я-Ø,
оставить-Імво3 потом опять вниз лететь-Аог-с3
нильчік
так
кэты-ңы-т «Кысса нёты қэч-әт»
сказать-Аог-о3 Норт впредь оставить-Імро2
'Бог так сказал: «Пусть теперь перестанет.» Он спустился вниз,
сказал: «Теперь перестань».' [Прокофьев рук., фонд 6, опись 1,
ед. хр. 16.]

Существование особого «пересказывательного императива» отмечает для нганасанского языка В.Ю. Гусев [2007: 436]. В нганасанском эта форма содержит суффикс репортатива; в селькупском частица *топра* также употребляется, как было сказано, в репортативных контекстах. Тем не менее, значение, представленное в селькупском (4) и в нганасанском (5), строго говоря, не относится к сфере эвиденциальности. В нганасанском репортативный показатель употребляется для того, чтобы обозначить, что повеление принадлежит не говорящему, а некоторому третьему лицу; в селькупском репортативный показатель в данном случае употребляет в императивном контексте сам автор императивного высказывания для того, чтобы обозначить, что его императивное высказывание должны быть передано слушающим третьему лицу:

- «(5) [Исследователь просит информанта говорить не по-нганасански, а по-русски. Присутствующая при этом женщина повторяет его слова по-нганасански]:
L'uešidə d'ebtaḁa-tə-baŋhu-rə! Sitəbj-rə
по.русски рассказывать-FUT-RENARR-2SGO сказка-2SG
d'ebtaḁa-tə-baŋhu-ŋ.
рассказывать-FUT-RENARR-2SG
'По-русски, [он просит], её рассказывай! [Он говорит], историю свою Расскажи'». [Гусев, 2007: 437]

Тем не менее в нганасанском возможно маркирование «пересказа иллокутивной силы» не только передающим высказывание, как в нганасанском (5), но и самим говорящим, формулирующим высказывание для передачи третьему лицу, как в селькупском (4). В нганасанском существует особая форма вопросительного ренарратива: «Особая ренарративная форма с суффиксом — *ha* употребляется только в вопросах в двух типах случаев: если говорящий задает вопрос не от себя, но по поручению другого человека (т.е. “пересказывается” иллокутивная сила высказывания, ср. аналогично устроенный ренарративный императив) или если говорящий предполагает, что собеседник сам знает ответ с чужих слов» [Гусев, 2007: 438]. И далее: «В следующем примере вопросительную форму ренарратива употребляет не тот, кто спрашивает, а тот, кто посылает другого спросить (в данном случае мать посылает сына):

- (62) Konj-² ħenamaðu-² d'a, təl'ibti-ħəŋ, ħəmsu-ðuŋ
 пойти-IMP сосед-GENPL к спросить-IMP.2SG.OP мясо-3PL
təj-h'a?
 иметься-RENARRINTERR
 ‘Иди к соседям, спроси, есть ли у них мясо?’

Заметим, что перед нами не прямая речь⁶: слово “мясо” оформлено посессивным показателем 3л.» [Гусев, 2007: 438–439].

Таким образом, селькупская частица *totra* может употребляться в репортативном значении, а также в цитативом — точнее, для маркирования реплики, предназначенной для пересказа третьему лицу.

4. Частица *myta*

Эта частица представлена в баишенских текстах, записанных Г.Н. Прокофьевым, а также в одном из текстов [Кузнецова, Казакевич, Иоффе, Хелимский 1993, текст 2]. Эта частица является маркером *квотатива*⁷ в трактовке [Güldemann, 2008]: под показателем квотатива понимается «являющаяся отдельным сегментом лингвистическая единица, которая используется говорящим для того, чтобы сигнализировать аудитории, что следующей в его речи будет представлена пересказанная речь»⁸. При этом квотативные показатели Т. Гюльдеман выделяет прежде всего для языков, где для передачи чужой речи используются не конструкции косвенной речи, а конструкции прямой речи, то есть такие конструкции, где

⁶ Как и в селькупском примере (4).

⁷ Термин *квотатив* часто используется как синоним употребленного выше термина *цитатив*; тем не менее в данной статье они соотносятся с разными функциями в сфере передачи чужой речи.

⁸ a segmentally discrete linguistic expression which is used by the reporter for the orientation of the audience to signal in his/her discourse the occurrence of an adjacent representation of reported discourse.

вмешательство говорящего в структуру пересказываемого дискурса минимально. Именно в такой конструкции используется и квотативный показатель *myta* в селькупском.

Он может, в частности, употребляться в каждой предикации в рамках прямой речи:

- (6) *Има-ты ѓты-ль пугылька-ля-сă ми-ңы-ты*
жена-3 вода-Attr бутылка-Dim-Instr дать-Aor-o3
«**Мыта** қаны-ммă-нты, **мыта** тацінты ам-қонтōқо
QUOT пойти-Cond-s2 QUOT ты.Асс съесть-Imv3Sg
пактырылалă-нты
вскочить-Fut-s3
на тас-сă мыта ѓты-ль пугылканы-сă чари
и ты-Instr QUOT вода-Attr бутылка-2-Instr в.лицо
қамтăйă-лă-л
вылить-Opt-o2

‘Жена его бутылку с водой дала: «Когда пойдешь, чтобы тебя съесть чтобы он вскочит, вот ты этой твоей бутылкой с водой морду ему облей».’

Как можно видеть из приведенного примера, никаких ограничений на сочетаемость этой частицы с глагольными формами, употребляемыми в оформляемом высказывании, нет: в примере (6) три предикации, в первой употреблена кондициональная форма, во второй — будущее индикатива, в третьей — оптатив.

Таким образом, мы видим, что представленные в селькупском специализированные средства передачи «чужой речи» охватывают очень широкий класс разнородных случаев, причем средства эти оказываются по-разному ориентированы относительно содержания высказывания и формы высказывания и относительно двух разных фигур, представляющих потенциальных авторов высказываний — относительно говорящего и относительно “рассказчика” в фольклорном нарративе. Обобщить рассмотренный выше материал можно следующим образом. Прежде всего можно разделить формы, употребление которых ориентировано на рассказчика (это ренарратив с показателем — *mtuntu* и квотатив *myta*) и формы, употребление которых ориентировано на говорящего, который в фольклорном нарративе представлен тем или иным героем повествования (это репортатив, выражающийся показателем *-nty* либо частицей *totpa* и развивающийся на базе репортатива цитатив, та же частица *totpa*). Далее формы могут быть ранжированы в зависимости от того, ориентированы ли они на передачу содержания чужого высказывания либо на передачу его формы.

Начнем с показателей, ориентированных на говорящего, т.е. на использование в диалогическом регистре. Так, в случае использова-

ния полифункционального эвиденциального показателя *-nty* в **репортативном** значении — в силу того, что эвиденциальные показатели служат только для маркирования источника информации — очевидно, говорящий передает именно содержание сообщения, полученного из третьих рук. То же значение, и, соответственно, то же положение на шкале «передача содержания высказывания vs. передача его формы» имеет и специализированный репортативный показатель *totpa*. В то же время зафиксировано употребление этого показателя в контексте, не относящемся к собственно эвиденциальным — а именно в контексте императивной реплики, сформулированной для передачи третьему лицу. Поскольку, как уже говорилось, эвиденциальные показатели маркируют источник информации о ситуации, их употребление ограничено описанием ситуаций реальных (или, как минимум, гипотетических, ориентированных в будущее); в то же время, они, очевидно, невозможны в высказываниях, которые имеют ирреальный характер, обусловленный их иллокутивной (речь идет о побудительных либо вопросительных высказываниях). В таких высказываниях употребление показателей, маркирующих чужую речь, вероятно, надо трактовать как **цитативное** — речь идет о пересказе сформулированной реплики третьему лицу (как было показано выше, развитие цитативных употреблений на базе репортативных хорошо представлено в нганасанском языке). Очевидно, такие цитативные употребления стоит ближе к передаче формы высказывания, чем собственно эвиденциальные репортативные употребления.

Перейдем к формам, употребление которых ориентировано на рассказчика, то есть на использование в нарративном регистре. Таких форм две. Первая, **ренарративная** форма с суффиксом *-mtunpu*, функционирует в рамках особой нарративной стратегии — при пересказе текстов, являющихся достоянием данного социума (то есть таких, в отношении которых естественно предполагать, что в предшествующих поколениях были члены данного социума, которые являлись непосредственными очевидцами данных событий). Как можно видеть, основание для употребления этой формы близко к основанию употребления эвиденциального суффикса репортатива ('информация о ситуации известна с чужих слов'), сам суффикс, напомним, содержит полифункциональный эвиденциальный суффикс *-nty*, который, среди прочего, может передавать и репортативное значение. Как уже говорилось, в отношении фольклорных текстов существует довольно сильная тенденция к существованию некоторого канонического варианта, поэтому, возможно, рассказчик в рамках данной нарративной стратегии несколько менее свободен в выборе формы высказывания, чем говорящий при использовании эвиденциального показателя репортатива. Наконец, в селькупском (прежде всего, вероятно, в его баишенском варианте, зафиксиро-

ванном Г.Н. Прокофьевым) представлен **квотативный** показатель, который никак не встроен в семантическую структуру передаваемого высказывания и который рассказчик употребляет, по сути, в качестве вербального аналога кавычек. Очевидно, что функции этого показателя не затрагивают содержание высказывания сводятся к внешнему оформлению высказывания как чужой речи. Таким образом, в селькупском представлено несколько показателей, которые соотносятся, кажется, со всеми логически возможными противопоставлениями в рамках функциональной зоны, которую можно условно обозначить как «передача чужой речи» (табл. 1, 2):

Таблица 1. Показатели «чужой речи» в северных говорах селькупского в диалогическом регистре

передача содержания	репортатив <i>-nty, томра</i>
передача формы	цитатив <i>томра</i>

Таблица 2. Показатели «чужой речи» в северных говорах селькупского в нарративном регистре

передача содержания	ренарратив <i>-mmynty</i>
передача формы	квотатив <i>-myta</i>

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо

ACC — аккумулятив

AOR — аорист

ATTR — атрибутивная форма

COND — условное наклонение

DIM — диминутив

FUT — будущее время

GEN — генитив

IMV — императив

INSTR — инструменталис

INTENS — интенсивно-перфектная совершаемость

INTERR — интеррогатив

LAT — латентив

O — объектное спряжение

OPT — оптатив

PL — множественное число

QUOT — квотатив

REP — репортатив

RENARR — (в нганасанском) форма репортатива

S — субъектное спряжение

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Т.В. Булыгина (ред.), Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992. С. 40–52.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб, 1999 (доп. изд.: СПб, 2001).
4. Гусев В.Ю. Эвиденциальность в нганасанском языке / В.С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб, 2007. С. 415–444.
5. Казакевич О.А. Изменение структуры языка с ограниченной сферой употребления // А.Е. Кибрик (ред.). Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. Посвящается 75-летию академика Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2005. С. 122–134.
6. Казакевич О.А., Будянская Е.М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург, 2010.
7. Козинцева Н.А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // А.В. Бондарко, С.А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб, 2002. С. 226–240.
8. Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. М., 1993.
9. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. М., 1980.
10. Плунгян В.А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие // В. Wiemer & V.A. Plungjan (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München, 2008. S. 285–311.
11. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
12. Прокофьев Г.Н. Подготавливаемые к печати О.А. Казакевич тексты, записанные Г.Н. Прокофьевым, которые хранятся в Архиве МАЭ РАН (рук.).
13. Тучкова Н.А., Вагнер-Надь Б. «Семи боров мудростью обладающий Итте...» Тексты с героем Итя в селькупском фольклоре. Томск, 2015
14. Aikhenvald A. Yu. Evidentiality. Oxford, 2004.
15. Güldemann T. Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey. Berlin: Mouton de Gruyter. (Empirical Approaches to Language Typology 34), 2008.

REPORTED DISCOURSE IN FOLKLORE TEXTS IN NORTHERN VARIETIES OF SELKUP

*Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
199004 Saint Petersburg, Tuchkov Pereulok, 9*

The article discusses various means of reporting somebody's speech in folklore texts on two northernmost varieties of Selkup (<Samoyedic <Uralic) — the Middle Taz idiom and the Baikha idiom. The dialects of the northern Selkups were chosen for the present study since they preserved an elaborated evidential system, which possesses also a reportative (hearsay) marker. Strictly speaking, evidentials do not have a direct relation to marking someone else's speech, but their use is analyzed however. This is justified at least by the fact that evidential markers can develop further uses that are directly related to reported discourse phenomena. In addition to this grammatical means, in the two dialects under analysis there are particle systems that also mark someone else's speech. In Selkup there are two sets of markers, intended to mark the introduction of somebody else's speech. The first one is used in the dialogue, the second one — in the narrative. The first set consists of an evidential marker of **reportative** (the speaker knowledge on the uttered situation is based on some else's words) and of a **citative** particle (the speaker formulates an utterance to be reported to an absent person). The second set consists of a **renarrative** marker (it is used to retell a special kind of story — a historical legend, reporting events, which are subsumed to be witnessed directly by some people of previous generations, which were members of the community the narrator belongs to) and of a **quotative** particle (it is inserted in the text just to mark, that the uttered sentence represents a reported discourse. The quotative, thus, can be regarded as a verbal analogue of quotation marks).

Key words: Samoyedic languages; Selkup language; evidentials; citation; quotative; reported discourse.

About the author: *Anna Urmanchieva* — Senior Researcher, Institute for Language Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (e-mail: urmanna@yandex.ru).

References

1. Arutyunova N.D. *Rechepovedencheskie akty v zerkale chuzhoj rechi* [Speech acts mirrored by somebody else's discourse]. T.V. Bulygina (ed.), *Chelovecheskij faktor v yazyke. Kommunikaciya. Modal'nost'. Dejksis.* [Human element in the language. Communication. Modality. Deixis] Moskow: Nauka Publ., 1992, pp. 40–52. (In Russ.)
2. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka.* [Language and human world]. Moskow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. (In Russ.)
3. Bondarko A.V. *Osnovy funktsional'noj grammatiki. Yazykovaya interpretatsiya idei vremeni.* [Basics of functional grammar. Language interpretation of the concept of time]. SPb, Nauka, 1999 (second edition — SPb, 2001). (In Russ.)

4. Gusev V. Yu. *Evidentials in Nganasan*. V.S. Xrakovskij (ed.). Evidencial'nost' v yazykax Evropy i Azii. Sbornik statej pamyati N.A. Kozincevoj [Evidentials in the languages of Europa and Asia. In memoriam of N.A. Kozinceva]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. Pp. 415–444. (In Russ.)
5. Kazakevich O.A. *Izmenenie struktury yazyka s ogranichennoj sferoj upotrebleniya* [The structural changes in a language with a restricted usage] A.E. Kibrik (ed.). *Malye yazyki i tradicii: sushchestvovanie na grani*. Vol. 1. Lingvisticheskie problemy soxraneniya i dokumentacii malyx yazykov. Posvyashhaetsya 75-letiyu akademika Vyach. Vs. Ivanova. [Minor languages and traditions: an existence on the verge. Vol. 1. Linguistic problems of preservation and documentation of minority languages]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2005. C. 122–134. (In Russ.)
6. Kazakevich O.A., Budyanskaya E.M. *Dialektologicheskij slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie)* [A dialectological dictionary of Selkup (northern variety)]. Ekaterinburg: Basko Publ., 2010. (In Russ.)
7. Kozinceva N.A. *K voprosu o kategorii zasvidetel'stvovannosti v russkom yazyke: kosvennyj istochnik informacii* [On evidentials in Russian: indirect source of information]// A.V. Bondarko, S.A. Shubik (ed.). *Problemy funkcional'noj grammatiki: Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii* [Problems of functional grammar: Morphological and syntactic categories within the utterance]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2002. Pp. 226–240. (In Russ.)
8. Kuzneczova A.I., Kazakevich O.A., Ioffe L. Yu., Xelimskij E.A. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskij dialekt* [An outline of Selkup. Taz dialect]. Vol. 2. Moscow: MSU publishing house, 1993. (In Russ.)
9. Kuzneczova A.I., Xelimskij E.A., Grushkina E.V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku*. [An outline of Selkup] Moscow: MSU publishing house, 1980. (In Russ.)
10. Plungian V.A. *O pokazatelyax chuzhoj rechi i nedostovernosti v russkom yazyke: mol, yakoby i drugie*. [On the markers of reported discourse in Russian: mol, yakoby et. al.] B. Wiemer & V.A. Plungjan (Hrsg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. 285–311. (In Russ.)
11. Plungian V.A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira*. [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world] Moscow: RSUH publishing house, 2011. (In Russ.)
12. Prokof'ev G.N. *Selkup texts from the Archive of MAE RAS* (Manuskript) (now being prepared to publication by O.A. Kazakevich). (In Russ.)
13. Tuhkova N.A., Vagner-Nad' B. *"Semi bogov mudrost'yu obladayushchij Itte..." Teksty s ge-roem Itya v sel'kupskom fol'klore*. ["Itte, having the wisdom of seven gods..." Texts with Itya as protagonist in Selkup folklore] Tomsk: TSPU publishing house, 2015 (In Russ.)
14. Aikhenvald A. Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
15. Güldemann T. *Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey*. Berlin: Mouton de Gruyter. (Empirical Approaches to Language Typology 34), 2008.

К.А. Байда

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНФИНИТИВОВ В РЕЧИ РУССКОГО РЕБЕНКА ДО ТРЕХ ЛЕТ

НИУ ВШЭ 190068, Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова, д. 123

ИЛИ РАН 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

Исследование посвящено одному из аспектов усвоения глагольной сферы русскими детьми: усвоению инфинитивов. Анализируются данные спонтанных детско-родительских диалогов. На основе количественных и качественных характеристик употребления форм инфинитива выделяются три стадии усвоения. Первая стадия характеризуется ограниченным набором глагольных лемм, отсутствием парадигматических оппозиций и семантической дифференциации функций инфинитива. Вторая стадия демонстрирует пик употребления инфинитивов, быстрый прирост глагольного лексикона и большую долю независимых (опциональных) инфинитивов в речевой продукции ребенка, принимающих на себя как модальные, так и темпоральные значения. На третьем этапе происходит усвоение модальных и темпоральных конструкций, свойственных русской языковой норме, и уменьшение числа опциональных инфинитивов вплоть до их полного исчезновения.

Также анализируется функциональное распределение опциональных инфинитивов и порядок усвоения конструкций с инфинитивом. На первом и втором этапах функционального развития инфинитива в детской речи можно наблюдать слияние значений, свойственных семантическим категориям модальности и темпоральности, в форме обобщенного футурально-модального значения, реализующегося в форме инфинитива и отчасти дифференцирующегося в частных значениях просьбы, желания, планирования. По мере развития, в речевом репертуаре ребенка появляются средства дифференциации зон модальности и темпоральности, в том числе представленные конструкциями с зависимым инфинитивом, что приводит к исчезновению опциональных инфинитивов сначала с темпоральным, а затем и с модальным значением. Состав функций инфинитива меняется от периода к периоду, позволяя проследить формирование средств выражения функционально-семантических полей темпоральности и модальности в детской речи.

Ключевые слова: детская речь; усвоение языка; русский язык; инфинитив; опциональные инфинитивы; глагол.

Байда Кира Александровна — младший научный сотрудник ИЛИ РАН, преподаватель НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) (e-mail: kira.ivanova@gmail.com).

1. Введение

Усвоению глагольной сферы как в кросс-языковой перспективе, так и в русском языке посвящена обширная литература ([Bittner, Dressler, Kilani-Schoch, 2003; Gagarina, Guelzow, 2006; Kiebzak-Mandera, 2000; Kiebzak-Mandera, Smoczyńska, Protassova, 1997; Tomasello, 1992] и др.). В свете настоящего исследования особого внимания заслуживают работы, посвященные процессам усвоения русского глагольного вида ([Гагарина, 2008а; Пупынин, 1996, 1998; Stoll, 2001]), сферы повелительности ([Bar-Shalom, Snyder, 1999, 2001; Ivanova, Voeikova, 2014; Voeikova, Bayda, в печати; Stephany, Voeikova, 2012, 2015; Цейтлин, 2008]).

Важным периодом в усвоении глагольных категорий является возрастной отрезок, в течение которого дети используют в своей речи большое количество так называемых опциональных [Wexler, 1993] инфинитивов¹. Опциональные инфинитивы — это формы инфинитива, которые функционально замещают другую глагольную форму. Они встречаются в речи детей-носителей многих языков,:

- (1) *jij de walvis maken* (нидерландский, 2;4, из [Blom, 2003])
ты DEF Кит делать-INF
- (2) *faire bobo là* (французский, 1;8, из [Kilani-Schoch, 2000])
делать-INF больно там
- (3) *колесо чинить бабушка вот это* (Ваня, 2;3)

Ранней работой, обобщающей наблюдения, сделанные на материале ряда европейских языков, является статья К. Векслера [Wexler, 1993], в которой период употребления опциональных инфинитивов выделяется как отдельная стадия речевого развития, чьи характеристики зависят от особенностей усваиваемых языков. В русском языке феномен опциональных инфинитивов впервые подробно описан в статьях [Bar-Shalom, Snyder, 1997; 1998], где показано, что траектория развития употребления независимых инфинитивов в детской русской речи сходна с европейскими языками, не допускающими (в отличие от русского) эллипсиса местоимения (non-pro-drop). В дальнейшем опциональные инфинитивы в речи русских детей анализировались в [Гагарина, 2008b; Gagarina, 2002, 2003, 2007; Kallestinova, 2007; Stepanov, 2001].

Опциональные инфинитивы функционально неоднородны и могут быть разделены на две группы: употребления, отсылающие к реальным событиям в настоящем или прошлом, и футурально-модальные (ирреальные) употребления, реализующие частные значения просьбы, предложения, планирования и т.д. Подавляющее большинство детских независимых инфинитивов (далее — НИ)

¹ Другое название таких инфинитивов — корневые (root) [Rizzi, 1994].

входит во вторую группу. Это явление, получившее название «модального сдвига» (Modal Shift или Modal reference effect), подробно обсуждается в [Hoekstra, Hyams, 1998], обзор см. [Stepanov, 2001].

Модальные значения, ассоциированные с аграмматичным употреблением независимых инфинитивов детьми, являются преимущественно деонтическими и волитивными. Эпистемические значения развиваются в речевой продукции детей позднее (см. работы [Kazakovskaya, в печати; Stephany, 1986]). [Hoekstra, Hyams, 1998] связывают деонтические модальные значения с типом предикатов «событие», в то время как эпистемическая модальность скорее оперирует «состояниями».

Теоретической основой анализа глагольной сферы в процессе онтогенеза, принятой в этой работе, являются труды Петербургской школы функциональной грамматики [Бондарко, 1982, 1983, 2011; Теория функциональной грамматики, 1990]. Центральный для нее принцип исследования «от семантики к средствам ее выражения» [Бондарко, 2011: 26] является оправданным при работе с данными детской речи. Семантическая категория повеления, центральная для императивной категориальной ситуации (далее — КС) и одна из базовых для функционально-семантического поля (далее — ФСП) модальности, появляется в речи детей на самом раннем этапе речевого развития, возможно, вследствие ее способности выражать не опосредованное другими глагольными категориями отношение говорящего к реальности [Бондарко, 2011: 65]. Обобщенная семантика повеления поддается однозначной трактовке родителями и исследователями благодаря жестам, интонации и особенностям внеязыковой среды на том этапе, когда конвенциональные средства выражения еще не усвоены ребенком и типовые содержательные структуры, репрезентирующие в речи ребенка ФСП модальности, темпоральности, аспектуальности только начинают формироваться. Исследуя развивающуюся речь ребенка, мы получаем возможность проследить постепенное «насыщение» различных ФСП свойственными им средствами выражения и постепенную дифференциацию КС внутри каждого поля.

При анализе употребления инфинитивов необходимо учитывать структуру функционально-семантических полей модальности и темпоральности. ФСП темпоральности связано с описанием актуальности, фактичности и реальности (как оппозиции ирреальности) [Теория функциональной грамматики, 1990: 72–73]. Центральным для него является КС актуального настоящего, за которым следует актуальное, отнесенное к прошлому. В детской языковой системе эти значения, хотя и бывают выражены НИ, рано начинают оформляться финитными формами [Гагарина, 2008a]. Сфера будущего времени

не является актуальной и всегда имплицитно относится к зоне ирреального значения потенциальности, элементы намерения. Это сближает сферу выражения будущего времени с ФСП модальности. Модальные конструкции, в свою очередь, могут быть отнесены к дальней периферии ФСП темпоральности [Теория функциональной грамматики, 1990: 50–52], поскольку все они подразумевают футуральную или презентно-футуральную временную отнесенность.

Взаимное сближение сферы выражения будущего времени и ФСП модальности позволяют говорить о футурально-модальном семантическом континууме, который реализуется в детской речи на ранних этапах усвоения глагольных категорий. Особую роль в его реализации играет форма инфинитива, с одной стороны — базовая, частотная, немаркированная, рано усваиваемая форма [Aikhenvald, 2010; Voeikova, Bayda, in press], с другой стороны — форма, окрашенная футурально-модальной семантикой как диахронически [Haspelmath, 1989], так и синхронно в составе модальных конструкций [Теория функциональной грамматики, 1990: 53] и конструкций будущего времени.

Задачей этой работы является выявление закономерностей в употреблении опционального НИ русским ребенком. Необходимо проследить развитие функций этой формы в детской речи, ее постепенное встраивание в нормативные модальные и темпоральные конструкции русского языка, а также рассмотреть роль НИ в формировании глагольных функционально-семантических полей модальности и темпоральности в речевой системе русскоязычного ребенка.

2. Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили записи диалогов детей со своими близкими, собранные в ИЛИ РАН и РГПУ им. Герцена (корпусы «Ваня», «Лиза», «Томас», «Кирилл» и «Филипп»). Записи были сделаны в естественных условиях в процессе игры или привычных домашних занятий и представляют собой спонтанные диалоги, расшифрованные и закодированные по стандарту CHAT [MacWhinney, 2000] и снабженные морфологической кодировкой, выполненной с помощью программы MORCOMM [Gagarina, Voeikova, Gruzincev, 2003]. Для анализа были выбраны записи, соответствующие возрастным периодам от начала наблюдений (от 1;5 до 2;0 у разных детей) до 2 лет 8 месяцев включительно². В возрасте после 2;8 функциональное распределение инфинитивов приближается к наблюдаемому в речи взрослых, и пик употреблений императивов — позади.

² В корпусе «Кирилл» использована запись 2;9 из-за пропуска предшествующей записи.

Методом сплошной выборки найдено 1457 контекстов, где ребенок использует форму, которая может быть идентифицирована как инфинитив. Общее число глагольных словоупотреблений в пяти проанализированных корпусах составляет 9179 единицы. Для количественных сопоставлений привлекались также данные речи взрослых, включающие 37312 глагольных словоупотреблений, из которых 5534 — формы инфинитива.

Полученная на материале детской речи выборка была размечена в соответствии с функцией, в которой употреблен инфинитив. Функция устанавливалась на основе контекста — не менее трех реплик в диалоге до и после оцениваемого контекста. Также каждый контекст оценивался по признаку соответствия нормативной грамматике русского языка.

3. Результаты

3.1. Количественные характеристики употребления инфинитивов детьми

Прежде чем перейти к анализу детской речи, рассмотрим, как употребляется инфинитив в обращенной к ребенку речи взрослых, которая часто оказывает большое влияние на речевые особенности детей. Проанализировав количество словоупотреблений в форме инфинитива, можно установить среднее значение доли инфинитивов, употребляющихся взрослыми участниками коммуникации, и очертить индивидуальные профили употребления инфинитивов детьми.

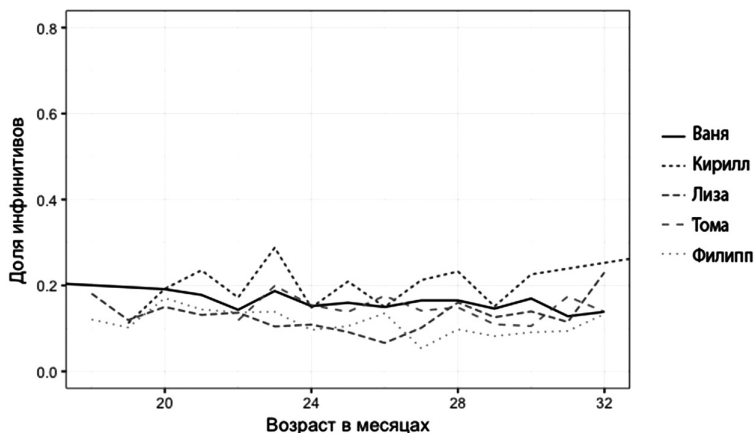

Рис. 1. Количественное распределение доли инфинитивов относительно всех глагольных словоупотреблений в речи взрослых

На рис. 1 изображены кривые изменения доли императивов во взрослой речи, обращенной к ребенку. Доля инфинитивов подвержена незначительным колебаниям и составляет от одной до двух с половиной десятых от количества всех глагольных словоупотреблений.

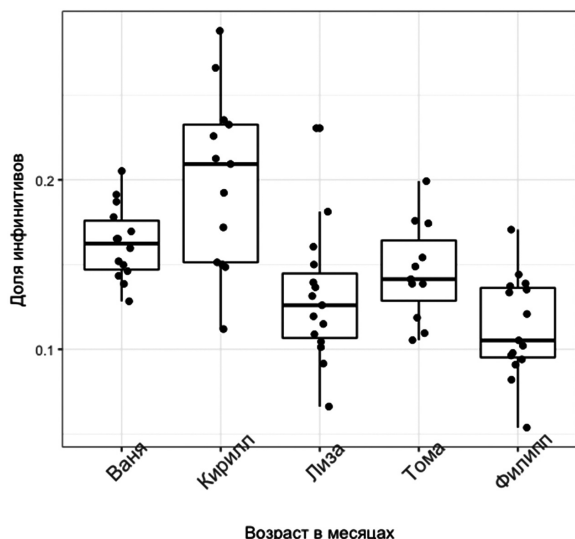

Рис. 2. Распределение размера доли инфинитивов в речи взрослых относительно медианы

На рис. 2 можно увидеть распределение доли инфинитивов в обращенной к ребенку речи совокупно за весь период наблюдений в каждом корпусе по отдельности. Объем, попадающий в «боксы», составляет 50% наблюдений. В корпусе «Филипп» взрослый употребляет наименьшее количество инфинитивов, в то время как взрослый в корпусе «Кирилл» чаще всего прибегает к формам инфинитива, употребляя конструкции с модальными словами.

Сравнить кумулятивную долю употребления инфинитивов взрослыми с такой же мерой детской речи трудно, поскольку детская речь отличается значительно большей вариативностью (рис. 2): доля инфинитивов меняется от месяца к месяцу в зависимости от того, какой период развития проходит ребенок, однако можно заметить, что корпус «Кирилл» выделяется высокой долей употребления инфинитивов как к детской, так и во взрослой речи (ср. рис. 2 и 3).

Рисунок 3 иллюстрирует индивидуальные профили употребления инфинитивов детьми в течение периода наблюдений. Можно увидеть, что количество словоупотреблений инфинитивных форм

переживает несколько взлетов и падений в ходе речевого развития. Каждый из периодов роста доли инфинитивов в речи ребенка соответствует одному из периодов развития речи, соотносимых с периодизацией, принятой в теории «Пре- и протоморфологии» [Dressler, Karpf, 1995]).

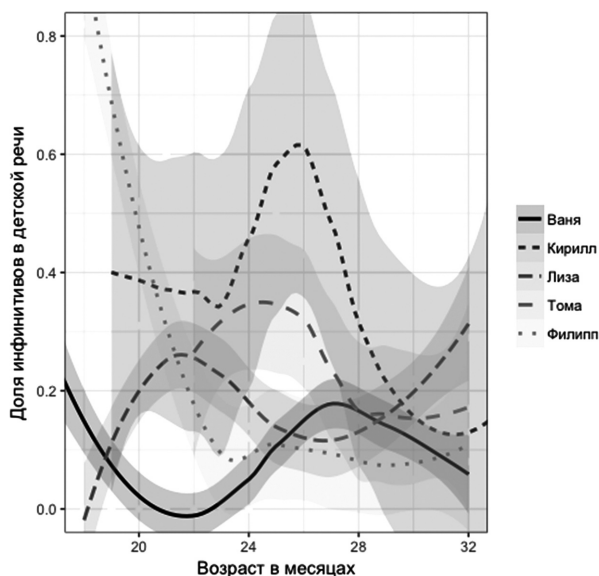

Рис. 3. Количественное распределение доли инфинитивов относительно всех глагольных словоупотреблений в речи детей (аппроксимация LOESS, серые зоны соответствуют доверительным интервалам)

Регистрация речевой продукции детей началась на разных этапах их речевого развития, из-за этого начальный этап использования инфинитивных форм оказался зарегистрирован только у трех детей — Филиппа, Кирилла и Вани. Этот этап выражается в преобладании форм инфинитива над всеми другими глагольными формами. Эти ранние формы представляют собой «застывшие» элементы, не имеющие еще противопоставлений в рамках глагольной парадигмы, что позволяет соотнести этот этап с периодом «преморфологии».

Значение таких форм, как правило, можно охарактеризовать как приближенное к футурально-ирреальной семантике, к модальному значению просьбы. Подобные употребления форм инфинитива по способу своего функционирования в речи ребенка приближаются к лепетным словам. Часто особую роль в этот период играет глагол *дать*, способный становится своего рода универсальным маркером побуждения в речи ребенка, присоединяя не только объект

(4), но и каузируемое действие (5) (см. [Бровко, 2007; Воейкова, Иванова, 2017]).

(4) *Собака дать!* (Филипп просит игрушечную собаку, 1;6)

(5) *Дать читать!* (Кирилл просит почитать ему вслух, 1;7)

Отделить эту раннюю стадию развития от последующих можно на основе наблюдаемого после нее резкого падения доли инфинитивов. Так, в речи Вани после пика употребления инфинитивов в возрасте 1;5 (17 месяцев) такие формы не встречаются до 2;1 (25 месяцев), в то время как количество личных форм глагола растет. В речи Филиппа доля инфинитивов снижается с 82% от всех глагольных форм в 1;6 (18 месяцев) до 12% в 1;10 (22 месяца), в речи Кирилла от 38% (19 месяцев) до 18% (24 месяца).

После завершения первого этапа наступает вторая стадия, характеризующаяся появлением нового пика в употреблении инфинитивов. Второй этап соотносим с периодом «протоморфологии» и его типичной чертой является употребление большого числа «независимых» (опциональных) инфинитивов, появляющихся в речи детей на месте финитного глагола и берущих на себя как функции различных видовременных форм, так и функцию побуждения. В большинстве случаев независимые инфинитивы связаны с футурально-модальной семантикой и могут интерпретироваться как озвученное планирование собственных действий (6) или требование (7).

(6) *Рисовать тут шарики.* (Лиза, 2;1)

(7) *Витамин дать витамин.* (Кирилл, 2;3)

В отличие от начальной фазы, характеризующейся ограниченным количеством глагольных лемм и отсутствием парадигматических противопоставлений, на втором этапе глагольный лексикон быстро прирастает, а «независимые» инфинитивы функционируют наряду с нормативными формами, взаимозаменяемы и могут встречаться в пределах одного высказывания.

(8) ДР³: *Сиди!* (Ваня, 2;4)

ВР: *Куда иди?*

ДР: *Туда, сесть.*

(9) ВР: *Про козу читать? Давай мы почитаем.*

ДР: *Читай, ме (про козу —?) читать!* (Тома, 1;11)

В (8) и (9) ребенок использует форму инфинитива после формы повелительного наклонения. Такие случаи показывают их семантическую эквивалентность в речи ребенка.

Эта стадия наблюдается на материале четырех из пяти корпусов: у Лизы вершина кривой, очерчивающей период активного употребления инфинитивов, приходится на 1;9 (21 месяц, доля инфинитивов 0,33), у Тома — 1;11 (23 месяца, доля инфинитивов 0,35), у

³ Здесь и далее в примерах ДР — детская речь, ВР — речь взрослого.

Кирилла — 2;6 (26 месяцев, доля инфинитивов 0,43), у Вани — 2;3 (27 месяцев, доля инфинитивов 0,23).

Профиль Филиппа сглажен и на нем трудно усмотреть второй пик. В возрасте 2;2 доля инфинитивов в его речи достигает 0,16 (значения предшествующего и последующего месяцев 0,6 и 0,7), однако не достигает показателей, близких к наблюдаемым у других детей. Особенностью речи Филиппа является раннее усвоение модальных конструкций с инфинитивом, что дает основания предполагать, что в его случае второй пик оказывается частью нисходящей кривой первого пика употребления «лепетных» инфинитивов.

По завершении второй стадии усвоения инфинитивов количественные значения, характеризующие долю инфинитивов в речи ребенка, снижаются. При этом число неграмматичных употреблений независимого инфинитива падает, с течением месяцев достигая нуля.

Третий этап усвоения инфинитивов, период относительно развитой морфологии, наблюдается после завершения пика, появившегося на втором этапе, и характеризуется низким числом неграмматичных независимых инфинитивов и встраиванием инфинитива в модальные и темпоральные конструкции, соответствующие языковой норме. В доступных данных наступление третьего этапа в корпусах «Ваня» и «Тома» можно отметить после 2;9. Количество неграмматичных употреблений инфинитива снижается до нуля, а число инфинитивов, задействованных в модальных конструкциях, формах будущего времени и употребляемых в качестве целевых — растет. В речи Лизы в рассматриваемый возрастной период третий этап не выделяется, поскольку сохраняется относительно высокое число неграмматичных инфинитивов. В речи Филиппа и Кирилла третий этап наступает раньше в силу особенности их речи — раннего усвоения модальных конструкций.

Таким образом, на основе количественного анализа случаев употребления инфинитива в речи детей можно выделить три этапа усвоения инфинитива во всем многообразии его функций. Полученная периодизация соотносима с периодами усвоения инфинитивов, описанными в [Kallestinova, 2007] с позиций генеративной грамматики.

Речь каждого из детей развивается в индивидуальном темпе. Тем не менее, несмотря на смещение траекторий развития относительно биологического возраста, кривая развития сходна для каждого из детей. Границы выделенных этапов могут служить точками отсчета при сопоставлении уровня языкового развития детей, что продемонстрировано на анализируемых данных: отсутствие или смещение пика второго периода говорит о опережающем или замедленном темпе усвоения глагольной сферы.

3.2. Функции независимого инфинитива в детской речи

Подавляющее большинство (97,4%) независимых инфинитивов в речи детей интерпретируются как обладающие ирреальным футурально-модальным значением, смещенным в зону деонтической модальности, что подтверждает наличие «модального сдвига» в употреблении НИ. Распределение типов предикатов в нашем материале (преимущество «событий» над «состояниями») также подтверждает гипотезу о связи типа модальности с типом предиката «событие»⁴.

Среди этих инфинитивов можно выделить частные значения просьбы (10), призыва к совместному действию (11), планирование собственных действий (12), оптативное значения в высказываниях, утверждающих ирреальную игровую ситуацию (13). Просьба является самым частотным значением, однако на раннем этапе усвоения модальной сферы дифференциация отдельных категориальных ситуаций в поле модальности затруднена.

Ребенок предлагает новое для всех участников ситуации действие:

(10) ДР: *Гулять.* (Лиза, 1;9)

ВР: *Гулять уже ты хочешь?*

(11) Ребенок предлагает бабушке сыграть последний раз перед сном:

Раз один играть. (Ваня, 2;5)

(12) Ребенок описывает действия непосредственно перед тем, как совершить их:

Положить в коробку. (предвосхищая собственные действия, Филипп, 1;11)

(13) Ребенок предлагает новую роль или действие игрушке:

Доктор лечит, доктор. Дядя рулит. (Ваня, 2;3)

При сочетании инфинитива с отрицанием в ранней детской речи возможен «телеграфный стиль» при построении отрицания, пример (14).

(14) *Открыть вот здесь э-а* (не-а). (Ваня, 2;2)

Такие инфинитивы с отрицанием, помещаемым в конец высказывания, выражают отказ, запрет и невозможность выполнения действия неким субъектом. В обследованном корпусе такие отрицания встречаются в речи Томи (до 2;3) и Вани (до 2;4) одновременно с конвенциональным отрицанием в конструкциях с модальными словами или формах будущего времени. В речи Лизы и Филиппа в тот же период (у Филиппа — до 1;11) в качестве маркера отрицания в постпозиции используется слово *никак*.

(15) *Открыть калитку никак.* (Лиза, 2;1)

⁴ Для русского языка распределение типов предикатов у независимых опциональных инфинитивов описано на материале корпуса «Варя» (CHILDES) (98% — «события») в [Van Gelderen, Van der Meulenn, 1998], цит. по [Hoekstra, Hyams, 1998].

Если отрицание строится в соответствии с нормативной конструкцией, возникает высказывание с независимым инфинитивом, выражающее неспособность или невозможность выполнить действие.

(16) *Кран не починить.* (Ваня, 2;3)

Такие контексты встречаются в речи Вани рано и являются тем случаем, когда ребенок «попадает» в заданный языком относительно низкочастотный шаблон использования независимого инфинитива.

Независимые инфинитивы, употребляющиеся для обозначения действий в прошлом и настоящем (непосредственно наблюдаемых событий), в речи детей немногочисленны.

(17) *А я воду включить и все помыть водой.* (особытии в прошлом, Тома, 2;8)

(18) ВР: *Лиза, а что фломастерами ты делала?*

ДР: *Рисовать.* (Лиза, 1;10)

(19) *Мама собирать.* (о наблюдаемом действии, Лиза, 2;6)

Предположение о том, что НИ, описывающие наблюдаемые и прошедшие события, выражены, соответственно, глаголами несовершенного и совершенного вида [Brun, Avrutin, Babyonyshev, 1999], опровергаются результатами анализа речи каждого из детей (СВ систематически употребляется при выражении значений настоящего времени, НСВ — прошедшего), однако при кумулятивном анализе данных можно усмотреть тенденцию к более частому использованию НСВ при описании наблюдаемых действий.

Таблица 1. Соотношение словоупотреблений СВ и НСВ в НИ, употребляющихся в функциях настоящего и прошедшего времени

НИ — настоящее (СВ/НСВ, в словоупотреблениях)	НИ — прошедшее (СВ/НСВ, в словоупотреблениях)
11 (0.35)/20(0.65)	10(0.53)/9(0.47)

Такая тенденция может, однако, объясняться склонностью взрослых интерпретировать СВ как имплицитующий значение прошедшего, поскольку значение НИ в настоящей работе оценивается на основе смежных реплик в диалоге, в том числе интерпретирующих реплик взрослого.

К НИ, выражающим план настоящего, можно отнести, с одной стороны, ранние НИ, употребляемые на этапе голофраз для обозначения наблюдаемой ситуации в ее целостности или же участвующего в наблюдаемой ситуации предмета по выполняемому им действию или его предназначению, как в примере (20).

(20) Ребенок, глядя на лестницу игрушечной пожарной машинки:

ДР: *Подниматься.* (Лиза, 1;11)

ВР: *Это лесенка у машинки?*

С другой стороны, к этой категории относится комментирование чужих и собственных действий. Проговаривание собственных действий характерно для всех детей в выборке и в ряде случаев трудно отделимо от случаев выражения желания или планирования (ср. пример (10)).

Отдельно можно выделить повтор глагола, появившегося в предшествующей реплике взрослого, используемый ребенком в качестве согласия (21). Особенно часто такой тип употреблений встречается в речи Лизы, не являясь высокочастотным в корпусе детской речи в целом.

(21) ВР: *Ты подождешь, я тебе шапку принесу.* (Лиза, 1;9)

ДР: *Подождать.*

Особая функция употребления независимого инфинитива в речи детей, являющаяся одновременно ранней, относительно частотной и совпадающей с языковой нормой, это ответ на вопрос, содержащий или подразумевающий модальный элемент или обращенный в будущее и, тем самым, подразумевающий возможность ответить с помощью инфинитивной части модальной конструкции или перифрастической формы будущего времени НСВ.

(22) ВР: *Что ты с ним будешь делать?*

ДР: *Играть.* (Лиза, 1;10)

Такие вопросы могут «подталкивать» ребенка к независимому употреблению инфинитивов и в то же время служить «мостиком» на пути к усвоению нормативных модальных конструкций и форм будущего времени.

3.3. Зависимый инфинитив в детской речи

Функции инфинитива, совпадающие с нормативными, развиваются в детской речи параллельно с уменьшением числа НИ. Единственными нормативными употреблениями независимого инфинитива в детской речи являются упомянутый выше независимый инфинитив с отрицанием и ответ на вопрос, включающий модальный элемент или обращенный в будущее. Среди зависимых форм инфинитива самым частотным в детской речи является употребление инфинитива в составе форм будущего времени НСВ.

(23) *Я буду ему зашивать штаны.* (Тома, 2;7)

В речи Тома, Филиппа и Лизы они появляются в возрасте около двух лет, в речи Вани и Кирилла — около двух с половиной. Дети используют такие формы преимущественно для планирования собственных действий и реже — для описания действий других участников ситуации.

На втором месте по частоте употреблений находятся модализованные высказывания с глаголом *хотеть* и модальные конструкции.

(24) *Можно разбирать оленя.* (Ваня, 2;6)

Наиболее употребимой является конструкция с *надо*, в то время как значение долженствование оказывается выражено в речи только одного ребенка.

(25) *Надо еще кису найти.* (Филипп, 2;6)

(26) *Я должен тебе помогать.* (Кирилл, 2;9)

Другими частотными типами встраивания инфинитива в высказывание с модальным значением являются формы совместного действия (гортатива) (27).

(27) *Идем, давай играть (в) теремок.* (Ваня, 2;6)

(28) *Пей и пойдем тогда купаться* (Филипп, 2;2)

(29) *Дать тебе картинки?* (Лиза, 2;6)

Также большую долю употреблений составляют целевые инфинитивы (28). Позднее других в речи детей появляются модальные эллиптические вопросы с формой инфинитива (29). У всех детей, кроме рано освоившего конструкции с инфинитивом Филиппа, они появляются после 2;6.

3.4. Периодизация функций инфинитива в детской речи

Доступный для анализа объем данных позволяет упорядочить основные функции инфинитива в детской речи относительно возрастных периодов, в которые эти функции оказываются наиболее употребимы.

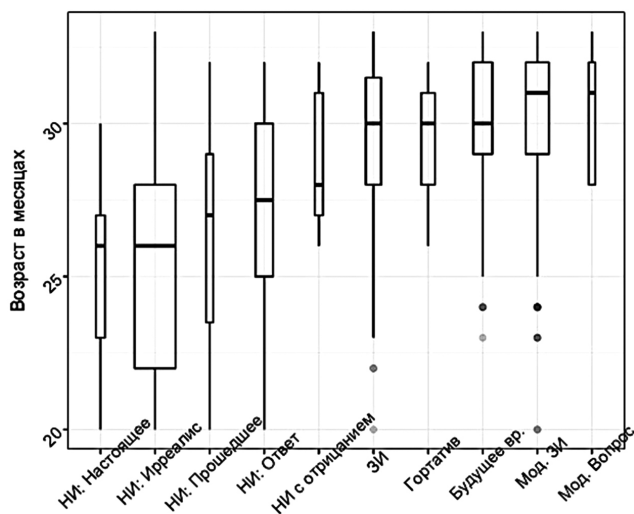

Рис. 4. Функции инфинитива в детской речи, упорядоченные относительно медианного возраста появления в совокупности проанализированных данных (n = 1457)

Рисунок 4 показывает основные функции инфинитива в детской речи, упорядоченные относительно возрастных периодов, в которые они употребляются, на основе анализа 1457 контекстов. Ширина «бокса» указывает на количество контекстов в группе. Периодизация на доступном материале условна и не позволяет судить о порядке следования конкретных функций, но дает возможность соотнести их со вторым и третьим возрастными периодами. К периоду «протоморфологии» относится ранняя и самая многочисленная в речи детей группа футурально-ирреалисных употреблений независимых (опциональных) инфинитивов (НИ: Ирреалис). К ней примыкают группы темпоральных употреблений независимого инфинитива, принимающие на себя значения настоящего и прошедшего времени. Затем группа НИ, являющихся ответом на вопрос, подобные (30). (30) ВР: *Что Томочка будет совочком делать?* (Тома, 1;11)

ДР: *Копать.*

Позднее появляются независимые инфинитивы с отрицанием. После этого, с наступлением этапа развитой морфологии, в речи детей все активнее употребляются разные типы зависимых инфинитивов: в составе форм будущего времени, форм совместного действия, инфинитивных дополнений, модальных конструкций.

4. Заключение

Анализ данных спонтанной речи пяти детей показал, что употребление инфинитивов развивается нелинейно и демонстрирует три периода роста, соответствующие трем периодам речевого развития, соотносимым с преморфологией, протоморфологией и развитой морфологией. Первый, «преморфологический», период наблюдается у троих детей (Ваня, Филипп, Кирилл) и характеризуется наличием сверхупотребимой и не имеющей парадигматических оппозиций формы инфинитива, обладающей футурально-модальным значением. Второй период, соотносимый с периодом «протоморфологии», характеризуется употреблением большого количества независимых (опциональных) инфинитивов и завершается в среднем через четыре месяца после появления пиковых значений употребления НИ снижением доли инфинитивов до нового минимума. После этого наступает фаза, соотносимая с периодом развитой морфологии, в которую доля инфинитивов относительно всех глагольных форм вновь возрастает, однако уже за счет встраивания зависимого инфинитива в различные конструкции, нормативные для русского языка.

Состав функций инфинитива меняется от периода к периоду, позволяя проследить формирование средств выражения ФСП темпоральности и модальности в детской речи. На первом и втором

этапах функционального развития инфинитива в детской речи можно наблюдать слияние значений, свойственных семантическим категориям модальности и темпоральности, в виде обобщенного футурально-модального значения, реализующегося в форме инфинитива и отчасти дифференцирующегося в частных значениях просьбы, желания, планирования. По мере развития, в речевом репертуаре ребенка появляются средства дифференциации зон модальности и темпоральности, что приводит к исчезновению независимых инфинитивов сначала с темпоральным, а затем и с модальным значением.

Список литературы

1. *Бондарко А.В.* Аспектуальные ситуации и вопрос о «категориальных ситуациях» в грамматике // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 625. Семантика аспектуальности в русском языке. Вопросы русской аспектологии. Тарту, 1982. С. 3–20.
2. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
3. *Бондарко А.В.* Категоризация в системе грамматики. М., 2011.
4. *Бровко Е.Л.* Высказывания с семантикой передачи материального объекта на ранних этапах детской речи // Семантические категории в детской речи / Отв. ред. С.Н. Цейтлин. СПб, 2007. С. 220–243.
5. *Воейкова М.Д., Иванова К.А.* Функция императивных форм *дай / давай* и их грамматикализованных вариантов в высказываниях детей и взрослых // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / Отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. М., 2017. С. 308–331.
6. *Гагарина Н.В.* Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб, 2008а.
7. *Гагарина Н.В.* Категория инфинитива в детской речи (на материале русского языка) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2008b. № 10(59). С. 94–98.
8. *Пупынин Ю.А.* Усвоение русских глагольных форм ребенком // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 84–94.
9. *Пупынин Ю.А.* Элементы видо-временной системы в детской речи // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 102–117.
10. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В. Бондарко. Л., 1990.
11. *Цейтлин С.Н.* Выражение побуждения в детской речи // Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики. СПб, 2008. С. 309–330.
12. *Aikhenvald A.* Imperatives and commands (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford, 2010.

13. *Bar-Shalom E., Snyder W.* The Optional Infinitive stage in Russian and its implications for the Pro-Drop debate // S. Franks & M. Lindseth (Eds), *Formal approaches to Slavic linguistics 5: The Indiana meeting*. Ann Arbor, 1997. P. 8–47.
14. *Bar-Shalom E., Snyder W.* Root infinitives in child Russian: A comparison with Italian and Polish // R. Shillcock, A. Sorace & C. Heycock (Eds), *Language acquisition: Knowledge representation and processing*. Proceedings of GALA '97 (pp. 22–27). Edinburgh, 1998. P. 22–27.
15. *Bar-Shalom E., Snyder W.* On the Relationship between Root Infinitives and Imperatives in Early Child Russian // *Proceedings of the Twenty third Boston University Conference on Language Development*, edited by A. Greenhill, H. Li le eld, and C. Tano. Somerville, MA, 1999. P. 56–67.
16. *Bar-Shalom E., Snyder W.* Descriptive Imperatives in Early Child Russian and Early Correct Use of Verbal Morphology // *Proceedings of the 25th Boston University Conference on Language Development*, edited by A.H.-J. Do, L. Dominguez, and A. Johansen. Somerville, MA: Cascadilla Press. 2001. Pp. 94–101.
17. *Bittner D., Dressler W.U., Kilani-Schoch M.* (eds.). *Development of Verb Inflection in First Language Acquisition: A CrossLinguistic Perspective*. (Studies on Language Acquisition 21) Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003.
18. *Blom E.* From root infinitives to finite sentences: The acquisition of verbal inflections and auxiliaries. Doctoral dissertation, University of Utrecht, The Netherlands, 2003.
19. *Brun D., Avrutin S., Babyonyshev M.* Aspect and its temporal interpretation during the optional infinitive stage in Russia // Greenhill A., Littlefield H., Tano C. (Eds), *Proceedings of BUCLD 23(1)*. Sommerville, MA, 1999. P. 120–131.
20. *Dressler W.U., Karpf A.* The theoretical relevance of pre- and protomorphology in language acquisition // *Yearbook of Morphology* 1994. 1995. P. 99–124.
21. *Gagarina N.* Thoughts on optional infinitives (in Russian) // Hole D., Law P., Zhang N. (Eds.) *Linguistics by heart*. Webfest for Horst-Dieter Gasde. Berlin, 2002. P. 1–23.
22. *Gagarina N.* The early verb development and demarcation of stages in three Russian-speaking children D. Bittner, W.U. Dressler, and M. Kilani-Schoch (eds.). *Development of Verb Inflection in First Language Acquisition. A Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, 2003. P. 131–169.
23. *Gagarina N., Voeikova M.D., Gruzincev S.* New version of morphological coding for speech production of Russian children (in the framework of CHILDES) // Peter Kosta, Joanna Blaszczak, Jens Frasek & Ljudmila Geist (eds.). *Investigations into formal Slavic linguistics*. Frankfurt a. M., 2003. P. 243–258.
24. *Gagarina N., Guelzow I.* (eds.) *The acquisition of verbs and their grammar: The effect of particular languages*. (Studies in Theoretical Psycholinguistics) Springer, 2006.

25. *Gagarina N.* What happens when adults often use infinitives? // Guelzow I. and N. Gagarina (eds.) *Frequency effects in language acquisition*. Berlin, 2007. P. 205–236.
26. *van Gelderen V., van der Meulen I.* Root infinitives in Russian: Evidence from acquisition. Term paper, Leiden University. 1998.
27. *Haspelmath M.* From purposive to infinitive — a universal path of grammaticization // *Folia Linguistica Historica* 10. 1989. 1–2. P. 287–310.
28. *Hoekstra T., Hyams N.* Aspects of root infinitives // *Lingua*. 106. 1998. P. 81–112.
29. *Ivanova K., Voeikova M.D.* Императивы несовершенного вида на ранних этапах усвоения детьми русского языка. *Scando-Slavica* 60(2). 2014. P. 212–230.
30. *Kallestinova E.* Three stages of root infinitive production in early child Russian. *First Language* 27(2). 2007. P. 99–131.
31. *Kazakovskaya V.V.* Epistemic modality in Russian child language // Stephany U., Aksu-Koç A., Voeikova M.D. (eds.) *Development of Modality in First Language Acquisition: a Cross-Linguistic Perspective*. Berlin; N.Y., Forthcoming.
32. *Kiebzak-Mandera D.* Formation of the verb system in Russian children // *Psychology of Language and Communication*. 2000. 4. P. 27–46.
33. *Kiebzak-Mandera D., Smoczyńska M., Protassova E.* Acquisition of Russian verb morphology: the early stages // W.U. Dressler (ed.), *Studies in pre- and protomorphology*. Wien, 1997. P. 101–114.
34. *Kilani-Schoch M.* Early verb development in two French-speaking children // *First verbs: on the way to mini-paradigms*, eds. Bittner D., Dressler W.U., Kilani-Schoch M., *ZAS Papers in Linguistics*, vol. 18. 2000. P. 79–98.
35. *MacWhinney B.* *The CHILDES Project: Tools for analyzing talk*. Mahwah, NJ, 2000.
36. *Rizzi L.* Some notes on linguistic theory and language development: The case of root infinitives // *Language Acquisition* 3. 1994. P. 371–393.
37. *Stepanov A.* Intentional root infinitives in early child Russian // *Journal of Slavic Linguistics*. 2001. 9(2). P. 253–285.
38. *Stephany U.* Modality // P. Fletcher and D. Garman (eds.). *Language acquisition*. Cambridge, 1986. P. 375–400.
39. *Stephany U., Voeikova M.D.* Requests, a Fundamental Communicative Motive: their Meanings and Forms in Early Greek and Russian Child Language // Abstracts of the 15th International Morphology Meeting. Vienna University of Economics and Business, February 9–12 (Thursday–Sunday). Vienna, 2012. P. 110.
40. *Stephany U., Voeikova M.D.* Requests, their meanings and aspectual forms in early Greek and Russian child language // *Journal of Greek Linguistics*. 15(1). 2015. P. 66–90.
41. *Stoll S.* *Acquisition of Russian Aspect*. Ph.D Dissertation. University of California, Berkeley. 2001.

42. *Tomasello M.* First Verbs: A Case Study of Early Grammatical Development. Cambridge; N.Y., 1992.
43. *Voeikova M.D., Bayda K.A.* Directives in Russian adult-child communication // Stephany U., Aksu-Koç A., Voeikova M.D. (eds.) Development of Modality in First Language Acquisition: a Cross-Linguistic Perspective. Berlin; N.Y. Forthcoming.
44. *Wexler K.* Optional infinitives, head movement and the economy of derivations. In D. Lightfoot & N. Hornstein (Eds), *Verb movement*. Cambridge: Cambridge University Press. 1994. Pp. 305–350.

Kira Bayda

THE FUNCTIONING OF INFINITIVES IN THE SPEECH OF RUSSIAN CHILDREN UNDER THREE YEARS

*National Research Institute Higher School of Economics,
190068, Saint Petersburg, Griboedov Canal Embankment, 123*

*Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
199053, Saint Petersburg, Tuchkov Pereulok, 9*

The paper focuses on the use of infinitives in the course of the acquisition of Russian by young monolingual children. The longitudinal data of four children of up to 2 year 8 months old are analyzed. Not only root/optional infinitives are analyzed, but also the set-up of a fully developed system of matrix predicates governing infinitives is described. The process of acquisition of the infinitive can be divided at least into three stages. The first stage is characterized by an excessive use of a limited number of infinitive verb types in one-word utterances associated with irrealis meaning. During the second stage the number of infinitive types and tokens increases and its functions become more distinguishable: most of them are still related to irrealis meaning, but such functions as requesting, commenting on one's own activities, denoting past and future events can be found. During the third stage the establishment of modal constructions and periphrastic future tense structures leads to a decrease in the number of root/optional infinitives in child speech. The generalized data of four children's speech show that the development of tense structures, first of all of imperfective future forms, precedes the acquisition of modal structures, such as affirmative constructions with modal predicates, preventive and prohibitive structures with negation, with elliptical modal questions being the latest acquired.

Key words: child language; language acquisition; optional infinitives; root infinitives; Russian; verb.

About the author: *Kira Bayda* — Junior Research Associate, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences Lecturer, National Research University "Higher School of Economics" St. Petersburg (e-mail: kira.ivanova@gmail.com).

References

1. Bondarko A.V. Aspektual'nye situacii i vopros o «kategorial'nyx situaciyax» v grammatike [Aspectual situations and the problem of «categorial situations» in grammar]. *Uchen. zap. Tartuskgo gos. un-ta* [Working papers of the State university of Tartu]. Vyp. 625. *Semantika aspektual'nostii v russkom yazyke. Voprosy russkoj aspektologii* [Semantics of aspect in the Russian language. Problems of Russian aspectology]. Tartu, 1982, pp. 3–20. (In Russ.)
2. Bondarko A.V. *Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and problems of aspectology]. Leningrad, Nauka Publ, 1983. (In Russ.)
3. Bondarko A.V. *Kategorizaciya v sisteme grammatiki* [Categorization in the grammatical system]. Moscow, YASK Publ, 2011. (In Russ.)
4. Brovko E.L. Vyskazyvaniya s semantikoj peredachi material'nogo ob'ekta na rannix e'tapax detskoj rechi. [Utterances with the semantics of transfer of a material object during the early period of child language development] *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi*. Ed. S.N. Cejtlin. Saint-Petersburg, Nestor-Istoria Publ, 2007, pp. 220–243. (In Russ.)
5. Voejkova M.D., Ivanova K.A. Funkciya imperativnyx form daj / davaj i ix grammatikalizovannyx variantov v vyskazyvaniyax detej i vzroslyx [The function of imperatives daj davaj 'to give' and their grammaticalized variants in child and adult utterances]. *Problemy funkcional'noj grammatiki. Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i celostnom tekste*. Ed. A.V. Bondarko, V.V. Kazakovskaya. Moscow, YASK Publ, 201, pp. 308–331. (In Russ.)
6. Gagarina N.V. *Stanovlenie grammaticheskix kategorij russkogo glagola v detskoj rechi* [Construction of grammatical categories of the Russian verb in child speech]. Saint-Petersburg, Nauka Publ, 2008a. (In Russ.)
7. Gagarina N.V. Kategoriya infinitiva v detskoj rechi (na materiale russkogo yazyka) [The category of the infinitive in child language]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], 2008b, 10(59), pp. 94–98. (In Russ.)
8. Pupynin Yu.A. Usvoenie russkix glagol'nyx form rebenkom [Acquisition of russian verbal forms by a child]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1996, 3, pp. 84–94. (In Russ.)
9. Pupynin Yu.A. E'lementy vido-vremennoj sistemy v detskoj rechi [Acquisition of the system of Russian verb forms by a child (the early stages)]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1998, 2, pp. 102–117. (In Russ.)
10. *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'*. [Theory of functional grammar. Temporality. Modality] Ed. A.V. Bondarko. Leningrad, Nauka Publ., 1990. (In Russ.)
11. Cejtlin S.N. Vyrashenie pobuzhdeniya v detskoj rechi [Expression of requests in child language]. *Problemy funkcional'noj grammatiki: Kategorii*

- zaciya semantiki* [Problems of functional grammar: categorization of semantics]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 309–330. (In Russ.)
12. Aikhenvald A. *Imperatives and commands* (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford, Oxford University Press, 2010.
 13. Bar-Shalom E., Snyder W. The Optional Infinitive stage in Russian and its implications for the Pro-Drop debate. In S. Franks & M. Lindseth (Eds), *Formal approaches to Slavic linguistics 5: The Indiana meeting*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. 1997, pp. 8–47.
 14. Bar-Shalom E., Snyder W. Root infinitives in child Russian: A comparison with Italian and Polish. In R. Shillcock, A. Sorace & C. Heycock (Eds), *Language acquisition: Knowledge representation and processing. Proceedings of GALA '97* (pp. 22–27). Edinburgh: University of Edinburgh. 1998, pp. 22–27.
 15. Bar-Shalom E., Snyder W. On the Relationship between Root Infinitives and Imperatives in Early Child Russian. In *Proceedings of the Twenty third Boston University Conference on Language Development*, edited by A. Greenhill, H. Li le eld, and C. Tano. Somerville, MA: Cascadilla Press. 1999, pp. 56–67.
 16. Bar-Shalom E., Snyder W. Descriptive Imperatives in Early Child Russian and Early Correct Use of Verbal Morphology. In *Proceedings of the 25th Boston University Conference on Language Development*, edited by A.H.-J. Do, L. Dominguez, and A. Johansen. Somerville, MA: Cascadilla Press. 2001, pp. 94–101.
 17. Bittner D., Dressler W.U., Kilani-Schoch M. (eds.). *Development of Verb Inflection in First Language Acquisition: A CrossLinguistic Perspective*. (Studies on Language Acquisition 21). Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003.
 18. Blom E. *From root infinitives to finite sentences: The acquisition of verbal inflections and auxiliaries*. Doctoral dissertation, University of Utrecht, The Netherlands. 2003.
 19. Brun D., Avrutin S., Babyonyshev, M. Aspect and its temporal interpretation during the optional infinitive stage in Russian. In Greenhill A., Littlefield H., Tano C. (Eds), *Proceedings of BUCLD 23*(1). Sommerville, MA: Cascadilla Press, 1999, pp. 120–131.
 20. Dressler W.U., Karpf A. The theoretical relevance of pre- and protomorphology in language acquisition. In *Yearbook of Morphology 1994*. 1995, pp. 99–124.
 21. Gagarina N. Thoughts on optional infinitives (in Russian). In Hole D., Law P., Zhang N. (Eds.), *Linguistics by heart*. Webfest for Horst-Dieter Gasde. Berlin: ZAS. 2002, pp. 1–23.
 22. Gagarina N. The early verb development and demarcation of stages in three Russian-speaking children. In D. Bittner, W.U. Dressler, and M. Kilani-Schoch (eds.), *Development of Verb Inflection in First Language Acquisition. A Cross-Linguistic Perspective*, Berlin: de Gruyter. 2003, pp. 131–169.

23. Gagarina N., Voeikova M.D., Gruzincev S. New version of morphological coding for speech production of Russian children (in the framework of CHILDES). In Peter Kosta, Joanna Blaszczak, Jens Frasek & Ljudmila Geist (eds.), *Investigations into formal Slavic linguistics*. Frankfurt a.M.: Peter Lang. 2003, pp. 243–258.
24. Gagarina N., Guelzow I. (eds.). *The acquisition of verbs and their grammar. The effect of particular languages*. (Studies in Theoretical Psycholinguistics). Springer. 2006.
25. Gagarina N. What happens when adults often use infinitives? In Guelzow, I. and N. Gagarina (eds.) *Frequency effects in language acquisition*. Berlin: de Gruyter. 2007, pp. 205–236.
26. van Gelderen V., van der Meulen I. *Root infinitives in Russian: Evidence from acquisition*. Term paper, Leiden University. 1998.
27. Haspelmath M. From purposive to infinitive — a universal path of grammaticization. In *Folia Linguistica Historica* 10.1–2, 1989, pp. 287–310.
28. Hoekstra T., Hyams N. Aspects of root infinitives. *Lingua*, 106. 1998, pp. 81–112.
29. Ivanova K.A., Voeikova M.D. Imperativy nesovershennogo vida na rannikh etapakh usvoeniia det'mi russkogo iazyka [Imperfective imperatives in the acquisition of Russian by young children]. *Scando-Slavica*, 60, 2, 2014, pp. 212–230.
30. Kallestinova E. Three stages of root infinitive production in early child Russian. *First Language* 27(2). 2007, pp. 99–131.
31. Kazakovskaya V.V. Epistemic modality in Russian child language. In Stephany U., Aksu-Koç A., Voeikova M.D. (eds.). *Development of Modality in First Language Acquisition: a Cross-Linguistic Perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. Forthcoming.
32. Kiebzak-Mandera D. Formation of the verb system in Russian children. *Psychology of Language and Communication*, 4. 2000, pp. 27–46.
33. Kiebzak-Mandera D., Smoczyńska M., Protassova E. Acquisition of Russian verb morphology: the early stages. In W.U. Dressler (ed.), *Studies in pre- and protomorphology*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 1997, pp. 101–114.
34. Kilani-Schoch M. Early verb development in two French-speaking children. In *First verbs: on the way to mini-paradigms*, eds. Bittner D., Dressler W.U., Kilani-Schoch M., ZAS Papers in Linguistics, vol. 18. 2000, pp. 79–98.
35. MacWhinney B. *The CHILDES Project: Tools for analyzing talk*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2000.
36. Rizzi L. Some notes on linguistic theory and language development: The case of root infinitives. *Language Acquisition* 3. 1994, pp. 371–393.
37. Stepanov A. Intentional root infinitives in early child Russian. *Journal of Slavic Linguistics*, 9(2). 2001, pp. 253–285.
38. Stephany U. Modality. In: P. Fletcher and D. Garman (eds.), *Language acquisition*. Cambridge: Cambridge University Press. 1986, pp. 375–400.

39. Stephany U., Voeikova M.D. Requests, a Fundamental Communicative Motive: their Meanings and Forms in Early Greek and Russian Child Language. *Abstracts of the 15th International Morphology Meeting*. Vienna University of Economics and Business, February 9–12 (Thursday–Sunday), Vienna. 2012, p. 110.
40. Stephany U., Voeikova M.D. Requests, their meanings and aspectual forms in early Greek and Russian child language. *Journal of Greek Linguistics* 15(1). 2015, pp. 66–90.
41. Stoll S. *Acquisition of Russian Aspect*. Ph.D Dissertation. University of California, Berkeley. 2001.
42. Tomasello M. *First Verbs: A Case Study of Early Grammatical Development*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1992.
43. Voeikova M.D., Bayda K.A. Directives in Russian adult-child communication. In Stephany U., Aksu-Koç A., Voeikova M.D. (eds.) *Development of Modality in First Language Acquisition: a Cross-Linguistic Perspective*. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter. Forthcoming.
44. Wexler K. Optional infinitives, head movement and the economy of derivations. In D. Lightfoot & N. Hornstein (Eds), *Verb movement*. Cambridge: Cambridge University Press. 1994, pp. 305–350.

Е.Г. Сосновцева

СЕМАНТИКА ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ XVI–XVII вв.

*Институт лингвистических исследований РАН
199004 Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9*

В статье рассматривается употребление форм прошедшего в оригинальных церковнославянских текстах XVI–XVII вв. При этом примеры приведены из одного памятника — «Жития Паисия Галичского», созданного, как считают исследователи, в конце XVII века. Житие написано с установкой на соблюдение норм книжного языка, однако содержит и ряд черт гибридного регистра. В этом отношении оно является характерным памятником для своего времени и жанра. В статье рассмотрены особенности употребления архаичных форм прошедшего времени, образованных от глагольных основ совершенного и несовершенного вида. При анализе темпоральной семантики, в соответствии с традициями Петербургской школы функциональной грамматики, учитывается видовая характеристика глагольной основы и привлекается широкий контекст. Отдельный раздел работы посвящен рассмотрению форм простых претеритов (аориста и имперфекта), а также их основным текстовым функциям. В следующей части речь идет об употреблении сложных прошедших времен, рассматриваются типичные контексты, а также случаи использования в этих контекстах простых претеритов (в основном, аориста). Преимущественное образование форм аориста от основ совершенного вида и форм имперфекта от основ несовершенного вида позволяет описывать их как реализацию системы частных видо-временных значений. В статье показано, что изменения сложной системы прошедших времен в памятниках русской агиографии связаны прежде всего с использованием форм аориста в перфектных контекстах; *л*-формы в независимом употреблении либо случайны, либо характеризуются осложненной семантикой; основным повествовательным временем в поздних житиях остается аорист.

Ключевые слова: вид; время; грамматическая семантика; жития святых; сложная система прошедших времен; церковнославянский язык.

I. Вступительные замечания

Создание житий местночтимых святых на протяжении XVI–XVIII вв., как правило, было связано с установлением их церковного

Сосновцева Елизавета Григорьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (e-mail: e.sosnovtseva@gmail.com).

почитания: в некоторых случаях тексты составлялись по образцу уже известных памятников, часто с заимствованием целых фрагментов, в других — за основу принимались сложившиеся устные предания или записи о жизненном пути святого. Таким образом, рассматриваемые тексты содержат как заимствованные из более ранних источников, так и оригинальные фрагменты. При этом многие памятники поздней агиографии, созданные в Ярославле, Костроме, Твери, Угличе, Вологде и других регионах, в целом характеризуются единством лингвистических установок составителей и языкового облика. Книжники этого периода при написании житийных текстов ориентируются на образцы, выполненные на церковнославянском языке, в соответствии со строгой книжной нормой. Грамматическая вариативность в таких памятниках возникает за счет уровня лингвистической компетенции составителя жития или писца, а также особенностей предшествующих текстов¹.

Отличительной чертой принадлежности таких текстов к группе церковнославянских памятников является регулярное использование сложной системы прошедших времен. Однако система эта не могла оставаться неизменной, и архаичные формы в текстах позднего Средневековья и раннего Нового времени обретали с течением времени новые семантические характеристики. Ниже будут рассмотрены особенности употребления архаичных форм прошедшего времени, образованных от глагольных основ совершенного и несовершенного вида (СВ и НСВ).

Исследование опирается на систему анализа темпоральной семантики, разработанную в трудах А.В. Бондарко (см., например: [Бондарко, 2005]). При таком подходе учитывается не только временная отнесенность формы, но и видовая характеристика основы. Терминология, используемая для описания темпоральной семантики, соотносится с обозначением форм прошедших времен в древнерусском языке: применительно к фактам современного русского языка принято говорить об аористном (аористическом), имперфектном, перфектном, давнопрошедшем значениях [Петрухина, 2009: 138].

Материалом для исследования послужили региональные агиографические тексты, созданные в Угличе, Муроме, Вологде, Пошехонье в XVI—XVII вв., однако в этой статье все примеры приводятся из одного памятника: «Жития Паисия Галичского», составленного в конце XVII в. С точки зрения композиции текст типичен для XVII в.: он представляет собой собрание монастырских сказаний и преданий об обретении чудотворной Овиновской иконы Божией Матери, о

¹ Об особенностях гибридного регистра письменного языка и роли механизма реинтерпретации см. [Живов, 1995].

чудесах от образа, о преставлении преподобного Паисия, о чудесах, совершенных им при жизни и после преставления [Авдеев, 2009: 8–10, 75–81]. Лингвистические характеристики также типичны для произведений этого жанра: при общей установке на соблюдение норм книжного церковнославянского языка текст содержит включения элементов гибридного регистра. В сфере именной морфологии это непоследовательное проявление *а*-экспансии в формах множественного числа, факультативное употребление форм множественного числа в контексте двойственного (*Се родителие супружницы твояе посланиа к тебе с нами сию* (с. 306)²). Случаи некнижного употребления глагольных форм будут рассмотрены специально. Во втором разделе статьи речь пойдет о типичных контекстах употребления простых претеритов и реализации частных видо-временных значений при использовании архаичных морфологических форм. Третья часть посвящена функционированию в поздних агиографических текстах сложных прошедших времен, а также случаям употребления простых претеритов в перфектных контекстах.

II. Аорист и имперфект

Преимущественное образование форм аориста от основ совершенного вида и форм имперфекта от основ несовершенного вида отмечается уже в памятниках древнерусского периода [Никифоров, 1952; Галинская, 2016]. Эта тенденция предшествует выдвижению *л*-формы в независимом употреблении на позицию основной формы прошедшего времени в летописном нарративе [Петрухин, 1996]. Подобная закономерность в употреблении простых претеритов прослеживается и в житиях, однако в текстах, ориентированных на книжную норму, последний этап отсутствует: *л*-формы остаются случайным явлением и в большинстве случаев демонстрируют колебания по спискам, а основным повествовательным временем становится аорист. Отличительной чертой форм аориста в поздних церковнославянских текстах является значительное расширение допустимых контекстов для их употребления.

- (1) И **принесе** (СВ) образ той к Москве и **постави** (СВ) его в соборней церкви и заключив двери, **утверди** (СВ) замками и печатями, и стражей **пристави** (СВ), да будет хранима якоже пленница (с. 311).

Пример (1) иллюстрирует традиционную ситуацию употребления форм аориста: в нем представлена последовательность однократных,

² Здесь и далее текст «Жития Паисия Галичского» цитируется по изд. [Авдеев, 2009: 305–358]. В круглых скобках после примера указывается страница по изданию.

сменяющих друг друга событий в прошлом, формы образованы от приставочных основ совершенного вида.

Формы имперфекта в контексте (2), напротив, обозначают состояние субъекта и образованы от основ несовершенного вида, в отличие от формы *сподобися* (аорист, СВ), противопоставленной им и обозначающей достижение результата.

- (2) Аще бо плотию и на земли **живяше** (НСВ), но духом **гоняше** (НСВ) небесная и небеснаго Иерусалима житель согражданин ангельским ликом быти **сподобися** (СВ) (с. 305).

Точно так же в примере (3) темпоральная ситуация выстраивается за счет противопоставления форм прошедшего времени, образованных от основ совершенного и несовершенного вида:

- (3) ... вышепомянутый же Иоанн, мню яко от Бога извещен о хотящем последовати чудеси, внезапно востав, **изыде** (СВ) из дому своего един и **идяше** (НСВ) к монастырю тому, идеже **хотяше** (НСВ) церковь воздвигнути (с. 306).

Две первые личные формы глаголов обозначают последовательность действий, то есть обе передают аористическую семантику, однако употребление имперфекта от основы НСВ делает акцент на протекании действия. Третья личная форма обозначает действие, одновременное двум первым формам, и выступает в значении «прошедшего постоянного» [Бондарко, 2005: 285]³.

В примере (4) чередование форм имперфекта (*возсылаху* и *лобызаху*, НСВ) и аориста (*прияша*, СВ) передает противопоставление итеративного и однократного, конкретного действия в прошлом:

- (4) Приблизившим же ся им, падше пред образом Божия Матере, многое благодарение **возсылаху** (НСВ) и любезно **лобызаху** (НСВ) пречюдный Божия Матере образ. Также и к преподобному Паисию преступльше **прияша** (СВ) благословение ... (с. 321).

Таким образом, значимым оказывается именно противопоставление глагольных основ совершенного и несовершенного вида, а не архаичных форм прошедшего времени. Показатели аориста и имперфекта оказываются избыточными, как это происходит, например, при образовании форм имперфекта от имперфективных основ:

- (5) Двема же архимандритома, пришедшими с преподобным Паисием, особую келию уготовиша и на койждо день **довольствоваше** (НСВ) их, еже бо чин монастырский (с. 322).

³ Впрочем, М.А. Шелякин интерпретирует ситуацию, подобную реализуемой формами *изыде* и *идяше*, как соотносительное употребление формы в процессном значении (от основы НСВ) и результата, выраженного формой в перфектном значении СВ (ср.: *Поезд тронулся, а в вагон все прыгали казаки (Шолохов)*) [Шелякин, 2001: 106].

Форма *довольствоваше* представляет собой редкий пример аграмматизма (3 Sg вместо 3 Pl), хотя в целом для «Жития Паисия Галичского» (как и для многих подобных текстов) характерно грамматически корректное употребление простых претеритов.

III. Перфект, плюсквамперфект и аорист

Картина употребления форм перфекта типична для житий этого периода. Формы встречаются редко, и, как правило, в диалогическом контексте и в относительном употреблении. Молитвенное обращение является привычным контекстом форм перфекта, обозначающих результативное предшествование моменту речи. В данном случае можно говорить о реализации грамматической формы в рамках определенного агиографического топоса:

- (6) Благодарю Тебе, о Пренепорочная Дево, Небеснаго Царя и Владыки всяческих Мати, яко **не оставила еси** нас окаянных веки, но благоволением Сына Твоего и Бога нашего **благоизволила** образ Твой сей честный вскоре в обитель Свою возвратити и нашему зрению насыщаться сим **даровала еси** (с. 312).

Также в прямой речи может встречаться относительное употребление форм перфекта, обозначающих предшествование моменту речи в зависимой клаузе. Однако в «Житии Паисия Галичского» в этой функции выступает, как правило, аорист:

- (7) ...нося ко мне многоценный бисер, егоже аз очима своима видети **сподобихся** (с. 320).

Другим распространенным контекстом, предполагающим употребление формы прошедшего времени в перфектном значении, является обозначение предшествования действия в прошлом в повествовательном режиме. В современном русском языке в этой ситуации употребляется форма прошедшего времени от основы совершенного вида. Для церковнославянского памятника в подобных контекстах можно было бы ожидать появления формы плюсквамперфекта, однако гораздо чаще встречается аорист от основы совершенного вида в значении давнопрошедшего:

- (8) Летом убо неким по принесении того образа минувшим, попусцием Божиим загореся она церковь, юже **созда** (СВ) вышепомяненный боярин Иоанн Овин во имя Пресвятыя Своя Богоматере (с. 309);
- (9) Тогда же взя и чудотворную икону Пречистыя Богородицы, зовомую Овиновскую, со златою утварию о ейже выше слово предложихом, юже два ангела **принесоша** (СВ) к боярину Иоанну званием Овину (с. 311).

Другим вариантом является использование *л*-формы без связки в относительном употреблении, при этом точно определить характер опущенной связки невозможно — различие между формой перфекта и плюсквамперфекта оказывается несущественным. В исследуемом памятнике такое употребление зафиксировано только в диалогическом контексте:

- (10) Се родителие супружницы твоя **послаша** к тебе с нами сию икону Пречистыя Богоматере и **заповедаша** тебе воздвигнути церковь во имя Божия Матере, честнаго и славнаго Ея Успения, на оном месте, идеже **был** храм угодника Христова, великого и пресловущаго в чудесех святителя Николая Мирликийскаго (с. 306).

Формы аориста *послаша* и *заповедаша* от основ совершенного вида реализуют перфектное результативное значение; форма *был* обозначает предшествование действию в прошлом.

В «Житии Паисия Галичского» обнаружены редчайшие для региональных агиографических памятников случаи закономерного употребления в рассматриваемых контекстах форм книжного (со вспомогательным глаголом в имперфекте) плюсквамперфекта:

- (11) Воззрев убо панамарь на место, идеже чудотворный образ **стоял быше** первее, по взятии же его из обители великим князем оно место праздно быше: и виде на том месте чудотворный образ пречистыя Богоматере, егоже **отчаял** уже **быше** видети (с. 312);
- (12) ... и тако все со мною радостию внидоша во обитель и пречюдный Божия Матере образ внесоша в церковь и поставиша на месте, идеже **стоял быше** первее (с. 321).

Таким образом, в памятнике представлены все элементы системы архаичных прошедших времен.

Картина функционирования в «Житии Паисия Галичского» форм прошедшего времени будет неполной без рассмотрения единичных, но показательных случаев использования *л*-форм. В примере (13) наблюдается употребление в аористическом значении двух форм прошедшего времени, при этом первая образована от основы несовершенного вида и в этом контексте приобретает дополнительные выразительные свойства [Бондарко, 2005: 288; Петрухина, 2009: 145]⁴.

- (13) И того же лета преосвященный Фотий митрополит Московский **ходил** (НСВ) в Галичь ко князю Георгию Дмитриевичу и **благословил** (СВ) землю Галическую (с. 310).

⁴ В примере (3) аналогичная ситуация реализована при помощи употребления в одном ряду форм аориста и имперфекта.

Форма *не бывал* (пример (14)) находится в контексте плюсквам-перфекта: она обозначает состояние, предшествующее действию в прошлом:

(14) Князь же Григорий Дмитриевич зело возрадовася о прише-ствии преосвященного Фотия митрополита, понеже прежде его никакъв святитель в Галиче **не бывал** (НСВ) (с. 311).

Отметим, что семантика формы *не бывал* осложнена такими дополнительными оттенками, как итеративность в сочетании с отрицанием и отмененное состояние в прошлом⁵. Несмотря на то что при составлении житий агиографы по возможности избегали не книжных глагольных форм, использование *л*-форм в высказываниях типа (14) кажется связанным именно с необходимостью передать сложные семантические характеристики действия.

IV. Вместо заключения

1. В поздних агиографических текстах происходит распределение основной массы форм прошедшего времени между аористом от основ СВ и имперфектом от основ НСВ, при этом в большинстве случаев речь идет об аористической семантике для форм аориста и семантике повторяющегося и узувального действия для имперфекта. Существуют агиографические топосы, за которыми закреплено преимущественное употребление тех или иных форм. Семантические характеристики этих глаголов обусловлены взаимодействием видо-временных показателей и контекста, а не спецификой архаичных форм.

2. Основной формой прошедшего времени становится аорист. Замены его на *л*-формы в независимом употреблении в агиографической традиции так и не происходит. Эти формы в рассматриваемых текстах единичны, если это не относительное употребление в контексте плюсквамперфекта.

3. Аорист от основы СВ последовательно принимает на себя функции перфекта, прежде всего в контексте предшествования действию в прошлом или моменту речи в диалогическом режиме. Вместе с тем «Житие Паисия Галичского» является памятником, в котором представлены все формы книжной системы прошедших времен, в том числе и плюсквамперфект. Таким образом, изменения в системе прошедших времен в церковнославянских оригинальных памятниках происходят не столько за счет исчезновения отдельных

⁵ Ср.: М.Н. Шевелева выделяет значение отмененной ситуации для форм книжного плюсквамперфекта от основы несовершенного вида в летописании XV–XVI вв.: *Помилова Богъ и Пречистыя Мати Его от образа исцеления дарова жене разслабленой, еже бе не владела рукама и ногама, абие быть здрава* (Никоновская летопись, 1536, 110, пример М.Н. Шевелевой) [Шевелева, 2009: 11].

архаичных форм прошедшего времени, сколько в результате утраты семантических противопоставлений между этими формами. Именно об этом и свидетельствует универсальность использования форм аориста в текстах русских житий XVI–XVII вв.

Список литературы

1. *Авдеев А.Г.* Житие преподобного Паисия Галичского: Исследования и тексты. М., 2009.
2. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
3. *Галинская Е.А.* Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. 2-е изд., испр. М., 2016.
4. *Живов В.М.* Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки // *Russian Linguistics*. 1995. Vol. 19 (1). P. 45–75.
5. *Никифоров С.Д.* Глагол: Его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.
6. *Петрухин П.В.* Нарративная стратегия и употребление глагольных времен в русской летописи XVII века // *Вопросы языкознания*. 1996. № 4. С. 62–84.
7. *Петрухин П.В., Сичинава Д.В.* «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // *Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова* / Отв. ред. А.М. Молдован. М., 2006. С. 193–214.
8. *Петрухина Е.В.* Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М., 2009.
9. *Сичинава Д.В.* Типология плюсквамперфекта: Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
10. *Шевелева М.Н.* Плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // *Русский язык в научном освещении*. 2009. № 1 (17). С. 5–43.
11. *Шелякин М.А.* Функциональная грамматика русского языка. М., 2001.

Elizaveta Sosnovtseva

SEMANTICS OF PAST VERB FORMS IN RUSSIAN HAGIOGRAPHY OF THE 16TH AND 17TH CENTURY

*Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
199053, Saint Petersburg, Tuchkov Pereulok, 9*

The article discusses the use of past verb forms in authentic Church Slavonic texts of the 16th and 17th century. The data is mainly taken from *The Life of Paisios of Galich*, which apparently dates back to the late 17th century. This text was basically

written in standard literary language, however it yet has some features of hybrid register. This makes it a monument of its time, and a typical sample of genre. The article studies the specific use of archaic past verb forms which are formed from perfective and imperfective verb stems. The study has been conducted within the framework of the St. Petersburg School of Functional Grammar. The wide context has been used for the analysis of temporal semantics and aspectual characteristics of the verbs. The article studies the functioning of aorist and imperfect forms in the texts, the use of complex past tenses, and the use of simple preterites (basically aorist) which act instead of complex forms. It is argued that aorist forms are mainly formed from stems of perfective, and imperfect forms are made from the stems of imperfective, it can be described as a system of realization of particular tense-aspect forms. The article shows that the change of the complex system of past tenses in the texts of Russian hagiography is mainly related to the use of aorist in perfect contexts. The so-called *л*-forms used independently are either accidental, or have more expanded semantics. The basic narrative tense in late texts of lives of saints is considered to be aorist.

Key words: aspect; tense; grammatical semantics; genre of lives of saints; complex system of past tenses; Church Slavonic language.

About the author: *Elizaveta Sosnovtseva* — PhD in Philology, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: e.sosnovtseva@gmail.com).

References

1. Avdeev A.G. *Zhitie prepodobnogo Paisiya Galichskogo: Issledovaniya i testy* [Life of Saint Paisiy of Galich]. Moscow, PSTGU Publ., 2009. (In Russ.)
2. Bondarko A.V. *Teoriya morfologicheskix kategorij i aspektologicheskie issledovaniya* [Theory of morphological categories and the aspectological studies]. Moscow, Yazyki slavyanskix kul'tur Publ., 2005. (In Russ.)
3. Galinskaya E.A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Fonetika. Morfologiya* [Historical grammar of the Russian language: Phonetics. Morphology]. Moscow, LENAND Publ., 2016. (In Russ.)
4. Zhivov V.M. Usus scribendi. Prostye preterity u letopisca-samouchki [Usus scribendi. Simple preterite in the works of a self-taught chronicler]. *Russian Linguistics*. 1995. Vol. 19 (1). Pp. 45–75. (In Russ.)
5. Nikiforov S.D. *Glagol: Ego kategorii i formy v russkoj pis'mennosti vtoroj poloviny XVI veka* [The verb: Its categories and forms in written Russian of the second half of the 16th century]. Moscow, AN SSSR Publ., 1952. (In Russ.)
6. Petruxin P.V. Narrativnaya strategiya i upotreblenie glagol'nyx vremen v russkoj letopisi XVII veka [Narrative strategy and the use of verbal tenses in Russian chronicles of the 17th century]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 1996. № 4, pp. 62–84. (In Russ.)
7. Petruxin P.V., Sichinava D.V. "Russkij pluskvamperfekt" v tipologicheskoy perspektive ["Russian plusquamperfekt" in typological per-

- spective]. *Verenica liter. K 60-letiyu V.M. Zhivova*. [Succession of letters: to the 60th anniversary of V.M. Zhivov] Ed. by A.M. Moldovan. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2006, pp. 193–214. (In Russ.)
8. Petrukhina E.V. *Russkij glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennyx lingvisticheskix issledovanij)* [Russian verb: the categories of aspect and tense (in the perspective of modern linguistic studies)]. Moscow, MAKS Press, 2009. (In Russ.)
 9. Sichinava D.V. *Tipologiya pluskvamperfekta: Slavyanskij pluskvamperfekt* [The typology of plusquamperfekt. Slavic plusquamperfekt]. Moscow, ART-PRESS KNIGA, 2013. (In Russ.)
 10. Sheveleva M.N. Pluskvamperfekt v pamyatnikax XV–XVI vv. [Russian plusquamperfekt in the literary works of the 15th–16th centuries]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian language and linguistic theory]. 2009. № 1 (17), pp. 5–43. (In Russ.)
 11. Shelyakin M.A. *Funkcional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional grammar of Russian]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 2001. (In Russ.)

СЛОВО И ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ: «СЛУЧАЙ» ВИРДЖИНИИ ВУЛФ

П. Фолкнер

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Университет Эксетера, улица принца Уэльского
Экстер, Девон, Великобритания, EX4 4SB*

Автор предисловия указывает на важность исследования взаимодействия словесного и визуального как в текстах В. Вулф, так и в разнообразных версиях ее произведений в других медийных средах (кино, телевизионные адаптации и др.).

Ключевые слова: модернизм; слово; изображение; группа «Блумсбери»; В. Вулф; кинематограф; киноадаптация.

В эссе «М-р Беннет и миссис Браун» (1924) Вирджиния Вулф написала: «примерно в декабре 1910 г. в человеке что-то изменилось» ([Вулф, 2012:437]). Именно поэтому английские модернисты, к которым принадлежала и Вулф, были убеждены, что *все* искусства должны измениться, чтобы передать эту трансформацию. Разнообразная направленность творческих поисков в группе «Блумсбери» ясно свидетельствует об этом. В группу входили Вулф, ее коллега, романист Э.М. Форстер, ее муж, политический теоретик Леонард Вулф, ее сестра, художница Ванесса Белл, муж сестры, художественный критик Клайв Белл, критик и эссеист Роджер Фрай, художники и дизайнеры Дункан Грант и Дора Кэррингтон, литературный и театральный критик Десмонд Маккарти, биограф Литтон Стрэчи, экономист Дж.М. Кейнс, его жена, балерина Лидия Лопокова. Принадлежавший Беллам загородный дом «Чарлстон» хорошо известен своим подчеркнуто декоративным решением интерьеров.

Состав «Блумсбери» разнообразен, но в группу не входили поэты и музыканты (лишь отчасти Лопокова). При этом не может быть сомнения в интересе Вулф и к поэзии, и к музыке, наравне с визуальными искусствами. В 1932 г. она опубликовала «Письмо к молодому поэту», где изложила свои взгляды на современную поэзию, адресовав письмо Джону Леманну, редактору журнала “New Writing”, но мне не известно о подобном эссе, посвященном музыке. Тем не менее невозможно читать ее прозу и не чувствовать музыкальности, как например в начале «Миссис Дэллоуэй», когда Кларисса понимает, «что она так любит: жизнь, Лондон; вот эту секунду июня» ([Вулф, 1989: 26]). Следующий эпизод романа подчеркнуто динами-

чен, демонстрирует переживание настоящего в его многообразных формах: «скромно-царственные вдовичи мчат на своих лимузинах по каким-то таинственным делам; а торговцы возятся в витринах, раскладывают поделки и бриллианты, прелестные зеленоватые броши в старинной оправе на соблазн американцам» ([Вулф, 1989: 26]). Пассаж остроумно завершается соположением двух описаний: уток в парке («медленные, довольные утки») и старого друга Клариссы Хью Уитбреда («дивный Хью!»), который «шестьует... держа под мышкой папку с королевским гербом» ([Вулф, 1989: 27]).

Вулфианское понимание перспектив кинематографа рассмотрено, например, Майклом Вудом в статье, опубликованной в журнале “London Review of Books” за 25 февраля 2010 г. При этом есть некоторая ирония в том обстоятельстве, что все три статьи предлагаемого здесь блока «Слово и визуальный образ: “случай” Вирджинии Вулф» касаются вопроса взаимоотношений ее творчества с кино. Кинематограф, как кажется, — наименее подходящий медийный инструмент для передачи внутреннего опыта персонажей Вулф. Но по ее произведениям снимались фильмы, включая «Орландо» [Orlando, 1992] С. Поттер и «Миссис Дэллоуэй» [Mrs. Dalloway, 1997] М. Горрис. Вулф безусловно заинтересовалась бы новыми медиа, радио и телевидением; напомним, что существуют телевизионные версии романа «На маяк» [To the Lighthouse, 1983] и ее феминистского эссе «Своя комната» [A Room of One's Own, 1991]. Творчество Вулф, безусловно, вышло за пределы собственно литературного ландшафта.

Перевод П.Ю. Рыбиной

Список литературы

1. Вулф В. М-р Беннет и миссис Браун / Пер. Н. Рейнгольд // Вулф В. Обыкновенный читатель. М., 2012.
2. Вулф В. Миссис Дэллоуэй / Пер. Е. Суриц // Вулф В. Избранное. М., 1989.

Peter Faulkner

INTRODUCTION

*The University of Exeter, Prince of Wales Road
Exeter, Devon UK EX4 4SB*

In her essay ‘Mr. Bennett and Mrs. Brown’ in 1924, Virginia Woolf wrote: “about December 1910 human character changed”. In relation to this, the English

Modernists, of whom Woolf was one, were agreed that *all the arts* had to change in order to register this transformation. We cannot read her prose without becoming aware of its musical qualities, as in the early passages in *Mrs. Dalloway* that convey Clarissa's awareness of "what she loved: life; London; this moment of June". Woolf's view of the cinema was discussed appreciatively by Michael Wood in the *London Review of Books* for 25 February 2010 (Vol. 32, No.4); her works have certainly extended well beyond the literary field.

Key words: the English Modernists; the inner experiences of characters; the visual arts; modern poetry; Woolf's prose; its musical qualities; the cinema; the new media.

Н.И. Рейнгольд

СЛОВО, ЗНАК И ДВИЖЕНИЕ В ПРОЗЕ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6*

Автор статьи исходит из предположения о том, что особенное значение в прозе Вулф имеют те слова или фразы, в которых совмещаются изображение и движение. Автор полагает, что именно в них обнаруживается изобретательность писательницы, открытие ею новых возможностей литературы. Развивая это предположение, автор приводит многие факты, свидетельствующие как об интересе Вулф к соотношению слова (в широком значении) с другими видами искусства, так и о более общем увлечении модернистов (Э. Паунда, Т.С. Элиота) медийными возможностями слова. Отметив два самых репрезентативных эссе Вулф на эту тему — “Craftsmanship” (1937) и “Cinema” (1926), автор статьи останавливается на наблюдениях Вулф над изображением времени и пространства средствами кино и посредством слова, подчеркивая, что кино интересно для Вулф как раз способностью выразить течение времени и потаенную реальность. Уникальность кино, по мысли Вулф, связана с визуальными возможностями выражения подсознательного в человеке. Слово же Вулф увязывает скорее с мыслью, чувствами, идеями свободы, правды, равенства, отмечая бесконечную подвижность и изменчивость слова, которое, как она подчеркивает, живет «в душе» (in our mind).

Предположение о том, что именно в пограничных образах, связанных с репрезентацией времени и пространства, движения и изменчивости, сосредоточены художественные искания Вулф, автор статьи развивает на многих примерах, взятых из эссе Вулф и в особенности из ее романа «Волны» (1931).

В заключение статьи автор задается вопросом о том, насколько протестичный язык Вулф учитывается в современном медийном пространстве. Напомнив читателю о некоторых успешных экранизациях романов Вулф, автор тем не менее выражает сомнение в удачном воспроизведении синкретичного слова Вулф, совмещающего знак и движение.

Рейнгольд Наталья Игоревна — доктор филологических наук, международная докторская степень по английской литературе (PhD in English), профессор, заслуженный профессор РГУ, зав. кафедрой теории и практики перевода Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: natalya.reinhold@gmail.com).

¹ Выражаю признательность Наталье Румянцевой.

Ключевые слова: слово; изображение; движение; синкретизм; про-теистичность; смысловой конденсат; экспериментальный кинематограф 1920-х годов; экранизация; «неписанное пространство» читателя; современное медийное пространство.

Читая Вулф, трудно не заметить слова, фразы, эпизоды, совмещающие изображение и движение. Мы предполагаем, что именно в них сосредоточен нерв эстетических поисков Вулф. Насколько улавливает эти смысловые центры современное медийное пространство?

Вулф всегда интересовало соотношение слова (в широком значении) с другими видами искусства.

В модернистском тексте слово синкретично, тяготеет к единству слова и звука, слова и цвета. Поэты-модернисты прибегают к слуховым, музыкальным образам: например, Паунд, исполняя в 1939 г. свой ранний перевод древнеанглийской элегии “The Seafarer” (Мореход), использовал барабаны; в ритме “The Waste Land” (Бесплодной земли) Элиота различимы джазовые синкопы. Вулф создает точно рассчитанный обобщенный зрительно-музыкальный образ: в романе “Jacob’s Room” (1922; в русском переводе «Комната Джейкоба») стремительный темп повествования призван выразить мироощущение молодого поколения времен первой мировой войны. В романе “To the Lighthouse” (1927; в переводе на русский язык «На маяк») эксплицирована эстетическая проблематика: художница Лили Бриско решает вопрос о том, как на холсте передать движение во времени и пространстве, и параллельно этой линии во второй части романа **в слове** изображено движение во времени и пространстве: проходит время, герои изменяются, взрослеют, стареют, умирают; стареет и ветшает дом и т.д. Во всех этих случаях намерение художника очевидно: воздействовать на чувства читателя. Недаром Э.М. Форстер отметил, что «Маяк» — это роман в форме сонаты, а Квентин Белл назвал «Маяк» «кубистическим письмом» [Bell, 1971: 98].

Вулф стремится преодолеть границы, отделяющие слово от живописи, слово от подвижного кадра в кино, слово от музыки. Модернистский язык — весь в этом (потенциальном) синкретизме.

Слово в модернистском тексте — смысловой конденсат; стремится к семантической насыщенности при минимализме художественных средств [Гаспаров, 2000: 193].

Слово и изображение всегда присутствовали в рассуждениях Вулф как некий спор писателя и художника, как дилемма, провоцирующая писателя на поиск, эксперимент, расширение творческих возможностей. Не забудем: ее сестра Ванесса была художником, в ее графическом оформлении вышли почти все книги Вулф в издательстве «Хогарт-пресс». Важен и диалог Вулф с Роджером Фраем о слове и знаке, слове и изображении, который она вела, начиная с 1906 г.: достаточно сказать, что “The Common Reader” (1925, 1932; в пере-

воде на русский язык «Обыкновенный читатель») был задуман Вулф как ответ на публикацию в 1920 г. книги Фрая “*Vision and Design*” [Briggs, 2005: 116]. В 1930-е годы в преддверии войны Вулф отчаянно отстаивала слово. В эссе “*The Three Guineas*” (1938; в русском переводе «Три гиней») она пишет о том, что любая фотография из Мадрида действует сегодня на человека сильнее, чем самое продуманное и выстраданное слово. А в “*A Sketch of the Past*” (1939; в русском переводе «Зарисовка прошлого») продолжает спорить с Марком Гертлером о том, что полноценнее — слово или изображение [Woolf, 1976: 85].

В конце жизни Вулф часто воображала себя художником в духе «будь я живописцем». Вот как она описывает свои первые впечатления в загородном доме в Сент-Айвз в Корнуолле: “If I were a painter I should paint these first impressions in pale yellow, silver, and green ... I should make a picture that was globular; semi-transparent. I should make a picture of curved petals; of shells; of things that were semi-transparent; I should make curved shapes, showing the light through, but not giving a clear outline ... Sound and sight seem to make equal parts of these first impressions ...” [Woolf, 1976: 66]. “If I were painting myself I should have to find some — rod, shall I say — something that would stand for the conception. ... All artists I suppose feel something like this” [Ibid., 73].

В произведениях Вулф писатель и художник-живописец нередко выступают соперниками... А вообще спор о возможностях и границах слова и изображения вели многие писатели прошлого века. Например, Лоуренс [Lawrence, 1961: 521–523]. Спор был актуален даже для Джона Фаулза в 1990-е годы («даже», поскольку сегодня спорить с «Кодаком», как называл медийные технологии Лоуренс, значит отрицать существующую реальность): «Мне думается, что этот век, одна из самых острых его болячек — преувеличенный акцент на визуальном. Сегодня все молодые люди твердят, что они хотят быть постановщиками, режиссерами на телевидении. Хотят участвовать в поп-группах. Быть кинорежиссерами ...я всерьез думаю, что непривилегированным видом искусства в этом столетии является слово, все те его разновидности, что со словом связаны» [Рейнгольд, 2012: 186].

Но вернемся к Вулф. Что именно она говорит о соотношении слова и изображения? У Вулф есть несколько эссе на тему специфики слова и киноизображения: самые репрезентативные — это “*Craftsmanship*”² и “*Cinema*”³.

² Текст воспроизводит выступление Вулф на BBC 20 апреля 1937 г. в рубрике “*Words Fail Me*”; опубликован в: “*The Listener*”, 5 May 1937; “*The Death of a Moth and Other Essays*” [Woolf, 1966–1967, 2: 245–251]. Часть этого выступления в записи — единственный образец звучащего голоса Вулф.

³ Статья 1926 г., написанная для нью-йоркского журнала “*The Arts*”; опубликована в [Woolf, 1966–1967, 2: 268–272].

Обратимся к ним.

По мнению Вулф, главное в кино (movies) — то, что оно показывает мир без нас, настоящее без нас или прошлое, когда мы были такими-то (молодыми, другими), а теперь прошлое осталось на экране, а нас — тех — уже нет. Лесли Хэнкинс обращает внимание на письмо Вулф к Ванессе Белл [Hankins, 1993: 40–51], где Вулф пишет о “[the painter’s] problem of empty spaces” (проблеме пустых пространств в живописи) [Woolf, 1977, 3: 270–271], под которым, судя по эссе «Кино», она имеет в виду мир вне человека, мир как небытие: “We behold them as they are when we are not there. We see life as it is when we have no part in it” [Woolf, 1966–67, 2: 268–272].

Кино интересно для Вулф возможностями, связанными не со словом, а со способностью выразить “the passage of time and the suggestiveness of reality” (течение времени и суггестивность реальности). Не забудем: то было время немного кино.

Экранизация — это ложный путь, с точки зрения Вулф. Любая экранизация, т.е. иллюстрация литературного произведения, обречена на провал именно потому, что визуализация слова неизбежно приводит к плоскому упрощению [Woolf, 1966–67, 2: 268–272].

Уникальные возможности кино, по мысли Вулф, связаны с обращением к прошлому (the past could be unrolled), со стиранием расстояний (distances annihilated) и, конечно, с визуальными способами выражения подсознательного. Вулф приводит пример из немного фильма “Das Cabinet des Dr. Caligari” (1920). Появляющаяся на стене тень, похожая на гигантскую поганку, выражает страх сильнее, чем любые слова: “For instance, at a performance of Dr. Caligari the other day a shadow shaped like a tadpole suddenly appeared at one corner of the screen. It swelled to an immense size, quivered, bulged, and sank back again into nonentity. For a moment it seemed to embody some monstrous diseased imagination of the lunatic’s brain. For a moment it seemed as if thought could be conveyed by shape more effectively than by words. The monstrous quivering tadpole seemed to be fear itself, and not the statement ‘I am afraid’. In fact, the shadow was accidental and the effect unintentional. But if a shadow at a certain moment can suggest so much more than the actual gestures and words of men and women in a state of fear, it seems plain that the cinema has within its grasp innumerable symbols for emotions that have so far failed to find expression. Terror has besides its ordinary forms the shape of a tadpole; it burgeons, bulges, quivers, disappears” [ibid.]⁴.

В заключение Вулф пишет, что у кино, в отличие от первоначальной стадии развития всех других видов искусства, есть хорошо

⁴ Кадр 24:35. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BuocVLKdSqQ>

разработанные инструменты, но своего предмета, содержания у кино пока нет.

Итак, чем кино интересно Вулф? — Экспрессивными возможностями, которые побуждают писателя экспериментировать со словом: способностью создать картину мира без людей как более аутентичную реальность, нежели та, что пропущена через сознание человека; возможностью выразить течение времени, движение времени; языком визуальных символов, способных передать движение мысли и чувства, таких эмоций, как страх, ужас, потрясение и т.д. (Понятно, почему Вулф исключала экранизацию из списка возможностей: кино было немым, представить, как слово будет работать в кинематографе, было трудно).

А теперь вспомним, что пишет Вулф о слове.

В своем радиовыступлении в 1937 г. в рубрике “Words Fail me” — «Мне не хватает слов»/«Мне мало слов», опубликованном под названием “Craftsmanship”, Вулф увязывает слово с мыслью, свободой, чтением, демократизмом, правдой и, что особенно важно, подчеркивает бесконечную подвижность и изменчивость слов: “Perhaps that is their most striking peculiarity — their need of change. It is because the truth they try to catch is many-sided, and they convey it by being themselves many-sided, flashing this way, then that” [Woolf, 1966—67, 2: 245—251].

Итак, слово и изображение сулят, по мнению Вулф, безграничные возможности, связанные с репрезентацией времени и пространства, движения и изменчивости. Предположительно, именно в таких пограничных образах и обнаруживаются художественные искания Вулф.

Приведем несколько примеров интереса Вулф к пониманию движения как жизни, изменения, обновления, перехода в другое состояние.

Можно вспомнить известное наблюдение Вулф: «примерно в декабре 1910 г. в человеке что-то изменилось» [Вулф, 2012: 437]. Хотя здесь в иронической форме выражено воспоминание об изменениях в период 1890-х и 1900-х годов, важен собственно интерес к тому, как меняются привычки, приоритеты, взаимоотношения, ценности, сознание, наконец.

О подобном же Вулф говорила и в связи с литературой: «меня интересует, как страница Вальтера Скотта превращается в страницу Теккерея». Здесь высказан взгляд на литературу как на текст, который писатели меняют, а также сделан намек на процессы, благодаря которым текст литературы оказывается способным изменяться: например, социальные и материальные условия, взаимоотношения, психология и т.д.

В произведениях Вулф проблематика движения и изображения движения в слове становится предметом рефлексии и художественного эксперимента во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов.

Стало уже хрестоматийным обращение к роману Вулф “*To the Lighthouse*” за примером изображения в слове движения и приемов, сравнимых с приемом монтажа в кино. По мнению Хэнкинс, Вулф искала решение вопроса изображения пространства и динамики в слове, сравнивая с тем, как эти проблемы решаются в живописи. В частности, исследовательница полагает, что Вулф больше интересовало развитие эстетики чувства, чем просто форма, и поэтому писательнице был интересен экспериментальный кинематограф 1920-х годов. В статье “*A Splice*” (Встык) Хэнкинс пишет: “Kinetic representations of sentiment could recharge an aesthetics of emotion, aiding Woolf’s efforts to recapture feeling for art” (Кинетическое изображение чувства могло перезарядить эстетику эмоции, поддержав попытки Вулф передать чувство прекрасного) [Hankins, 1993: 100]. По ее мнению, писательница перенесла операторскую технику в литературное произведение, особенно во второй части “*To the Lighthouse*”, где она “explored verbally the artfully disinterested perspective on home and landscape recorded by time-lapse narration” (исследовала вербальными средствами художественно нейтральную перспективу дома и пейзажа, запечатленную в повествовании о временной паузе) [ibid.: 108]. Хэнкинс предполагает, что использование приема «в скобках» во второй части романа предвосхищает “Russian film theory’s influential analysis of editing as the essential element of cinema” [ibid.: 109].

Но, конечно, романом “*To the Lighthouse*” не ограничиваются поиски Вулф способов выразить в слове движение чувства и мысли. Самым дерзким экспериментом в создании мегадинамики ценностей, взаимоотношений, психологии представляется ее роман “*The Waves*” (1931).

Не вдаваясь в дебри интерпретаций романа, напомним читателю о его композиции.

В «Волнах» девять эпизодов, и каждому предшествует интродукция (некоторые критики называют ее «увертюрой» [Guiguet, 1965: 282]). Интродукции описывают день от восхода солнца до наступления темноты в мире природы. Эпизоды состоят из монологов шести лиц: Бернарда, Джинни, Луиса, Невилла, Роды и Сьюзан, — они начинаются в детстве, а последний, заключительный, монолог Бернард «произносит» уже пожилым человеком на пороге смерти.

Наше предположение о поиске Вулф способов изображения движения в слове связано именно с интродукциями. Трактовать то,

что в интродукциях изображено, и то, как изображенное в интродукциях связано с повествованием, можно по-разному. Ограничимся лишь одним очевидным толкованием: интродукции представляют собой время и место действия, так сказать, в вечности ли, в зеркале равнодушной природы, мгновение жизни — поколения? — в некой бесконечности и т.д. В интродукциях изображены две силы, два мира: море, волны и берег моря, с садом и домом; с раннего утра до наступления темноты; иногда перспектива расширяется, и «в кадр» попадают обширная территория, холмы, поля, города. Главное же — это мир (миры) без человека: некий пейзаж, некое время. Мир в движении. Точка обзора — с высоты птичьего полета. Если рационализировать, то в интродукциях запечатлен образ вершины, высокой точки обзора — один из осевых в прозе Вулф. Настоящий художник, по ее мнению, тот, кто умеет подняться над суетой современности и создать обобщенную и взвешенную картину. Писатель тогда добивается художественной полноты, когда он «с вершины холма» может окинуть взором жизнь, реальность, судьбу и проч.

Важно подчеркнуть, что мир, природа в интродукциях не выражают состояние души, они не есть внутренний пейзаж: скорее, это природа, время в соотношении с усилиями и делами поколений. Примечательны сравнения: они бытовые — рябь на утренней поверхности моря подобна мелким складкам на скатерти (the sea was slightly creased as if a cloth had wrinkles in it); вещественно-зримые, иногда они осложнены эстетическими ассоциациями — рассвет подобен движению женской руки, поднявшей огромную лампу (the sky cleared as if the white sediment there had sunk, or as if the arm of a woman couched behind the horizon had raised a lamp), и т.д.

Движение слова в этом мире происходит посредством его многократного повторения, изменения, расширения значения, посредством сравнения и взаимодействия его с другими словами, другими образами.

Например, слово “bar” (полоса, барьер, препятствие, закон, плита и т.д.), в семантике которого сопряжены и свет, и тьма, и порядок, и непостоянство: **“The grey cloth became barred with thick strokes moving, one after another, behind the surface ... As they neared the shore each bar rose, heaped itself, broke and swept a thin veil... Gradually the dark bar on the horizon became clear... and flat bars of white, green and yellow spread across the sky [Woolf, 1933: 5; зд. и далее выделено мной. — H.P.]⁵; THE SUN ROSE, BARS OF YELLOW AND GREEN fell on the shore**

⁵ Здесь и далее цитируемые страницы приводятся по данному изданию [Woolf, 1933] и указываются в круглых скобках.

[65; заглавные буквы воспроизводят оригинал. — *H.P.*] ...as **the sun... was barred** by some thickly furred green stalk” (134).

Сравнения в описаниях птиц антропоморфны, зримы, тактильны, динамичны: “**The birds**, whose breasts were specked canary and rose, now **sang a strain or two together, wildly, like skaters rollicking arm-in-arm**, and were suddenly silent, breaking asunder... (25); One bird chirped high up; there was a pause; another chirped lower down. The birds sang their blank melody outside. (5–6); ...In the garden the birds that had sung erratically and spasmodically in the dawn on that tree, on that bush, now sang together in chorus, shrill and sharp. They swerved, all in one flight...Fear was in their song, and apprehension of pain, and joy to be snatched quickly at this instant. (65); **the birds** sang in the hot sunshine, each alone. ...Each **sang** stridently, with passion, with vehemence, **as if to let the song burst out of it**, no matter if it shattered the song of another bird with harsh discord... **They sang as if the edge of being were sharpened and must cut, must split the softness of the blue-green light...** (98); Now **they [the birds] paused in their song as if glutted with sound, as if the fullness of midday had gorged them** (149); **Some [birds] raced** in the furrows of the wind and turned and sliced through them **as if they were one body cut into a thousand shreds. Birds fell like a net descending on the tree-tops** (165); **Slowly a great owl launched itself from the elm tree and swung and rose, as if on a line that dipped, to the height of the cedar**” (189).

Сравнения в описаниях волн — слуховые, зооморфные, антропоморфные, материальные: “Meanwhile the concussion of **the waves breaking fell with muffled thuds, like logs falling**, on the shore... (25); **The waves drummed on the shore, like turbaned warriors, like turbaned men with poisoned assegais** who, whirling their arms on high, advance upon the feeding flocks, the white sheep (67); **the waves fell; withdrew and fell again, like the thud of a great beast stamping** (135); But **the waves**, as they neared the shore, were robbed of light, and **fell in one long concussion, like a wall falling, a wall of grey stone**, unpierced by any chink of light” (188).

Заметим: сравнения в интродукциях — не барочные кончетти. Они построены по принципу сопряжения нескольких реальностей с целью «выразить небывалое» состояние души и мира [Spender, 1963: 71].

Интересно, что если перевести слово Вулф в изобразительный ряд, т.е. перенести некий пейзаж, некое время на экран в духе «природы, просыпающейся утром, днем расцветающей, к вечеру затухающей», то мы получим наивный плоский реализм (сегодня есть сотни примеров движений раскрывающегося цветка и т.д.), которого у Вулф нет и в помине (хотя очевидно, что слова, описывающие движения птиц, волн, — плод многолетних ее наблюдений за морем, садом, птицами). Вулф не рисует просыпающуюся природу, раскрывающиеся цветы: вещественными, плотными сравнениями и многозначными словами

она создает многообразный мир природы-сум-деятельности-сум-усилий поколений-сум-идей поколений-сум-психологии поколений... Получается многоплановый сюрреализм: каждое слово распаивает окно в другой мир, другую реальность. Многоэтажный, головокружительный сюр. Благодаря сопряженному со словом посредством сравнения образу, движение **происходит внутри слова**, то есть в **«неписаном пространстве» (unwritten space) читателя** [Iser, 1991: 213]: говоря словами Вулф, “in our mind” (в душе).

Есть ли что-то от этой протейстичной эстетики слова в экранизациях Вулф? Ограничимся одним примером: сравним описание гендерной трансформации Орlando в романе Вулф и в яркой экранизации Салли Поттер (1992). В романе смена пола Орlando, на первый взгляд, не влечет за собой никаких изменений, за исключением физических: “Orlando had become a woman there is no denying it. But in every other respect, Orlando remained precisely as he had been” [Woolf, 1929: 138].

Сцена в фильме, кажется, полностью повторяет эпизод романа — Орlando нисколько не смущен изменениями, произошедшими с его телом. Бросив прямой, спокойный взгляд на зрителя, Орlando комментирует метаморфозу: “Same person. No difference at all. Just a different sex”.

Но при внимательном чтении романа оказывается, что, несмотря на смену пола, Орlando не перестает меняться. И здесь обнаруживается основное расхождение между романом и фильмом. Физическая трансформация в романе не означает окончательной половой и гендерной идентификации Орlando. На протяжении всего романа Орlando склоняется то к мужской, то к женской ипостаси своего я: “Whether, then, Orlando was most man or woman, it is difficult to say and cannot now be decided. <...> For it was this mixture in her of man and woman...” [ibid.: 190, 189].

Ничего подобного мы не находим в фильме, где трансформация Орlando оказывается окончательной и бесповоротной, поскольку С. Поттер сознательно придерживается иной, заранее заданной концепции.

Очевидно, что в романе двойственная природа Орlando подсказана идеей Вулф об андрогинном сознании: «Губительно человеку пишущему думать односторонне. Нельзя быть просто женщиной или просто мужчиной по складу мысли: нужно быть женственно-мужественным или же мужественно-женственным» [Вулф, 2012: 517].

Концепция же С. Поттер иная (и это нормально: любая экранизация, или адаптация, используя термин Линды Хатчен, есть новое, отличное от источника произведение [Hutcheon, 2011: 114–128]). В материалах электронного архива Поттер, в разделе “Pre-Produc-

tion” находим подраздел “Personal notes”: в нем содержится десять страниц печатного текста с заметками Поттер о предстоящей экранизации. Обратим внимание на страницу, озаглавленную “Essentially female throughout”: “really Orlando is essentially woman throughout but if there is an underlying identity it must be female; <...> *the consciousness is female*” [URL: <http://sallypotter.com/sp-ark/>].

Ясно, что Поттер изначально намеревалась вести повествование именно с женской точки зрения, поэтому превращение Орlando из мужчины в женщину в середине фильма становится ключевым эпизодом. Иными словами, Орlando в представлении Поттер — прежде всего женщина, пускай и побывавшая когда-то мужчиной.

Вместо заключения: протестическим слово Вулф делает «неписаное пространство читателя», или, выражаясь языком Вулф, «наша душа». Переводя же слово в изобразительный ряд и придавая ему на экране один, определенный смысл, режиссер сужает пространство зрителя. Емкое изменчивое слово сменяет плоский линейный знак.

Список литературы

1. *Вулф Вирджиния*. Обыкновенный читатель. Изд. подгот. Н.И. Рейнгольд; перевод, примечания, статьи [Отв. ред. А.Н. Горбунов]. М., 2012. 776 с. (Литературные памятники).
2. *Вулф Вирджиния*. Своя комната. Обыкновенный читатель. Изд. подгот. Н.И. Рейнгольд; перевод, примечания, статьи [Отв. ред. А.Н. Горбунов]. М., 2012. 776 с. (Литературные памятники). С. 463–522.
3. *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2000.
4. *Рейнгольд Н.* Мосты через Ла-Манш: Британская литература 1900–2000-х. М., 2012.
5. *Bell Quentin*. The Biographer, the Critic, and the Lighthouse // *Ariel*. 1971. № 2.
6. *Briggs Julia*. Virginia Woolf: An Inner Life. L., 2005.
7. *Fox Alice*. Virginia Woolf and the Literature of the English Renaissance. Oxford, 1990.
8. *Guiguet Jean*. Virginia Woolf and Her Works. N.Y., 1965.
9. *Hankins Leslie Kathleen*. “Across the Screen of My Brain”: Virginia Woolf’s “The Cinema” and Film Forums of the Twenties // *The Multiple Muses of Virginia Woolf* / Ed. by Diane F. Gillespie. Columbia, 1993.
10. *Hankins Leslie Kathleen*. A Splice of Reel Life in Virginia Woolf’s “Time Passes”: Censorship, Cinema, and “the Usual Battlefield of Emotions” // *Criticism*. 1993. № 35 (1 Winter).
11. *Hankins Leslie Kathleen*. The Doctor and the Woolf: Reel Challenges — “The Cabinet of Dr. Caligari” and “Mrs Dalloway” // *Virginia Woolf: Themes and Variations. Selected papers from the Second Annual Conference on Virginia Woolf*. Ed. V. Neverow-Turk and Mark Hussey. N.Y., 1993. P. 40–51.

12. *Hussey Mark*. Virginia Woolf: The Essential Reference to Her Life and Writings. A–Z. New York, Oxford, 1995.
13. *Hutcheon Linda* (with Siobhan O'Flynn). A Theory of Adaptation. Second edition. L.; N.Y., 2011.
14. *Iser Wolfgang*. The Reading Process: A Phenomenological Approach // Modern Criticism and Theory. Ed. by David Lodge. L.; N.Y., 1991, pp. 212–228.
15. *Lawrence D.H.* Art and morality // Phoenix. Penguin in Association with Heinemann, 1961 [1936], pp. 521–523.
16. *Lee Hermione*. Virginia Woolf. L., 1996.
17. *Rantavaara Irma*. Virginia Woolf's "The Waves". Port Washington, 1960.
18. *Ricouer Paul*. Time and Narrative. Vol. 2. Trans. by K. McLaughlin and D. Pellauer. Chicago, 1985.
19. *Spender Steven*. The Struggle of the Modern. Berkeley, 1963.
20. *Stewart J.F.* Spatial Form and Color in "The Waves" // Twentieth Century Literature. 1982. № 28 (1).
21. The Diary of Virginia Woolf. Vol. 3. 1980 // Woolf V. The Diary. Introduction by Quentin Bell / Ed. by Anne Oliver Bell. 4 vols. L., 1977–1982.
22. The Letters of Virginia Woolf. Vol. 3. A Change of Perspective. 1923–1928. 1977 // Woolf V. The Letters. 6 vols. Ed. by Nigel Nicolson. L., 1975–1980.
23. *Woolf Virginia*. Cinema [1926] // Woolf V. Collected Essays. 4 vols. L., 1966–1967. Vol. 2. P. 268–272.
24. *Woolf Virginia*. Craftsmanship // The Listener. 1937. 5 May.
25. *Woolf Virginia*. Craftsmanship // Woolf V. Collected Essays. 4 vols. L., 1966–1967. Vol. 2. P. 245–51.
26. *Woolf Virginia*. Orlando: A Biography. N.Y., 1929.
27. *Woolf Virginia*. A Sketch of the Past // Woolf V. Moments of Being: Virginia Woolf's Unpublished Autobiographical Writings. Ed. and with an Introduction and Note by Jeanne Schulkind. N.Y.; L., 1976. P. 61–137.
28. *Woolf Virginia*. The Waves. Hamburg; Paris; Bologna, 1933.

Natalya Reinhold

VERBAL, VISUAL AND KINESIC ASPECTS OF VIRGINIA WOOLF'S PROSE

*Russian State University for the Humanities
Miusskaya Sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia*

This article argues that visual and kinesic words and phrases in the work of Virginia Woolf are idiosyncratic and hence instrumental. There is evidence suggesting that V. Woolf, as well as E. Pound and T.S. Eliot, took interest in the

interplay between literature (in a broad sense) and arts. The essays *Craftsmanship* (1937) and *The Cinema* (1926) explicitly show that Woolf pondered over representations of time and space in literature and cinema, stressing that the latter can show “the passage of time and the suggestiveness of reality”. What makes cinema unique, according to Woolf, is making the subconscious visible. Words, which “live in our mind”, relate to the ideas of freedom, truth and equality, they can change and vary incessantly. The article analyzes the verbal-visual- kinesis imagery in Woolf’s essays and novels, specifically *The Waves* (1931). Emphasis is laid on how Woolf’s proteus-like discourse is taken into account by modern media. Admitting that there are some successful screen versions of Woolf’s novels, the article is nevertheless skeptical about cinematographic representations of Woolf’s visual-and-kinesis discourse.

Key words: discourse; the verbal; the visual; the kinesis; the syncretic; the proteus-like wording; the condensed meaning; the experimental cinema of the 1920s; adaptation; the reader’s “unwritten space”; the present-day media.

About the author: *Natalya Reinhold* — Prof. Dr., PhD in English (United Kingdom), Head of the Department for Translation Studies, Interpreting and Translation, School of Philology and History, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia) (e-mail: natalya.reinhold@gmail.com).

References

1. Woolf *Virjdinia. Obyknovennyi chitalatel'* [The Common Reader]. Ed., trans., introd., with notes by N. Reinhold; series ed. A.N. Gorbunov. Moscow: *Nauka*, 2012. 776 s. Series “Literaturnye pamiatniki” [Literary monuments].
2. Woolf *Virjdinia. Svoia komnata* [The Room of One’s Own]. In: Woolf *Virjdinia. Obyknovennyi chitalatel'* [The Common Reader]. Ed., trans., introd., with notes by N. Reinhold; series ed. A.N. Gorbunov. Moscow: *Nauka*, 2012. Series “Literaturnye pamiatniki” [Literary monuments]. S. 463–522.
3. Gasparov M.L. *Zapisi i vypiski* [Notes and marginalia]. Moscow: *NLO*, 2000.
4. Reinhold Natalya. *Mosty cherez La-Mansh: Britanskaya literatura 1900–2000-kh*. [The Bridges over the English Channel: British Literature, 1900–2000]. Moscow: *RGGU*, 2012.
5. Bell Quentin. *The Biographer, the Critic, and the Lighthouse*. In: *Ariel*. 1971. № 2.
6. Briggs Julia. *Virginia Woolf: An Inner Life*. L.: *Penguin*, 2005.
7. Fox Alice. *Virginia Woolf and the Literature of the English Renaissance*. Oxford: *Clarendon*, 1990.
8. Guiguet Jean. *Virginia Woolf and Her Works*. N.Y.: *Harcourt Brace Jovanovich*, 1965.
9. Hankins Leslie Kathleen. “Across the Screen of My Brain”: Virginia Woolf’s “The Cinema” and Film Forums of the Twenties. In: *The Multiple Muses of*

- Virginia Woolf. Ed. by Diane F. Gillespie. Columbia: University of Missouri Press, 1993.
10. Hankins Leslie Kathleen. *A Splice of Reel Life in Virginia Woolf's "Time Passes": Censorship, Cinema, and "the Usual Battlefield of Emotions"*. In: *Criticism*. 1993. № 35 (1 Winter).
 11. Hankins Leslie Kathleen. *The Doctor and the Woolf: Reel Challenges — "The Cabinet of Dr. Caligari" and "Mrs Dalloway"*. In: *Virginia Woolf: Themes and Variations. Selected papers from the Second Annual Conference on Virginia Woolf*. Ed. V. Neverow-Turk and Mark Hussey. New York: Pace University Press, 1993, pp. 40–51.
 12. Hussey Mark. *Virginia Woolf: The Essential Reference to Her Life and Writings. A–Z*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1995.
 13. Hutcheon Linda (with Siobhan O'Flynn). *A Theory of Adaptation*. Second edition. L., N.Y.: Routledge, 2011.
 14. Iser Wolfgang. *The Reading Process: A Phenomenological Approach*. In: *Modern Criticism and Theory*. Ed. by David Lodge. L., N. Y.: Longman, 1991, pp. 212–228.
 15. Lawrence D.H. *Art and Morality*. In: *Phoenix. Penguin in Association with Heinemann*, 1961 [1936], pp. 521–523.
 16. Lee Hermione. *Virginia Woolf*. L.: Chatto&Windus, 1996.
 17. Rantavaara Irma. *Virginia Woolf's "The Waves"*. Port Washington: Kennikat Press, 1960.
 18. Ricouer Paul. *Time and Narrative*. Vol.2. Trans. by K. McLaughlin and D. Pellauer. Chicago: Chicago University Press, 1985.
 19. Spender Steven. *The Struggle of the Modern*. Berkeley: University of California Press, 1963.
 20. Stewart J.F. *Spatial Form and Color in "The Waves"*. In: *Twentieth Century Literature*. 1982. № 28 (1).
 21. *The Diary of Virginia Woolf*. Vol. 3. 1980. In: *Woolf V. The Diary*. Introduction by Quentin Bell. Ed. by Anne Oliver Bell. 4 vols. L.: The Hogarth Press, 1977–1982.
 22. *The Letters of Virginia Woolf*. Vol. 3. *A Change of Perspective. 1923–1928*. 1977. In: *Woolf V. The Letters*. 6 vols. Ed. by Nigel Nicolson. L.: The Hogarth Press, 1975–1980.
 23. Woolf Virginia. *Cinema [1926] In: Woolf V. Collected Essays*. 4 vols. L.: The Hogarth Press, 1966–1967. Vol. 2, pp. 268–272.
 24. Woolf Virginia. *Craftsmanship*. In: *The Listener*. 5 May 1937.
 25. Woolf Virginia. *Craftsmanship*. In: *Woolf V. Collected Essays*. 4 vols. L.: The Hogarth Press, 1966–1967. Vol. 2, pp. 245–51.
 26. Woolf Virginia. *Orlando: A Biography*. L.: Wordsworth Classics, 2003.
 27. Woolf Virginia. *A Sketch of the Past*. In: *Woolf V. Moments of Being: Virginia Woolf's Unpublished Autobiographical Writings*. Ed. and with an Introduction and Note by Jeanne Schulkind. N.Y. & L.: Harcourt Brace Jovanovich, 1976, pp. 61–137.
 28. Woolf Virginia. *The Waves*. Hamburg, Paris, Bologna: The Albatross, 1933.

Н.В. Морженкова

**ВИЗУАЛЬНОСТЬ И ТЕКСТУАЛЬНОСТЬ:
В. ВУЛФ О КИНО И ЛИТЕРАТУРЕ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6*

В эпоху 1920-х годов кино, обретшее статус нового ультрасовременного искусства, становится предметом активного теоретизирования и творческой рефлексии не только среди людей кино, но и профессиональных писателей. В статье рассматривается эссе В. Вулф «Кино» (The Cinema, 1926), интересное с точки зрения поднимаемой в нем проблематики взаимодействия литературы и кино, текстуальности и визуальности, которые в силу их связи с разными эстетическими модусами требуют от читателя-зрителя, литератора-кинокритика и постановщика «книжного» кино особой рецептивной чуткости, позволяющей избежать грубых отождествлений между визуальным и вербальным эстетическими кодами. «Кино» В. Вулф является показательной попыткой осмыслить специфику эстетической и внеэстетической рецепции кинозрителя, чей опыт кинематографического восприятия формировался на фоне ранее обретенного опыта потребителя литературы.

В ходе анализа раскрываются риторические стратегии, к которым прибегает писательница, преодолевая скудость современного ей языка кинокритики. Показано, как при помощи определенных речевых тактик В. Вулф имплицитно вписывает свои размышления о кино в широкий круг контекстов, среди которых модернистские концепции времени и сознания, представления эволюционистской антропологии о развитии человеческого сознания, колониальная имперская идеология.

На первый взгляд «Кино» может показаться всего лишь мимоходным изложением субъективного мнения, которое высоколобый литератор, сетующий на дурновкусие «книжных» фильмов, высказывает в легкой эссеистической манере, попутно иронизируя над эстетической нетребовательностью массового зрителя. Однако пристальный анализ текста эссе позволяет вскрыть в нем широту философской, социокультурной и эстетической проблематики, на фоне которой кино предстает чрезвычайно значимым явлением культуры современности.

Морженкова Наталия Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Института истории и филологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (e-mail: natalia.morzenkova@gmail.com).

Ключевые слова: эстетика раннего кино; ранняя кинохроника; В. Вулф; киновизуальность; интермедийность; киноадаптация литературных произведений; язык кинокритики.

Период 1920—1930-х годов, явившийся наиболее продуктивным в литературном творчестве В. Вулф, был временем очень интенсивных поисков и открытий в кино. Это также было время, когда кино начало превращаться в массовый вид искусства, а читатель (как, впрочем, и писатель) пришел в кинотеатр с его магией «визуального бессознательного». Новые визуальные техники начинают порождать новые нарративные практики и модусы восприятия, о чем В. Вулф пишет в эссе «Кино» (*The Cinema*, 1926), благодаря которому она обрела статус одного из первых британских кинокритиков [Woolf, 1994]. Один из ключевых вопросов, который В. Вулф ставит в этом эссе, — как кино обрести свой язык и перестать паразитировать на литературе? Но свой язык должно обрести не только кино, но и критик, о нем говорящий. В. Вулф сетует на скудость словаря, который находится в арсенале современной ей кинокритики. В ситуации этого дискурсивного дефицита в своих размышлениях о сути киноязыка она обращается к ключевому для культурной рефлексии западной цивилизации образу дикаря, строя вокруг него свою полемику о сути киноискусства и специфике зрительской рецепции. С некоторой долей провокационно-иронического разоблачения здесь утверждается, что дикарь не умер в современном писательнице буржуазном зрителе, магически воскресая в нем перед завораживающим киноэкраном.

Обращение к этой метафоре глубоко не случайно; фигура дикаря становится общим местом в гуманитарном разговоре конца XIX — начала XX в. об идентичности современного западного индивида. Вспомним здесь, что и сам образ белого человека, в котором живет черный дикарь, к моменту написания эссе «Кино» был уже освоен литературой модернизма. Показательна в таком случае повесть Дж. Конрада «Сердце тьмы» [*Heart of Darkness*, 1899].

Нельзя не заметить, что в контексте гуманитарной рефлексии рубежа XIX—XX вв. эта образность явно отсылает к эволюционистской по своей сути антропологической концепции английского этнографа и культуролога Э. Тейлора, согласно которой человечество эволюционирует от дикарского «детства» в направлении к цивилизованной «взрослости». В. Вулф строит свои размышления о кино именно на фоне современной ей антропологической полемики о соотношении архаики и современности, прошлого и настоящего, развернувшейся, например, в трудах Э. Тейлора и Дж. Фрэзера. Кино, которое в 1920-е годы воспринималось как ультрасовременное искусство, оказывается, по Вулф, способно вскрыть в сознании его буржуазного потребителя какие-то древнейшие паттерны восприятия. В этой

актуализации архаичного через ультрасовременное, несомненно, угадываются отголоски идей Э. Тейлора, писавшего в труде «Примитивная культура» [Primitive Culture, 1871] о том, что истинный смысл феноменов современности раскрывается лишь через обращение к древним породившим их условиям [Tylor, 1873: 19–21]. В появлении у Вулф образа буржуа-дикаря, пожирающего глазами кино, часто видят знак определенного классового превосходства высокообразованных интеллектуалов над менее искушенной в эстетическом отношении публикой, которая ходит в кино за незатейливыми развлечениями [Ingersoll, 2016: 5]. Однако очевидно, что это объяснение несколько упрощает вопрос — зачем же в размышлениях о кино писательница обращается к языку современной ей антропологии?

Следует вспомнить, что в первой трети XX в. полемика о генезисе самой литературы во многом разворачивается именно в контексте антропологических штудий. Показательна здесь Дж. Уэстон «От ритуала к роману» (1920), в которой предпринимается попытка показать, что романы артуровского цикла представляют собой литературные адаптации ритуала плодородия [Weston, 1920]. Т.С. Элиот упоминает эту работу в примечаниях к «Бесплотной земле». Книга Дж. Уэстон оказала сильное влияние на представителей мифологической школы литературоведения, которые активно искали в литературных текстах разных жанров архаичные ритуальные паттерны. Очевидно, что дикарь, отправляющий свой ритуал, — это частая фигура и в литературоведческом дискурсе той поры. Таким образом, рассуждая о специфике кино и зрительского восприятия, В. Вулф при помощи антропологической риторики связывает свою попытку выступить в роли кинокритика с вполне определенным дискуссионным полем.

Примечательна сама попытка, предпринятая писательницей на уровне языка, имплицитно связать современное ей кино с архаичной образностью. Сближение кино с ритуальными практиками и архаичным мышлением в дальнейшем станет значимым топосом киноведения. О сходстве начальных стадий кинематографа с мифологическим дологическим мышлением говорил С. Эйзенштейн. Как отмечает В.В. Иванов, «он много раз подчеркивал ранний возраст кино, объясняя этим свои сравнения кино с архаичными формами культуры» [Иванов, 1998: 307]. Американский режиссер независимого кино Майя Дерен видела в режиссере шамана, а в зрителе — впадающего в транс участника ритуала [Pasqualino, Schneider, 2014: 6]. Просмотр фильма она сравнивала с ритуальным действием, в ходе которого происходит подключение участников к какому-то инобытийному пространству. Российский теоретик кино Н.А. Хренов среди основных функций кино в контексте культуры XX в. выделяет

ритуальную функцию, отмечая, что «уже на ранних этапах кино соотносимо с тем, что в архаических обществах представало ритуалом» [Хренов, 2008: 474]. Нельзя не заметить и такие черты, сближающие фильм с ритуалом, как повторяемость, воспроизводимость, визуальный ритм. В контексте этих примеров, иллюстрирующих попытки отразить специфику кино в терминах архаики и ритуальности, очевидно, что обращение В. Вулфа к вышеупомянутой «дикарской» метафоре в определенном смысле можно считать «провидческим». И дело здесь не в том, что нехитрый, с точки зрения эстетики, киноряд (важно учесть, что фильмы, о которых идет речь в эссе, — это немые хроникальные короткометражки и киноадаптации литературных текстов) низводит зрителя до уровня примитивного потребителя «движущихся картинок», вызывающих в нем неэстетическое восхищение иллюзией «всамделишности». Здесь значимо то, что В. Вулф в рамках небольшого эссе смогла наметить тезис о связи кино с архетипическим сознанием, который на протяжении всего XX в. определил одну из основных тем теоретической кинорефлексии.

Сам процесс рождения нового киноискусства В. Вулф в «Кино» дает через образность, типичную для космогонической мифологии, и сравнивает его с вздымающимися из бурлящего хаоса гигантскими формами. Но тут же вся эта космогоническая метафорика неожиданно снижается при помощи мимолетного замечания, что, на первый взгляд, искусство кино может показаться все же слишком простым и даже глуповатым (*simple and stupid*) [Woolf, 1994: 352]. И здесь снова кино описывается через уничижительные прилагательные, которые часто использовались для характеристики примитивных народов в трудах представителей социального дарвинизма. Мы видим это у британского социолога и философа Г. Спенсера, отмечавшего неспособность примитивного человека к абстрактному мышлению. Так, в его труде представители африканского племени дамара характеризуются как «поразительно глупые» (*exceptionally stupid*) и неспособные к какому-либо обобщению [Spencer, 1877: 91]. Э. Тейлор отмечал «упрямый консерватизм» дикаря, у которого мудрость предков блокирует способность к собственным эмпирическим выводам [Tylor, 1873: 317]. Но этот образ дикаря, именуемого с легкой руки Киплинга «бременем белого человека», присутствует не только в эволюционистской социологии, антропологии, мифологическом литературоведении и в самой литературе времен Британской империи. Он укореняется и в массовом сознании британцев, берущих на себя это цивилизационное «бремя» и свято верящих в свое провиденциальное предназначение, связанное с необходимостью контролировать и направлять примитивные народы.

На фоне имперской идеологии обращение В. Вулф к примитивистской метафорике обретает и идеологическое измерение, ведь дикарем у нее оказывается сам белый буржуа, сидящий перед магическим экраном. Следует вспомнить, что антиимпериалистических взглядов придерживалась как сама писательница, так и ее муж Леонард Вулф, работавший до женитьбы на госслужбе на Цейлоне (бывшем британской колонией) и видевший изнутри жестокие механизмы британской колониальной политики.

Говоря о связи кинематографа 1920-х годов, антропологических штудий и имперской колониальной идеологии, следует иметь в виду, что в ту пору границы между этнографическими научными фильмами, снятыми в ходе полевых исследований, и фильмами, рассчитанными на массовый показ, были весьма условны. Как замечает Р. Диксон, документальные хроникальные фильмы, снятые этнографами во время экспедиций в колонии, часто демонстрировались массовой публике в качестве «занимательных картинок» [Dixon, 2012: 167]. Этнографические кинохроники, попадая на массовые экраны, конечно же, в глазах обычного зрителя, далекого от научной проблематики этнографии, утрачивали свое научное значение, приобретая идеологически-развлекательный характер. Буржуазный зритель не только развлекался, но и воочию видел то колониальное «бремя», которое ему приходилось нести, согласно колониальной идеологии. Профессиональные этнографы осознавали эту нечуткость массовой публики к научной ценности киноматериала, при этом они понимали, что популяризация этнографических кадров облегчала доступ к финансированию их исследовательских экспедиций.

Кстати, один из восьми коротких скетчей, который В. Вулф жанрово определила как «портреты», строится именно на контрасте образа буржуазной пары, ожидающей обеда в уличном парижском кафе, и экзотической «киношной» образности. В «Ожидании обеда» (Waiting for Dejeuner, ок. 1937) мадам и месье Лувуа изображены окруженными суетой городской жизни: на фоне официантов в фартуках, прыгающих по дороге воробьев и гудящего транспорта мелькают рекламные огни кинематографа, где показывают новый фильм о джунглях (new Jungle Film) [Woolf, 2003: 238]. Упоминание фильма мотивирует появление в тексте потока экзотических, «чужих» для локуса европейского города образов. Все сливается здесь в мощный красочный поток жизни: слоны, зебры, арабески, проносящиеся на фоне горизонта, дикари со звериным взглядом, маленькие птички, трепещущие у чашечек цветов. И рядом со всем этим экзотическим великолепием даются не уступающие им по колориту образы париж-

ской улицы: зализанный официант уличного кафе, ослик, везущий тележку, грузовик с апельсинами, отблески воды в Сене. Детали парижских улиц перемежаются с африканскими вкраплениями.

Вероятно, в рассказе речь идет о фильме 1934 г. «Тарзан и его друг» С. Гиббонса. Кстати, несмотря на приключенческую авантюренность сюжета, нельзя не заметить присутствие в этом фильме эпизодов с этнографическим флером. Например, показательная сцена, в которой белые люди объясняют Джейн, восхищающейся женскими украшениями, смысл африканских зарубок и меток. Очевидно, что ранние фильмы о Тарзане (первый фильм вышел в 1918 г.) создавались под явным влиянием этнографической кинохроники, благодаря которой и сам массовый зритель почувствовал вкус к экранной экзотике.

В «Ожидании обеда» под влиянием киношного африканского буйства и сами обедающие буржуа словно несколько «звереют». Так, на фоне упоминания фильма о джунглях начинает просвечивать «звериная» семантика их фамилии (Louvois — louve, волчица). Этот «дикий» подтекст реализуется и в описании поведения обедающих героев, и в их «гастрономическом» выборе. Их застывшие на горчице взгляды загораются и блестят (*lit with luster*), когда официант приносит заказанные потроха (*a plate of tripe*).

Имплицитно данный здесь мотив превращения цивилизованных буржуа в диких существ со звериной прожорливостью, текстуально мотивированной именно экзотическими кинообразами, до этого появляется у В. Вулф именно в анализируемом эссе «Кино», в котором писательница размышляет, как под воздействием магии экрана отключается рациональная составляющая сознания, связанная с западной цивилизацией, и активизируются какие-то архаические паттерны восприятия. Она пишет, что просмотр документальных кадров вводит буржуазного зрителя во внерациональное состояние, в котором мозг спит, а глаз автоматически скользит по объектам наблюдения. Непосредственность зрительного восприятия контрастирует с рациональностью мыслительной деятельности. Эта оппозиция естественного глаза и рационализирующего сознания весьма актуальна для той поры. Например, в эссе А. Бретона «Сюрреализм и живопись», посвященном стихийно-автоматической природе творчества, упоминается глаз, находящийся в «диком состоянии» (*L'œil existe à l'état sauvage*) [Breton, 1945: 19]. Естественность зрения противопоставляется буржуазной репрессивной рассудочности.

Для В. Вулф это погружение в визуальное бессознательное в процессе просмотра кинокадров принципиально отлично от размышлений, раздумий, которые неизбежно предполагает практика

чтения. Если наивный зритель как бы слипается с изображением, то искушенный читатель, словно художник, периодически поднимает глаза и отходит на определенную дистанцию от прочитанного [Woolf, 1988: 156—157]. Эстетическое восприятие кино возникает, когда оно перестает восприниматься как «всамделишная» жизнь. В. Вулф акцентирует, что зарождение эстетического понимания киноязыка наступает, когда глаз оказывается в замешательстве, ему нужна помощь мозга, и вместе они открывают то, что кинореальность не является простой копией реальной жизни. Этот опыт эстетического понимания кино она описывает через парадоксальную тавтологию, говоря о том, что события на экране обретают для зрителя реальность инореального (real with different reality) [Woolf, 1994: 349].

Переживание эстетического опыта во многом обусловлено амбивалентностью позиции кинозрителя — мы видим непосредственно происходящие события, сами при этом, будучи отделены от него временной дистанцией. Набегающая волна не окатит наши ноги, а мчащаяся лошадь не налетит на нас. Мы там и не там одновременно. В результате этого зазора у нас появляется время на эстетическое восприятие киноизображения. Для В. Вулф магия кино во многом обусловлена тем, что оно дает нам возможность ощутить множественные слои времени, которые словно прорастают один в другой, отменяя оппозиции прошлого и настоящего, припомиваемого и проживаемого, реального и идеального. Кино позволяет преодолеть неумолимый ход линейного времени, связанного с осознанием неизбежной конечности человеческой жизни. Мы вновь видим невинными невестами тех, кто давно уже имеет детей, а давно упокоившихся гостей вновь веселыми.

Кинохроника дает возможность зрителям пережить ностальгический опыт, вернувшись в довоенный мир, где все пока беззаботно танцуют и веселятся, не ведая тех ужасов, что ждут их впереди. В. Вулф описывает эту позицию ностальгирующего наблюдателя через излюбленную ей водную метафорику: «Мы смотрим на мир, который ушел под воду» [Woolf, 1994: 350]. Кстати, этот образ мира, застывшего подобно стрекозе в янтаре, в котором соприисутствуют прошлое и настоящее, не раз появляется в произведениях самой Вулф. Это и покинутый дом, в котором как бы застыло довоенное прошлое в то время, когда вокруг разрываются бомбы и гибнут люди, из романа «На маяк», и безлюдные пейзажи-интерлюдии в романе «Волны».

В эссе она пишет о том, что кино дает нам возможность увидеть моменты жизни такими, как они есть, когда мы сами как наблюдатели отсутствуем (we behold them as they are when we are not there) [Woolf,

1994: 349]. В этой призрачно-элегической оптике, настроенной на созерцание мира без меня, угадывается попытка посмотреть на мир из небытия. Попытка, наталкивающаяся на очевидное противоречие: смотрение подразумевает наличие воспринимающего субъекта, который в мире-без-меня отсутствует. Ее описание специфики киновидения на примере кинохроник, запечатлевших былые времена, очень точно характеризует то, что сама В. Вулф делает в безгеройной главе «Время проходит» в романе «На маяк», где свидетелями постепенно разрушающегося дома становятся лишь блуждающие по пустым комнатам лучи маяка и по-шпионски пробравшиеся внутрь насекомые и сорняки [Woolf, 2006]. Нарочитая безлюдность этой интерлюдии, отделяющей первую довоенную часть романа от второй послевоенной, усиливается тем, что скупые ремарки о смерти героев, покинувших дом, даются в квадратных скобках, которые отделяют эти фрагменты от элегического описания покинутого места.

Однако пронзительная необитаемость дома, ранее полного гостей и детских голосов, описывается в такой утонченной поэтической тональности, что у пристального читателя, замороженного эстетикой разрушения и запустения, неизбежно возникает ощущение противоречия. С одной стороны, перед нами разворачивается картина полного безлюдья, столь очевидного на фоне вегетативного буйства растений, поглощающих дом. С другой стороны, нельзя не заметить, что само подчеркнуто декоративное описание неизбежно предполагает наличие эстетизирующей оптики, невозможной без субъектного взгляда эстета. Таким образом, автор как нарративный субъект оказывается в весьма двусмысленной позиции. Именно в его субъектной зоне художественно конструируется безлюдный мир, внутри которого нет каких-либо наблюдающих субъектов. Иначе говоря, он как бы видит художественным зрением внеположенный ему мир, наблюдая его с позиции венаходимости. Эта авторская позиция очень похожа на фигуру зрителя кинохроник, который непосредственно сиюминутно наблюдает дистанцированные от него во временном плане события.

Для В. Вулф эстетика кино не в сюжетности, а в том, что оно делает со временем, а вернее — с нашим переживанием времени. Но вся эта тонкая оптика исчезает, если кино начинает обращаться к литературным текстам, нападая на тело своей несчастной жертвы (*upon its prey, upon the body of its unfortunate victim*) с напором хищника. И здесь в описании этого непродуктивного и противоестественного, по мысли В. Вулф, альянса кино и литературы вновь звучит ключевая для эссе «Кино» «дикарская» метафорика. Кино форматирует богатейшие литературные тексты и переводит их в

школьные каракули, заменяя страницы богатой прозы примитивной метонимией: поцелуй — это любовь, улыбка — радость, а разбитая чашка — ревность.

Но именно опыт читателя не дает зрителю превратиться в легковерного потребителя «движущихся картинок». Глаз и мозг разрываются; глаз говорит: это Анна Каренина, а мозг предательски шепчет, что это роскошная сластолюбивая дама в черном бархате и жемчугах больше похожа на королеву Викторию, чем на Анну. Писательница полагает, что фильмы, снятые на сюжет литературных произведений, подменяют внутреннюю перспективу художественного текста перспективой внешней. Читателю Анна больше известна изнутри как страдающая, разрываемая своей любовью женщина, кино же представляет Анну снаружи. Таким образом, если в романе героиня предстает прежде всего как страдающий субъект, то на экране он подменяется обряженным в жемчуга и бархат объектом. В. Вулф замечает, что сложное состояние любви Анны к Вронскому в кино передается дурновкусной метонимией, в результате которой сложные душевные состояния заменяются наигранным фальшивым жестом: дама в бархате падает в объятия джентльмена. Примечательно, что она описывает «кинонасилие» над литературным образом Анны Карениной, прибегая к излюбленному Толстым приему остранения, риторически присваивая его голос. Вспомним здесь известный пример описания оперной мизансцены из «Войны и мира», который приводит В. Шкловский в программной статье «Искусство как прием»: «В середине сцены сидели девицы в красных корсажах и белых юбках. Одна очень толстая, в шелковом белом платье, сидела особо на низкой скамейке, к которой был приклеен сзади зеленый картон» [Шкловский, 1929: 16]. Нелепость и противоестественность театральной сцены в романном описании очевидны и в трактовке писательницы кинообраза Анны. Сами фрагменты эссе, где автор описывает впечатления от нарочитой кинофальши, убивающей литературный прототип, стилизованы под типичную для Толстого схему остранения, то есть сама Вулф здесь оказывается намного более аутентичной и близкой к толстовскому художественному видению, чем экранная Анна, всей своей внешней поверхностностью демонстрирующая полное непопадание в литературный прообраз.

В. Вулф заключает, что этот союз кино с литературой не идет на пользу первому, ибо у кино должен быть свой язык, который не обрести на пути паразитирования на великих произведениях. Впрочем, по какому пути должен развиваться этот киноязык, чтобы обрести свою независимость и эстетическую полновесность в эссе, нигде в ясном виде не проговаривается. Правда, описывается один положительный прецедент, связанный с немым фильмом

«Кабинет доктора Калигари» (1919, Р. Вине), положившим начало немецкому киноэкспрессионизму. В качестве примера, иллюстрирующего потенциальные возможности киноязыка, она приводит личинкоподобную тень, которая появляется из уголка экрана, дрожит, разрастается, боится саму себя, а потом исчезает. По Вулф, это удачная визуальная метафора больного сознания. Она многократно подчеркивает, что кино должно научиться изображать внутреннее, не прибегая к примитивной метонимии, а идя по пути метафоризации киноязыка. Кинема должна представлять собой метафору. Так, гнев — это не сжатые кулаки и красное лицо, а, например, черная линия, извивающаяся на белой простыне. И вот тогда, замечает она, Анне и Вронскому больше не придется гримасничать на экране, а кино найдет свой собственный язык. Интересно, что как отмечал Вяч. Иванов, повышенная метафоричность очень характерна для ранних фильмов С. Эйзенштейна [Иванов, 1998: 266]. Сам же С. Эйзенштейн позднее будет объяснять ее сходством с образностью языков на ранней стадии развития.

Сопоставляя литературу и кино, В. Вулф приходит к выводу, что не только кинематографу не стоит паразитировать на литературе, но и последней — подражать первому. В рецензии на роман Комптона Маккензи «Молодые годы и приключения Сильвии Скарлетт» (1918) она использует сочетание “movie novel” (киношный роман), наделяя его негативной оценочностью [Woolf, 1988: 149]. Писательница критикует роман за его киноподобие и полную сфокусированность на внешней событийности. Как в кино одна картинка следует безостановочно за другой, так и текст этого романа быстро разворачивается от эпизода к эпизоду, а герои плоски и одномерны. Всю свою сущность они растратили в бесконечных приключениях и напоминают пустые раковины, в которых живут никчемные существа с непомерным эгоизмом и тщеславием. Это книга не приключенческая, а киношная, заключает Вулф. Навязчивая чрезмерная событийность разрушает как героя, который оказывается лишь предлогом к действию, так и сам акт истинного чтения, невозможный без остановок и размышлений. К аналогии с кино Вулф прибегает и критикуя в эссе «Жизнь и романист» роман Глэдис Стерн «Посланник был королем» [A Deputy was King, 1926], в котором события проносятся перед глазами читателя, словно изгородь за окном мчащегося поезда (эссе «Life and the Novelist», 1926) [Woolf, 1986: 403]. Мельтешение сцен и героев истощает силу воображения читателя. Чтение этого романа подобно просмотру фильма обывателем: его сознание выключено, а работают лишь глаза.

Размышляя о сути кино как зарождающегося искусства, В. Вулф выходит на широкий круг вопросов, связанных с ключевой для

культуры XX–XXI столетий проблемой соотношения визуального и текстуального. Противопоставление языка литературы и современного ей игрового кино, медленного чтения и быстрого просмотра в анализируемом эссе В. Вулф является частным проявлением того масштабного сдвига, в результате которого уже в конце XIX столетия происходит постепенное переключение от искусства логоцентрического к искусству визуальному. Если классическое искусство основывалось на приоритете слова и на убеждении, что изображение легко и без остатка перекодируется в слово, то уже во второй половине XIX столетия этот постулат классического искусства начинает опровергаться нарастающей самодостаточностью визуального, освободившегося от зависимости от логоса.

Список литературы

1. *Иванов Вяч.Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1998.
2. *Хренов Н.А.* Образы «Великого разрыва»: Кино в контексте смены культурных циклов. М., 2008.
3. *Шкловский В.Б.* Искусство как прием // Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1929. С. 7–23.
4. *Breton A.* Le Surréalisme et la Peinture Suivi de Genèse et Perspective Artistiques du Surréalisme et de Fragments Inédits. N.Y., 1945.
5. *Dixon R.* Photography, Early Cinema and Colonial Modernity: Frank Hurley's Synchronized Lecture Entertainments. L., 2012.
6. *Pasqualino C., Schneider A.* Experimental film and anthropology. L., 2014.
7. *Spencer H.* The Principles of Sociology. Vol. 1. L., 1877.
8. *Tylor E.* Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom. Vol. 1. L., 1873.
9. *Ingersoll E.G.* Screening Woolf: Virginia Woolf on/and/in Film. Madison, 2016.
10. *Weston J.L.* From Ritual to Romance. N.Y., 1920.
11. *Woolf V.* Life and the Novelist // The Essays of Virginia Woolf: 1925–1928. L., 1986. P. 403–405.
12. *Woolf V.* Portraits // Woolf V. A Haunted House. The Complete Shorter Fiction. London, 2003. P. 236–240.
13. *Woolf V.* Reading // The Essays of Virginia Woolf, 1919–1924. Vol. 3. L., N.Y.; 1988. P. 141–161.
14. *Woolf V.* The Cinema // Woolf V. The Essays of Virginia Woolf. Vol. 4. L., 1994. P. 348–354.
15. *Woolf V.* The Movie Novel // The Essays of Virginia Woolf: 1912–1918. Vol.2. London, 1987. P. 290–291.
16. *Woolf V.* To the Lighthouse. Oxford, 2006.

**VISUALITY AND TEXTUALITY:
VIRGINIA WOOLF ABOUT FILM AND LITERATURE**

*Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia*

In the 1920s, cinema as an ultra-modern art got its entry ticket into the realm of a esthetic appreciation and became a subject-matter for theoretical reflection among film-makers and professional writers. The paper offers an analysis of Virginia Woolf's essay *The Cinema* (1926), an early example of interdisciplinary criticism focusing on the relations between literature and film, or textuality and visuality. Due to its light essayistic style it might seem at first glance that *The Cinema* is just a subjective meditation of a high-brow writer on crude, artless film adaptations of literature enjoyed by a gullible, unsophisticated spectator. But the discursive analysis of this text reveals rich philosophical, aesthetic and sociocultural subtexts which turn newly born cinema into a crucial phenomenon of modernity culture. This shows a rapid shift from logocentrism to non-verbal visuality. *The Cinema* is Virginia Woolf's attempt to differentiate between aesthetic and unaesthetic modes of the spectator's reception of films. Emphasis is laid on the rhetorical strategies that V. Woolf uses in an attempt to overcome the imperfection and insufficiency found in the film-criticism metalanguage of that period. Discussing cinema, Virginia Woolf uses a wide range of contexts including modernist conceptions of time and conscience, the role of evolutionary anthropology in the development of the human mind and colonial ideology.

Key words: aesthetics of early films; early newsreels; V. Woolf; cinematic visuality; intermediality; literature-to-film adaptations; language of film criticism.

About the author: *Natalia Morzhenkova* — Prof. Dr., Professor, Department of English Philology, Russian State University for the Humanities, Institute of Philology and History (e-mail: natalia.morzhenkova@gmail.com).

References

1. Ivanov Vyach. Vs. *Izbrannyje trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Selected writings on semiotics and the history of culture]. Vol. 1. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, [The Languages of Russian culture] 1998. (In Russ.)
2. Khrenov N.A. *Obrazy "Velikogo razryva": Kino v kontekste smeny kulturnyh ciklov* [Images of 'The Great Split': cinema in the context of culture cycles]. Moscow: Progress-Traditsiia [Progress-Tradition], 2008. (In Russ.)
3. Shklovskij V.B. *Iskusstvo kak priyom* [Art as technique]. In: *Shklovskij V.B. O teorii prozy* [Theory of Prose]. Moscow, Federatsiia [Federation], 1929, pp. 7–23. (In Russ.)

4. Breton A. *Le Surréalisme et la Peinture Suivi de Genèse et Perspective Artistiques du Surréalisme et de Fragments Inédits*. N.Y.: Brentano Inc., 1945.
5. Dixon R. *Photography, Early Cinema and Colonial Modernity: Frank Hurley's Synchronized Lecture Entertainments*. L.: Anthem Press, 2012.
6. Pasqualino C., Schneider A. *Experimental film and anthropology*. L.: Bloomsbury Academic, 2014.
7. Spencer H. *The Principles of Sociology*. Vol. 1. L.: Williams & Nordgate, 1877.
8. Tylor E. *Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom*. Vol. 1. L.: J. Murray, 1871.
9. Ingersoll E.G. *Screening Woolf: Virginia Woolf on/and/in Film*. Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 2016.
10. Weston J.L. *From Ritual to Romance*. L.: Cambridge University Press, 1920.
11. Woolf V. *Life and the Novelist*. In: *The Essays of Virginia Woolf: 1925–1928*. L.: Hogarth Press, 1986, pp. 403–405.
12. Woolf V. *Portraits*. In: *Woolf V. A Haunted House. The Complete Shorter Fiction*. L.: Vintage Classics, 2003, pp. 236–240.
13. Woolf V. *Reading*. In: *The Essays of Virginia Woolf, 1919–1924*. Vol. 3. L.: Hogarth Press, 1988, pp. 141–161.
14. Woolf V. *The Cinema*. In: *Woolf V. The Essays of Virginia Woolf*. Vol. 4. L.: Hogarth Press, 1994, pp. 348–354.
15. Woolf V. *The Movie Novel*. In: *The Essays of Virginia Woolf: 1912–1918*. Vol. 2. L.: Hogarth Press, 1987, pp. 290–291.
16. Woolf V. *To the Lighthouse*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

П.Ю. Рыбина

ЭФФЕКТЫ КИНОАДАПТАЦИИ: АНТИКВАРНЫЙ ФИЛЬМ, «МИССИС ДЭЛЛОУЭЙ» И МАРЛЕН ГОРРИС

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена ключевым проблемам современных исследований киноадаптации. Автор статьи предлагает сместить приоритеты, существующие в данной области на протяжении полувека, перейти от «сравнения» фильма с литературным оригиналом на рассмотрение других вопросов: проблематизацию места адаптации в кинотрадиции, а также в творчестве конкретного режиссера. Данное смещение акцентов позволяет увидеть в киноадаптации гибридный текст, производящий на зрителя неоднозначные эффекты. Отталкиваясь от метафоры «соревнования» медиа в современной культуре (Ф. Джеймисон), автор статьи предлагает говорить о эффекте киноадаптации как о медийном расширении литературы. Данная точка зрения доказывается на материале адаптации голландским режиссером М. Горрис классического текста В. Вулф «Миссис Дэллоуэй». Основной исследовательский конфликт разворачивается в статье не между текстом Вулф и его адаптацией, а между режиссерским воображением нового автора (Горрис) и кинематографическим контекстом. Статья состоит из трех частей. Первая посвящена ключевым аспектам киноконтекста (стилистике антикварного фильма, *the heritage film*, 1980-90-х годов) и демонстрации того, как фильм М. Горрис вписывается в контекст. Автор обосновывает выбор русскоязычного термина для перевода обозначения *the heritage film*, а также показывает, какое место данная стилистика занимает в кинокультуре конца XX века. Вторая часть проблематизирует специфику радикального режиссерского воображения Горрис. Призмой для «чтения» киноадаптации «Миссис Дэллоуэй» оказывается фильм Горрис «Антония». В третьей части показано, как режиссерское воображение вступает в реакцию со стилистикой антикварного фильма, какие смысловые сдвиги появляются в «Миссис Дэллоуэй» в результате медийного расширения текста.

Ключевые слова: киноадаптация; медийный ландшафт; эффект киноадаптации; антикварное кино; авторское кино; М. Горрис; Дж. Айвори; В. Вулф; Ф. Джеймисон.

Рыбина Полина Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: rybina_polina@mail.ru).

В статье Ф. Джеймисона «Адаптация как философская проблема» (она написана в качестве послесловия к сборнику «Верный духу: киноадаптация и проблема верности оригиналу», 2011) предлагается интересный взгляд на современные исследования экранизаций. Джеймисон рассуждает о том, что в настоящее время в разговоре о киноадаптации крайне редко ставится вопрос о соответствии, «верности», фильма литературному источнику — «слову» литературы. Наиболее активно и продолжительно работающие в данной области ученые (Р. Стэм, Дж. Нэрмор, Д. Картмел, Т. Лич) предпочитают пользоваться разными подходами, которые приводят их не только к подчеркиванию различий между литературной и кинематографической версиями, но скорее к «празднику» этих различий, к удовольствию от возникновения все новых смыслов. «Идентичность или различие» — такова, по мнению Джеймисона, философская форма современных адаптационных дебатов. Он видит особую плодотворность акцента на различии, даже антагонизме текстов, сюжетно связанных (как роман и его киноадаптация, например), но принадлежащих к разным медийным формам: “This philosophical emphasis on antagonism and incompatibility does seem to me the most productive course to follow, allowing for an insistence on the material structure and constraints of the medium fully...” [True to the Spirit: Film Adaptation and the Question of Fidelity, 2011: 231].

Со своей стороны, Джеймисон предлагает думать о том, что происходит в современном медийном ландшафте, пользуясь метафорой соревнования (“competiton”). Разные медийные инструменты (кинематограф, литература, театр, видеоигры, телевидение, социальные сети) соревнуются за внимание своего воображаемого адресата. Не случайно в процитированном выше фрагменте идет речь об «антагонизме», «несовместимости» медиа как о явлении, на которое следует делать акцент. Именно такой подход, по мнению исследователя, позволяет держать в фокусе внимания материальность медиа, а также связанные с ней границы медийных инструментов.

От себя заметим, что предложенная Джеймисоном метафора «соревнования» привлекает нас своей сдержанностью. В современном англо-американском исследовательском поле адаптации обсуждаются с использованием достаточно агрессивного словаря, обнаруживающего, в частности, базовые неомарксистские позиции авторов данных метафор: «эксплуатация» (Д. Картмел), «апроприация» (Дж. Сэндерс). Для сравнения скажем, что канадский нарратолог А. Годро говорит об адаптации как об «искусстве заимствования» (его недавняя статья, написанная в соавторстве с Ф. Марьоном, называется «Искусство заимствования: интермедийные источники адаптации»; она входит в сборник «Рутледжское сопровождение к

адаптации» [The Routledge Companion to Adaptation, 2018]). Мы в данной статье будем пользоваться метафорой «расширения», говорить о киноадаптации как о медийном расширении литературы.

Вернемся к метафоре соревнования Джеймисона. Исследователь предлагает видеть это соревнование как имплицитно присутствующее в целом ряде случаев, “whenever a film pauses on a television monitor or a computer screen, whenever a television program projects a movie clip, or indeed when any of the visual media pause on the spectacle of someone reading a book” [True to the Spirit: Film Adaptation and the Question of Fidelity, 2011: 232].

Для осмысления медийного соревнования Джеймисон вспоминает идеи Бахтина о специфике романа, который как молодой жанр находится в состоянии борьбы со старыми жанрами (трагедией, например). Джеймисон напоминает своим читателям хрестоматийное место из работы Бахтина «Эпос и роман», где сравниваются «готовые», наполовину мертвые жанры со становящимся, «неготовым» жанром романа: «По сравнению с ними роман представляется существом иной породы. Он плохо уживается с другими жанрами. Он борется за свое господство в литературе, и там, где он побеждает, другие, старые, жанры разлагаются» [Бахтин, 1975: 448]. Джеймисон проводит параллель между так понятым романом и киноадаптацией, которая в его интерпретации «борется» за признание с более старым медийным инструментом — литературой.

Джеймисон рисует некую аллегорическую картину: “The novel, even when written for adaptation by film, necessarily wishes the latter’s eclipse and death, and seeks to demonstrate the debility of a medium that has to rely on a literary “original”. But at one and the same time film believes that its triumphant incorporation of the literary and linguistic hypotext into itself, in a generic cannibalism or anthropophagy, sufficiently enacts its primacy in the visual age...” [True to the Spirit: Film Adaptation and the Question of Fidelity, 2011: 232].

С нашей точки зрения, говоря о соревновании, Джеймисон формулирует свое представление об актуальном сегодня эффекте адаптации: она должна рождать в зрителе чувство, что разные медиа друг с другом соперничают, что фильм стремится «победить» роман, а режиссер «заткнуть за пояс» классика.

Подобный эффект вполне может возникать от фильмов голландского режиссера Марлен Горрис (р. 1948); она работает на территории авторского кино, обладает достаточно радикальным визуальным воображением, придерживается феминистских взглядов. Именно к режиссерам-авторам, *auteurs*, в полной мере относится метафора соревнования, соперничества, преодоления классика своим оригинальным видением. Не случайно Джеймисон, разра-

бывая эту метафору соревнования, в качестве примера выбирает киноадаптацию романа С. Лема А. Тарковским («Солярис», 1972). Тем не менее нам представляется важным показать, что в случае с фильмами Горрис эффектом адаптации становится не присвоение классики, не ее эксплуатация, а то, что мы предлагаем называть расширением литературы.

Горрис (позволим себе вообразить авторскую интенцию, пусть и, впадая, до известной степени, в «заблуждение об авторских намерениях») явно стремится не соревноваться, а сотрудничать, «кооперировать» с литературным оригиналом, как бы задавая вопрос, что способна она добавить к уже сделанной творческой работе (тексту В. Вулф). Как тактичный соавтор, Горрис втягивает в орбиту своего режиссерского языка стилистику, настойчиво напоминая о себе в контексте адаптации британской классики — *the heritage film*¹ (антикварный фильм). В результате встречи авторского стиля Горрис, данной стилистики и текста Вулф происходит увеличение количества смыслов, усложнение смыслов. Происходит то, что мы предлагаем называть расширением литературы посредством режиссерской чувствительности (вовлекающей зрительскую чувствительность) и медийного контекста.

Итак, для того чтобы говорить о эффекте расширения, мы предлагаем сместить приоритеты со «сравнения» фильма с литературным оригиналом (так исследования киноадаптаций были устроены еще совсем недавно) на проблематизацию места адаптации в кинотрадиции (антикварный фильм), а также в творчестве конкретного режиссера. Именно так, с нашей точки зрения, литературный классик продолжает жить в медийном ландшафте: как исходная субстанция, трансформированная медийным контекстом и новым автором.

Соответственно в данной статье — три части. Первая посвящена ключевым аспектам «антикварного фильма» и доказательству того, что фильм М. Горрис успешно вписывается в данную «комфортную» для восприятия стилистику. Во второй части рассматривается специфика радикального режиссерского воображения Горрис, создающего для зрителя зону дискомфорта. В третьей части ставится вопрос о том, как режиссерское воображение вступило в реакцию

¹ Устоявшегося русскоязычного аналога термина *the heritage film* нет. Имея в виду, что *heritage* — это «культурное наследие», признаем, что перевести этот термин довольно сложно. В «Кино США: режиссерская энциклопедия» в статье А. Дорошевича предложено использовать термин «культурное наследие» «в связи с фильмами Айвори» [Кино США: режиссерская энциклопедия, 2015: 7]. Во время дискуссии на круглом столе «Классик в современном медийном ландшафте: “случай В. Вулф”» (МГУ, 27 апреля 2018 года), Н.И. Рейнгольд предложила переводить термин *the heritage film* как «антикварный фильм» (другой предложенный вариант — «музейный фильм»). Мы будем придерживаться термина «антикварный фильм».

со стилистикой антикварного фильма. Каковы смысловые сдвиги, появившиеся в авторском фильме, оказавшемся на территории антикварного кино?

Фильмы по текстам Вулф сделаны в 1980—1990-е годы: телефильм «На маяк» (1983) британского режиссера К. Грегга, оскароносный «Орландо» (1992) британки С. Поттер и, наконец, «Миссис Дэллоуэй» (1997) М. Горрис. Фильмы появились тогда, когда в британской киноиндустрии закрепился финансово беспроблемный инструмент адаптации британской классики.

Антикварный фильм снимается в Великобритании в 1980 — первой половине 1990-х годов². Данная стилистика получает поддержку в период правления М. Тэтчер. Это исторический, костюмный фильм, с ностальгической окраской воссоздающий ценности «прошлого», подлинно британское (*britishness*). Время и место действия, определяющее характер визуальных ожиданий зрителя (интерьеры, костюмы), — Великобритания до Первой мировой войны и между двумя мировыми войнами. Фильм предполагает возможность эскапистской реакции со стороны современных зрителей, обращающих свой взгляд к условно «беспроблемному» времени британской имперскости. В фильмах воспроизводится модель прошлого, которое легко «усваивается», не беспокоит, нравится. С этим «посланием» антикварного кино связана критика в адрес стилистики (об этом пишет, в частности, К. Монк); отсюда — несколько негативная окраска англоязычного термина *the heritage film*.

Попутно замечу: антикварное кино расцветает на фоне все уменьшающихся американских инвестиций в кинематограф Великобритании (270 млн долл. в 1986 г.; 49 млн долл. в 1989 [Colón Semenza, Hasenfratz, 2015:323]). Самые громкие фильмы, традиционно причисляемые к антикварным, — ленты Дж. Айвори по романам Э.М. Форстера «Комната с видом» (1985), «Морис» (1987), «Хауэрдс Энд» (1992). Другое важное режиссерское имя — Ч. Старридж («Куда боятся ступить ангелы» 1991 г. по роману Форстера; «Пригоршня праха» 1988 г. по роману И. Во).

Отметим, что стилистика «антикварного фильма» продолжает очень влиятельную традицию американской и британской киноиндустрий — фильмов, «перемещающих» зрителя в романтизированное прошлое, пользующихся возможностями костюмной исторической драмы, снятой частично в исторических декорациях, частично на фоне живописных английских ландшафтов. В разное время такого рода фильмы носили разное наименование. В 1930-е годы эту нишу занимали так называемые *the prestige films* («Грозовой перевал» 1939 г.

² В данной статье мы намеренно достаточно узко понимаем термин «антикварный фильм», поскольку не можем согласиться с его размытым употреблением.

У. Уайлера, «Джейн Эйр» 1943 г. Р. Стивенсона). Термин *the prestige film* применяется к классическим британским и голливудским адаптациям текстов, занимающих высокое положение в западном каноне. Мы предлагаем переводить этот термин как «классические адаптации». 1960–1970-е — время популярности так называемых *Panavision adaptations*, если воспользоваться удачным, на наш взгляд, термином К. Сименцы и Б. Хейзенфрэца («Лоренс Аравийский» 1962 г. Д. Лина, «Вдали от обезумевшей толпы» 1967 г. Дж. Шлезингера, «Жюстин» 1969 г. Дж. Кьюкора, «Грозовой перевал» 1970 г. Р. Фуэста, «Влюбленные женщины» 1969 г. К. Рассела, «Дуэлянты» 1977 г. Р. Скотта). «Panavision» — американская компания, совершившая ряд революций в киноиндустрии. В частности, компания стала производить инновационные анаморфотные объективы, повлиявшие на динамичное распространение широкоэкранного формата в середине 1950-х годов. *Panavision adaptations* — это адаптации, созданные в системе «Panavision», следовательно, с использованием широкоэкранного формата, высококачественной цветной пленки, что позволяло в полной мере использовать возможности натурных съемок, делать акцент на живописность, великолепие ландшафтов, погружать зрителя в созерцание кинематографических картин.

Таким образом, стилистика антикварного фильма заявляет о себе на фоне развитой традиции зрелищных адаптаций британской классики.

Дж. Айвори (р. 1928) — американский режиссер, обычно работающий с одной творческой командой и снимающий свои известные антикварные ленты на средства продюсерской компании И. Мерчанта. Интересно, что в команде Айвори, визуализирующей британскую имперскость, важную роль играет своеобразный индийский «след»: Мерчант — индеец по происхождению; автор сценарных адаптаций — Р. Правер Джабвала, происходящая из семьи польских эмигрантов, более двадцати лет жила в Индии, замужем за индийским архитектором. Можно утверждать, что антикварный фильм Айвори — это своеобразная мимикрия под британское, оказавшаяся в глобальном пространстве достаточно убедительной.

Структура антикварного фильма Айвори предполагает коллективного субъекта, важность диалога в развитии повествования, медленный темп развития действия.

Особое внимание в стилистическом решении уделяется кино-мизансцене (совсем мало —экспериментам с монтажом и звуком). Мизансцена должна создать своеобразное «музейное пространство» (*heritage space* в терминологии Э. Хигсона): объекты словно выставлены напоказ, а не функциональны. Хигсон сравнивает антикварный фильм со шкатулкой (*jewel box*), в которой сложены драгоценности

культурного наследия. Если уместно вспомнить метафору кинематографа как окна (с ней подробно работает Т. Эльзессер в работе «Теория кино. Глаз, эмоции, тело»), то можно сказать, что в антикварном фильме экран — это не окно, а витрина магазина (*window* заменяется *shop window*), где выставлены интересующие покупателя/зрителя объекты.

Яркой иллюстрацией такого пространственного решения является сцена сватовства Сесила Вайза (Д. Дэй-Льюис) к Люси Ханичерч (Х. Бонэм Картер) из ленты Айвори «Комната с видом». Зритель получает возможность рассмотреть все детали кадра: сначала, на общем плане, дом в английском провинциальном городе, лужайку, по которой гуляет лошадь, затем пространство сада рядом с домом, цветущую белую розу на переднем плане, декорирующую архитектурный элемент — небольшой фонтан или каменную кормушку для птиц, колонну. В пространство сада вписана пара центральных персонажей фильма. Затем действие перемещается в интерьер дома, представленный столь же подробно: портьеры, через которые проникает солнечный свет, мебель, кресла с вышитыми подушками, стеклянные графины разных размеров на переднем плане, ширма, книги, черепаха, скелет (у Форстера в этой сцене Фредди (Р. Грейвз) штудировал учебник по анатомии), бюст и статуэтка на книжной полке.

Среди несколько видов удовольствий, которые испытывает зритель, смотрящий такое кино, К. Монк, ключевой исследователь аудитории антикварного фильма, особо выделяет визуальное удовольствие от мизансцены и аутентичных деталей. Что касается другого важного компонента мизансценической «шкатулки», актеров и актерской игры, Монк утверждает, что реакция на нее связана с оценкой, формированием зрительского суждения о качестве (*appreciation*) игры, а не с вовлечением (*engagement*) в разыгрываемый увлекательный сюжет, эмоциональное сопереживание героям. Основной эффект антикварного фильма, по мнению Монк, — это ощущение хорошего качества, которое появляется у зрителя.

Адаптация в стилистике антикварного фильма — тот вид адаптации, который дарит зрителю подтверждение его хорошего вкуса, правильного выбора фильма, литературный материал поддерживает эту «качественность» и «правильность» выбора. Это — респектабельная адаптация, просмотр которой становится в данном случае ценностью самой по себе. Стилистика антикварного фильма осуществляет редукцию классического до качественного, престижного и респектабельного.

Изобразительный ряд фильма Горрис вписывает «Миссис Дэллоуэй» в стилистику. В фильме играют актеры, ярко проявившие

себя в антикварных фильмах Айвори, — В. Редгрейв (в роли Миссис Дэллоуэй), Р. Грейвз (в роли С. Уоррена Смита). Особое внимание к костюмам и деталям реквизита, характер натуральных и интерьерных съемок напоминают музейный антураж британских лент по текстам Форстера и Г. Джеймса.

Зеленые английские лужайки, белые платья девушек, светлые костюмы мужчин; свободное время, протекающее за чтением, чаепитиями, садоводством и вечерними прогулками в саду, — все это визуальные эмблемы британского культурного наследия, которые воспроизводились в фильмах Айвори словно независимо от прихотливых сюжетов Форстера и Джеймса. Зритель отмечает присутствие этих эмблем в фильме Горрис, оказывается на территории хорошо знакомых антикварных мизансцен, которые несут ощущение комфорта и стабильности.

Взгляд зрителя приглашают любоваться изображением. Важность зрения-удовольствия подчеркивается в фильме за счет повторяющейся мизансцены, в которой Кларисса стоит перед зеркалом. С одной стороны, взгляд женщины в зеркало — это способ вывести на первый план мысль о движении времени, изменениях, столь заметных во внешности. С другой стороны, взгляд Клариссы в фильме вряд ли является только регистрирующим ход времени, сожаляющим, критическим. Она часто смотрит на себя в зеркало, потому что ей это нравится: любование собой в течение дня — подготовка к вечернему празднику, где каждый также любит себя и друг другом. Мизансценические особенности фильма, работа художника-постановщика (Д. Риченс), художника по костюмам (Дж. Пеппердин) — это приглашение рассматривать живописные визуальные детали, адресованное зрителю. Другой вид взгляда, который актуализируется фильмом, — это скользящий элегантный взгляд, носителем которого также является Кларисса. Вулфианский мотив прогулки становится в фильме мизансценическим приемом, позволяющим персонажам планировать по городу, а их взглядам скользить по городскому пространству. Параллельно это путешествие взгляда становится достоянием зрителя, который в процессе просмотра антикварного фильма балансирует между статичными (детали интерьера) и динамичными (движение камеры) визуальными удовольствиями.

Для искушенного зрителя, знакомого с творчеством Горрис, эти черты фильма, его элегантное кинописьмо — некое нарушение, отклонение от привычных тематических и стилистических решений.

Как правило, голландка Марлен Горрис обращается к теме женской ситуации в мире мужского доминирования. Например, в 1982 г. внимание привлек ее первый фильм «Молчание Кристины М.», где

трое незнакомых друг с другом женщин совершают убийство владельца магазина, который одну из них обвинил в мелком воровстве. Абсурдность ситуации, замалчивание сути конфликта приводят адвоката этих женщин к необходимости пересмотреть собственную жизненную линию. Другой радикальный фильм Горрис, «Разбитые зеркала» (1984), строится вокруг ситуации в амстердамском публичном доме и, согласно жанровому обозначению на сайте IMDb, должен восприниматься аудиторией как психологический триллер. Зрительские ожидания, сформированные лентами Горрис, как кажется, абсолютно не оправдываются, когда мы смотрим ее адаптацию «Миссис Дэллоуэй».

Наибольшую важность для моей интерпретации представляет оscarоносный фильм Горрис «Антония», через который я и буду «читать» адаптацию текста Вулф. Фильмы разделяет всего два года; мы предполагаем, что, оглядываясь на литературный материал, Горрис занимается сходными, интересными ей вопросами.

Фильм 1995 г. «Антония» — своеобразная семейная сага, разворачивающаяся на фоне голландских ландшафтов. События саги далеки от идиллического фона, который являет ландшафт. Действие строится вокруг истории семьи, представленной пятью поколениями женщин. Глава семьи, Антония, умеет твердо гнуть «свою линию», сталкиваясь с самыми разными тяжелыми событиями, которые выпадают на долю ее матери, дочери, внуки. Феминистские взгляды Горрис проявляются в этой ясной, самостоятельной, цельной фигуре Антонии и других женщин, в противоположность образам многих мужчин (отвратительные сельские садисты).

В интерпретации «Миссис Дэллоуэй» сквозь призму «Антонии» важны два аспекта повествовательной структуры фильмов — сюжетный и стилистический.

«Диалог» на уровне сюжетной структуры кажется достаточно явным. В обоих фильмах представлен один день из жизни немолодой женщины. Связное повествование об этом дне постоянно прерывается воспоминаниями (более развернутыми в «Антонии», более точечными в «Миссис Дэллоуэй»). В финале, в который раз пережив свое прошлое, героиня находит некое успокоение. Антония — в смерти: она умирает в окружении своей большой, сложно устроенной семьи, сумев сделать главное: осуществить свой жизненный проект, начертить «линию Антонии». Кларисса — в приятии жизни, пусть еще на один день. Таким образом, на уровне сюжета в обеих лентах важны рамочная структура, временные перемещения, переключения зрителя от одного возраста героини к другому. В «Миссис Дэллоуэй» центральную роль исполняют две актрисы: В. Редгрейв

и Н. Макэлхоун. Перемещение героини в прошлое, в пространство воспоминания маркировано в фильмах сходным образом.

Прием двойной экспозиции, размытого фокуса — более чем традиционен при изображении перехода в пространство воспоминания. Тем более важно, что Горрис воспроизводит формальное клише, за которое «зацепится» зрительский взгляд, которое отметит важность рамки «настоящего» вокруг «прошлого».

Стоит заметить, что благодаря такому растиражированному приему «точка входа» в прошлое как будто бы четко обозначена. Этого нельзя сказать о моменте возвращения в настоящее: оба фильма работают с темой размывания четких границ между «было» и «есть». К финалу в обеих лентах важно подчеркнуть соприсутствие в сознании героинь прошлого и настоящего. Эта идея зрительно представлена в эпизодах танца. Кларисса меняет танцевальных партнеров, балансируя между Дэллоуэем и Питером Уолшем, в результате через сцену танца «просвечивает» стоп-кадр, возвращающий в прошлое. Отметим, что в тексте Вулф нет танцевального эпизода; он абсолютно невозможен, поскольку на вечере у Клариссы гости проводят время за беседой, а для танцев (это даже особо подчеркивается) просто нет места. В фильме «Антония» постаревшая героиня принимает в сцене свой прежний облик и танцует с покойным мужем (для усиления метафоричности сцены Горрис «оживляет» в ней нескольких уже умерших персонажей фильма).

В визуальной структуре фильма существенное место занимает повторяющийся элемент: мизансцена «женщина у открытого окна». В фильме «Антония» есть второстепенный персонаж — безумная, воющая из окна на луну. Ее зовут «полоумная Мадонна» (Malle Madonna). В «Миссис Дэллоуэй» у открытого окна оказывается Кларисса, произносящая внутренний монолог о возможности самоубийства; она останавливает себя и возвращается к гостям.

Оставив в стороне интерпретацию выбора прозвища полоумной Мадонны (оно связано с близкой Горрис темой католических неврозов, искажений человеческой природы католицизмом), обратим внимание на собственно кинематографический момент, на визуальную рифму. Окно помещает обеих женщин в рамку, в «картину», приковывает к ним зрительский взгляд. Открытое окно также ведет к важной мысли: обе женщины не остаются за стеклом как посторонние наблюдатели, они открывают окна, чтобы обратиться к окружающему миру, дать зазвучать своему голосу. В тексте Вулф Кларисса выступает именно наблюдателем, смотрит на пожилую даму в окне напротив. В фильмах же в ситуации общения с окружающим пространством героини ведут себя, по сути, сходно. Полоумная Мадонна не говорит, она только «подает голос» живот-

ного отчаяния. Кларисса говорит, но не вслух, она произносит развернутый внутренний монолог, напоминая зрителю о том, что внутренняя речь, обращенная к себе, в целом свойственна Клариссе. Присутствующая в фильмах визуальная рифма развивает любимую тему Горрис — женского молчания, нежелания или невозможности говорить о себе.

Тематические переключки между фильмами демонстрируют то, как Горрис читает текст Вулф, какие его аспекты становятся для нее доминантами. Горрис-режиссер навязывает зрителю свое визуальное прочтение, осуществляя то расширение литературы, которые является объектом нашего внимания.

Перейдем от обсуждения элементов повествовательной структуры к некоторым особенностям авторского стиля Горрис. Его характерной чертой является нарушение нарративной связности посредством коротких гротескных эпизодов, предъявляющих субъективное видение персонажей. Например, в фильме «Антония» дочь главной героини, художница Даниэла, трансформирует реальность своим взглядом. Сцена отпевания бабушки в католическом храме прерывается ее «восстанием» из гроба: она поднимается в гробу и начинает петь популярную американскую песню конца 1920-х годов “My Blue Heaven”, что подхватывает хор (отметим тонкую нюансировку музыкального решения сцены, в которой зритель свободно переключается от одной голосовой гармонии к другой). Другой яркий пример, ставший визуальной эмблемой фильма: школьная учительница, в которую с первого взгляда влюбляется Даниэла, превращается в боттичеллевскую Венеру («Рождение Венеры»).

В «Миссис Дэллоуэй» такие элементы киноповествования закрепляются за фигурой как Септимуса (он видит погибшего на войне товарища), так и Клариссы (ей мерещится Септимус). Ярко иллюстрирует галлюцинации Септимуса эпизод, в котором посреди лондонского парка навстречу ему движется погибший Эванс, раненый, в испачканной форме. “Evans, for God’s sake, don’t come”, — кричит Септимус, Эванс взрывается, из клубов дыма появляется тихо смеющаяся пара гуляющих горожан.

Таким образом, «чтение» киноадаптации Горрис через двойную оптику (антикварного кино и авторского стиля) позволяет сделать вывод о том, как работает auteur с литературной классикой. Горрис пользуется противопоставлением визуальных эмблем своего стиля и эмблем антикварного фильма, чтобы реализовать важный для нее конфликт между радикальным и традиционным, феминистским и феминным.

Этот конфликт необходимо представить по нескольким причинам. Горрис работает с вулфианским историческим контекстом.

В романе Вулф представлен мир после Первой мировой войны. Септимус Уоррен-Смит, страдающий от посттравматического синдрома, — отголосок этой войны. Воссоздавая исторический контекст, Горрис изображает мир, который балансирует на грани установившейся вновь гармонии и памяти о страшных событиях войны.

Горрис также касается вопросов становления современной женственности. Визуальные приметы антикварного кино, с его акцентом на материальной культуре прошлого, красоте костюмов, ландшафтов и интерьеров, — все это связывается с женственным, феминным началом, а также с представлением о безопасности. Это то, что по сюжету выбирает миссис Дэллоуэй. Визуальные черты авторского стиля Горрис, маркирующие проблемные темы (безумие, смерть, запретный секс), — это территория смыслового риска, опасности, того, от чего Кларисса закрывается, но что современная женственность, по Горрис, должна уметь охватить.

Диалог между авторским стилем и антикварным кино передает зрителю вулфианское ощущение шаткого баланса между внутренним дискомфортом и внешним комфортом, между страхом и уверенностью, мгновенными вспышками чувственных реакций и сдержанностью, интенсивными, наполненными мгновениями и повседневной рутинной.

Подключение к нашему разбору фильма «Антония» позволяет указать на некий смысловой сдвиг, который происходит в «Миссис Дэллоуэй» благодаря интерпретации Горрис.

«Антония» образует интересное высказывание, в частности, потому, что Горрис создает там некую новую модель семьи, по-своему радикальную. В доме Антонии, за одним столом, находится место для всех: ее нового мужа, его многочисленных сыновей, бывшего священника, живущего теперь мирской жизнью, двоих деревенских дурачков, подруги ее дочери, деревенского мудреца и книжника. Этих людей объединяют общие ценности: все они готовы принять другого человека, каким бы он ни был. Однако такая семья не выглядит как что-то ультрасовременное (в своей толерантности), а словно возвращает зрителя к первобытным представлениям о жизни племени, совместном сосуществовании в простых земных заботах. Антония, по логике Горрис, берет на себя заботу о своей семье, парадоксальным образом возрождает ценности матриархата. Она — деревенская матрона, почти «мать-земля», рожающая, питающая, защищающая. Как кажется, все персонажи фильма подспудно принимают эти языческие представления, а также подчиняют свою жизнь природным циклам (сенокос, сбор урожая, уход за скотом).

Смысловой акцент на центральной роли женщины, безусловно, есть и в «Миссис Дэллоуэй». Но именно «Антония» позволяет

увидеть в этой киноверсии текста Вулф настойчивое утверждение женской витальности, несомненную важность того, что делает Кларисса. Она не просто устраивает вечер: все персонажи из прошлого Клариссы, все ее гости, даже погибший Септимус (через рассказ врача Брэдшоу) собираются на ее празднике как вариант странной семьи, существующей по ее законам. Собрание в семью — это женский импульс, который Горрис фиксирует и утверждает на материале текста Вулф. В интерпретации Горрис этот импульс есть способ организации именно женской жизни, а также вариант противостояния мужскому доминированию.

Подробный разбор конкретного «случая» киноадаптации демонстрирует важный для нас факт: тщательное прочтение киноверсии, акцент на ее связи с кинематографическим контекстом позволяет видеть в практике адаптирования то, что мы называли расширением литературы. Режиссер авторского кино оказывается тем читателем, который, пропуская текст сквозь призму своего воображения, неизбежно расширяет сферу литературного, напоминая о том, что литература — практика, которой тесно в своих рамках, которая не признает своих границ, постоянно стремится к их преодолению.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 447–483.
2. *Венедиктова Т.Д.* Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М., 2018.
3. *Вулф В.* Миссис Дэллоуэй / Пер. Е. Суриц // Вулф В. Избранное. М., 1989. С. 25–166.
4. *Дорошевич А.Н.* Айвори Джеймс // Кино США: режиссерская энциклопедия. М., 2015. С. 7–9.
5. *Рейнгольд Н.И.* Английская литература модернизма: История. Проблематика. Поэтика. М., 2017.
6. *Cartmell D.* Adaptation as Exploitation // Literature/Film Quarterly. Vol. 45. 2017. № 2. Точка доступа: URL: http://www.salisbury.edu/lfq/_issues/first/adaptation_as_exploitation.html (accessed: 24.08.2018).
7. *Colón Semenza G.M., Hasenfratz B.* The History of British Literature on Film, 1895 — 2015. N.Y., L., 2015.
8. *Elsaesser T. Hagener M.* Film Theory: An Introduction through the Senses. N.Y.; L., 2015.
9. *Higson A.* English Heritage, English Cinema: Costume Drama Since 1980. N.Y., 2003.
10. *Ingersoll E.G.* Screening Woolf: Virginia Woolf on / and / in film. Fairleigh Dickinson University Press, 2017.

11. Monk C. Heritage Film Audiences: Period Films and Contemporary Audiences in the UK. Edinburgh, 2011.
12. Sanders J. Adaptation and Appropriation. N.Y.; L., 2006.
13. The Routledge Companion to Adaptation. Abingdon, N.Y., 2018.
14. True to the Spirit: Film Adaptation and the Question of Fidelity / Ed. by C. MacCabe, R. Warner, K. Murray. N.Y., 2011.
15. Woolf V. Mrs. Dalloway. L., 1925.

Polina Rybina

THE EFFECTS OF FILM ADAPTATION: HERITAGE FILM, *MRS. DALLOWAY*, AND MARLEEN GORRIS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article delves into contemporary film adaptation studies, which were previously concerned with privileging literary texts over their film (and other media) ‘replays’, discussing how far filmmakers can stretch their imaginations and how a new film adaptation correlates with other adaptations. The article illustrates how new filmmakers and new media contexts expand the viewer’s perception of an adapted text. Marleen Gorris, a feminist director with a radical visual imagination (*A Question of Silence*, 1982; *Antonia’s Line*, 1995) adapts V. Woolf’s classic text (*Mrs. Dalloway*, 1997) and makes a seemingly traditional heritage film rhyming with the media context – I. Merchant and J. Ivory productions (*Howards End*, 1992). The article shows how Gorris’s *Mrs. Dalloway* reveals its potential when read both through the lens of the heritage film style and the previous filmmaker’s work, *Antonia’s Line*.

Key words: film adaptation; media landscape; the effect of film adaptation; heritage film; auteur adaptation; M. Gorris; J. Ivory; V. Woolf.

About the author: Polina Rybina — PhD, Senior Lecturer, Department for Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: rybina_polina@mail.ru).

References

1. Bakhtin M.M. *Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana)* [Epic and Novel: Towards a Methodology for the Study of the Novel]. In: *Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1975. S. 447–483.
2. Venediktova T.D. *Literatura kak opyt, ili “Burzhuaiznyi chitatel” kak kulturnyyi geroi* [Literature as Experience, or ‘Bourgeois Reader’ as Cultural Hero]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2018. 280 p.

3. Woolf V. *Mrs. Dalloway*. [*Mrs. Dalloway*] Per. [Trans. by] E. Surits. In: Woolf V. Izbrannoe [Selected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. S. 25–166. (In Russ)
4. Doroshevich A.N. *Ivory James*. Kino Soedinennyh Shtatov Ameriki: Rezhisserskaya Entsiklopedia [Film Art in the USA: Directors]. Moscow: VGIK, 2015. S. 7–9.
5. Reingold N.I. *Angliiskaya literatura modernisma: Istoriya. Problematika. Poetika* [English Modernism: Its Historical, Theoretical and Literary Aspects]. Moscow: RGGU Publ., 2017. 780 p.
6. Cartmell D. *Adaptation as Exploitation*. In: *Literature/Film Quarterly*. Vol. 45. № 2, 2017. URL: http://www.salisbury.edu/lfq/_issues/first/adaptation_as_exploitation.html (accessed: 24.08.2018).
7. Colón Semenza G.M., Hasenfratz B. *The History of British Literature on Film, 1895–2015*. N.Y., L.: Bloomsbury Academic, 2015. 488 p.
8. Elsaesser T. Hagener M. *Film Theory: An Introduction through the Senses*. N.Y.; L.: Routledge, 2015. 246 p.
9. Higson A. *English Heritage, English Cinema: Costume Drama Since 1980*. N.Y.: Oxford UP, 2003. 296 p.
10. Ingersoll E.G. Screening Woolf: Virginia Woolf on / and / in film. Madison (WI): Fairleigh Dickinson UP, 2017. 198 p.
11. Monk C. *Heritage Film Audiences: Period Films and Contemporary Audiences in the UK*. Edinburgh: Edinburgh UP, 2011. 248 p.
12. Sanders J. *Adaptation and Appropriation*. N.Y.; L.: Routledge, 2015. 254 p.
13. *The Routledge Companion to Adaptation*. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2018. 422 p.
14. *True to the Spirit: Film Adaptation and the Question of Fidelity*, ed. by C. MacCabe, R. Warner, K. Murray. N.Y.: Oxford UP, 2011. 264 p.
15. Woolf V. *Mrs. Dalloway*. L.: The Hogarth Press, 1925. 293 p.

ИЗ АРХИВА

А.С. Красникова

«УЛЯЛАЕВЩИНА» В СЕМЕЙНОМ АРХИВЕ ИЛЬИ СЕЛЬВИНСКОГО

*Миланский католический университет Святого Сердца
20123, Италия, Милан, Ларго Джемелли 1*

Текстология «Улялаевщины» Ильи Сельвинского (1899–1968) на настоящий момент исследована очень мало. Одно из главных его произведений, поэма была написана в 1924 г., впервые опубликована в 1927-м, вышла тремя изданиями в 1930-х годах, а затем была кардинально переписана и появилась, с прежними заглавием и датировкой (1924), в собрании сочинений Сельвинского, выпущенном в 1956 г.

В статье рассказывается об одном из этапов реконструкции истории «Улялаевщины» — работе с материалами, хранящимися в семейном архиве Сельвинских. В 1970-е годы многие документы из семейного архива были переданы в РГАЛИ, но значительная часть осталась дома, и подробной описи всего, что там находится, еще не существует, ее лишь предстоит сделать. Сейчас же мы изучили все книги, рукописи и машинописи, имеющие отношение к «Улялаевщине», составили их перечень, выдвинули предположения о датировках разных версий поэмы и генетических связях между найденными текстами. Среди прочего в семейном архиве были обнаружены: первое типографское издание одной из глав поэмы (1924) — и один из самых ранних авторизованных текстов «Улялаевщины»; черновик второй редакции — Сельвинский перекраивал и переписывал поэму прямо в экземпляре первого издания (1927); три черновика, предположительно представляющие неизвестную и неопубликованную редакцию эпоса; черновик и беловики «Улялаевщины», вышедшие в 1950-е годы; черновик текста, в котором Сельвинский говорит о месте «Улялаевщины» в русской литературе, обосновывает ее переделку и объясняет систему идей и образов нового текста.

Ключевые слова: Илья Сельвинский; «Улялаевщина»; текстология русской литературы XX в.; варианты и редакции, архивные исследования.

Наследие Ильи Сельвинского, по крайней мере, его основная часть, хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и семейном архиве в Москве. Если фонд

Красникова Анна Сергеевна — аспирант факультета иностранных языков и литературы Католического университета (Милан, Италия) (e-mail: anna.krasnikova@gmail.com).

Сельвинского в РГАЛИ описан полностью, то семейный архив, который находится в Москве и который сейчас хранит его внучка Оксана Васильевна Некрасова, практически не описан и не изучен. Между тем о существовании некоторых автографов, найденных относительно недавно и относительно случайно, никто не подозревал. Так, например, в 2004 г. падчерица Сельвинского Цецилия Александровна Воскресенская обнаружила рукопись короны корон сонетов «Ублюдок». До этого было известно, что Сельвинский принимался писать эту корону корон в 1919 г., но считалось, что, едва начав, он сразу же ее бросил, и текста не сохранилось. Между тем в найденных тетрадах содержится 65 сонетов, т.е. треть задуманного, и планы всего произведения¹.

Занимаясь реконструкцией истории «Улялаевщины» — одной из важнейших поэм Сельвинского, которую он написал в 1924 г., а потом переделывал до 1960-х годов, — мы получили разрешение от О.В. Некрасовой исследовать материалы, имеющие отношение к поэме, и сделали их опись, которую представляем в настоящей статье.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию этих материалов, кратко остановимся на контексте: изложим историю поэмы, известную по печатным источникам², а также перечислим те документы, касающиеся «Улялаевщины», что хранятся в РГАЛИ.

Краткая история «Улялаевщины»

Сельвинский написал поэму в 1924 г., в 1925–1926 гг. ее отрывки были опубликованы в журналах и сборниках, и уже тогда она получила множество восторженных отзывов от коллег, критиков и простых читателей. В 1927 г. впервые издается полный текст отдельной книгой — в издательстве «Артель писателей “Круг”» [Сельвинский, 1927]. О популярности «Улялаевщины» свидетельствует и то, что вскоре появляются еще три издания в Государственном издательстве (позже переименовано в Государственное издательство художественной литературы: 1930, 1933 и 1935 гг. Тексты всех изданий содержат разночтения, но только в выходных данных книги 1930 г. написано о том, что это издание «исправленное и дополненное». Текст 1933 г. — вариант версии 1930-го, разночтения между ними незначительные, а вот текст 1935 г. отличается от текста 1933 уже более существенно — изъяты некоторые эпизоды, текст явно претерпел под влиянием цензуры или самоцензуры.

¹ Подробнее об «Ублюдке» см. [Красникова, 2010]; текст короны корон сонетов опубликован в 2011 г. в журнале «Наше наследие» [Сельвинский, 2011].

² До нас текстологией «Улялаевщины» никто не занимался. Первую предварительную публикацию об истории поэмы см. [Красникова, 2006].

После 1935 г. «Улялаевщина» долгое время не издавалась. А в 1948 г. все ее издания, кроме четвертого, были запрещены³ и впоследствии включены в «Сводный библиографический указатель устаревших изданий, не подлежащих использованию в библиотеках общественного пользования и книготорговой сети» (1951); запрет был отменен только в 1990 г.

В пятый раз «Улялаевщина» была опубликована в 1956 г. в двухтомнике «Избранных произведений» [Сельвинский, 1956: 283–417]. Однако текст, напечатанный в под прежним заголовком, со старой «Улялаевщиной» имел не так уж много общего: изменилась структура и объем (13 глав вместо 11), система персонажей и образов, сюжет, язык. При этом датирована поэма была 1924 г.

Сам Сельвинский так писал об этой переделке: «Успех “Улялаевщины” окрылил меня, но не ослепил. Читатель, увидевший в моей поэзии живых людей и реальные картины жизни, не заметил, а может быть, и простил поэме основной ее порок: подготовив холст, палитру и кисти для воплощения героя нашего времени, саму натуру знал я плохо. <...> В конце концов, спустя четверть века, я снова обратился к поэме и переписал ее наново» [Сельвинский, 1959: 337].

Издание 1956 г. было единственным прижизненным изданием новой «Улялаевщины». Затем текст, созданный в 1950-х годов, публиковался в собрании сочинений 1971 г. [Сельвинский, 1971: 25–158] и в «Избранных произведениях», вышедших в 1972 г. в «Библиотеке поэта» [Сельвинский, 1972: 365–504] — в подготовке обоих изданий Сельвинский успел принять участие. В 1989 г., после 54-летнего перерыва, была опубликована старая «Улялаевщина», версия 1933 г. [Сельвинский, 1989: 480–574]. Составитель сборника Игорь Михайлов называет текст 1933 г. «лучшим, вершинным текстом» и аргументирует это так: в этой версии «авторская правка уничтожила все длинноты и излишние натуралистические детали, а позднейшая, неудачная правка еще отсутствовала» [там же: 595]. В 2004 г. в сборнике, выпущенном издательством «Время», была напечатана версия 1930 г.; тут выбор текста не обосновывается никак, а во вступительной статье к книге лишь указывается, что существовали «ранняя» «Улялаевщина» и «поздние версии», которые проигрывали первой [Ревич, 2004: 8–9].

Очевидно, что исследование произведения — или произведений, если считать старую и новую «Улялаевщину» двумя разными произведениями, — с такой сложной историей, цензурными запретами нескольких изданий, путаницей в датировках и версиях, требует тщательного изучения архивных источников.

³ Приказом Главлита № 6 (269) от 30 января 1948 года. См. об этом [Блюм, 2003: 163].

«Улялаевщина» в РГАЛИ

В РГАЛИ документы Сельвинского хранятся в фонде 1160, из них четыре имеют непосредственное отношение к «Улялаевщине»; эти материалы были сданы в архив в 1975 г. вдовой Сельвинского (Берты Яковлевны не стало в 1980 г.).

Три архивных дела содержат версии «Улялаевщины», одно — планы и заметки к поэме:

1) «Улялаевщина». *Эпопея. Машинопись с правкой автора в тетради*. Оп. 1, ед. хр. 6. Крайние даты: февраль 1924 — март 1925. Количество листов: 126.

2) «Улялаевщина. Эпопея». *Главы 2 и 3. Автограф, машинопись*. Оп. 1, ед. хр. 7. Крайние даты: 1924. Количество листов: 14.

3) «Улялаевщина». *Эпопея. Машинопись с правкой автора*. Оп. 1, ед. хр. 8. Крайние даты: 1924. Количество листов: 123.

4) *Записные книжки с планами и заметками к «Пушторгу» и «Улялаевщине», записями адресов и для памяти, библиографическими выписками и пр.* Оп. 1, ед. хр. 88. Крайние даты [1925] — начала 1940-х.

Датировки и описания необходимо будет тщательно проверить, но уже при первом знакомстве с этими документами видно, что среди них действительно нет тех, что имели бы отношение к новой «Улялаевщине». Все это — источники и вспомогательные тексты «Улялаевщины» старой.

Перечень источников в семейном архиве

В семейном архиве Сельвинского были найдены следующие материалы:

1) Оттиск третьей главы (6 с.) — одной из центральных глав поэмы.

2—4) Три экземпляра книги 1927 г., два из них — с дарственными надписями и два — с незначительной правкой (каждый 148 с.).

5) Экземпляр издания 1927 г. с посвящением жене и значительной правкой чернилами (148 с.).

6—8) Три экземпляра книги 1935 г., все со значительной правкой (каждый 128 с.).

9) Машинопись версии 1933 г. (135 с.).

10) Машинопись 1950-х годов с правкой (117 с.).

11—12) Два переплетенных экземпляра машинописи 1950-х годов с правкой (каждый 172 с.).

13) Папка с черновиками и другими материалами старой и новой «Улялаевщины» (60 с.).

Если говорить о не тронутых правкой прижизненных изданиях «Улялаевщины», то в архиве был найден всего один экземпляр книги

1930 г., ни одного — 1933-го и несколько — собрания сочинений 1956 г.

1. Оттиск третьей главы

Четыре листа, отпечатанные типографским способом, скреплены небольшим гвоздем. На обороте последней страницы рукой Сельвинского написано:

НВ. Принято ЛЕФ'ом к напечатанию, но зарезано цензурой. В количестве 15 экз<емпляров> было тайно отпечатано наборщиками бывш<ей> Сытинской типографии и брошено по Москве и Л<ени>нграду. Принесено мне студентом Зелонжевым.

На первой странице до основного текста стоит заголовок: «“Уляла-евщина” (Роман)» и имя автора: «Илья Сельвинский». Поэма посвящена Б.Я. Абарбарчук — это значит, что текст напечатан до 24 ноября 1924 г., в этот день Берта Яковлевна Абарбарчук официально вышла замуж за Сельвинского и взяла фамилию мужа. На последней странице оттиска стоит датировка — «III. 1924» и место написания: «Ханская Ставка (Кирреспублика)». После посвящения и перед собственно текстом обозначен заголовок отрывка: «Глава 3-я».

Текст оттиска соответствует тексту третьей главы, опубликованной в книге 1927 г., однако с довольно большим количеством различий. Помимо замены некоторых слов в отдельных строках, в тексте 1927 г. некоторые строфы дописаны, некоторые вычеркнуты, а некоторые существенно переделаны.

2—4. Три экземпляра издания 1927 года без правки или с незначительной правкой

В первом экземпляре есть три правки красными чернилами — эти новые варианты будут присутствовать в более поздних изданиях.

Во втором экземпляре правки нет, а есть дарственная надпись сестре Генриетте:

Моему первому критику сестре Гитусе с нежной любовью
Илья
6/II.<192>7.
Москва

Третий экземпляр — с правкой и с дарственной надписью племяннице Розалинде:

Дорогой племяннице Розалинде — первый дар, открывающий серию тех, в которых поэты посвятят ей свои бессонные ночи.

Датирована надпись 24 декабря 1927 г.

В книге племянницы красными чернилами исправлено несколько опечаток, некоторые правки сделаны карандашом — в основном Сельвинский меняет или переставляет диакритики, которые он использовал, чтобы обозначать правильное чтение поэмы; он также усиливает имитацию казачьего говора: например, «драли» меняет на «дралы», «четыре» — на «чотыры».

5. Экземпляр издания 1927 года со значительной правкой

В четвертом экземпляре 1927 г. правки, наоборот, очень много. На странице с посвящением (поэма посвящена Б.Я. Сельвинской) красным карандашом написано «В. срочно!», приклеена почтовая марка, и стоит дарственная надпись черными чернилами:

Москва
Сытинский 6—3

Memento vivere!! И потом второе: кому бы ни принадлежало твое будущее — прошлое твое, хотя бы и недавнишнее, принадлежит мне.

И третье: люблю тебя так же, как и 9 мая, и никогда не переставал любить, но совершенно не представляю — как организовать «это».

Во всяком случае — «ни царь, ни бог и ни герой», будь он даже на правах члена правления Мясоцентра — не принесут тебе покоя.

Memento vivere.

Илья
31/I <192>7.

В доме 6 по Сытинскому переулку Сельвинские жили с ноября 1924 г., а 9 мая 1924 г. Берта Яковлевна ушла к Сельвинскому от первого мужа, так что дарственная надпись, очевидно, адресована жене. Благодаря инскрипту мы теперь знаем, что к 31 января книга не только вышла из типографии, но и была уже у автора.

Если книги сестры и племянницы, вероятно, попали в архив Сельвинского после того, как их не стало, то книга жены была у него под рукой всегда — и текст в ней стал объектом серьезной переделки.

Правки в этом экземпляре много, она сделана разными чернилами; Сельвинский дописывает и новые строфы, прямо на полях, иногда по периметру страницы. Видны как минимум два слоя изменений: в строки, строфы и отдельные слова, дописанные или переписанные чернилами, иногда вносится новая правка, часто красным карандашом поверх чернильной. В некоторых случаях рядом с основными чернильными вариантами стоят дополнительные, альтернативные варианты в скобках.

Всего в книгу вписана 41 строфа — и эти строфы есть в книжной версии 1930 г. Таким образом, мы видим работу над второй редакцией поэмы и знакомимся с одним из способов Сельвинского переделывать свои произведения: перерабатывать их прямо в книге; ниже мы увидим и другие примеры подобного подхода.

Правка поэмы концентрируется в определенных главах, частях глав, строфах и строках: похоже, что, решив изменить отрывок один раз, Сельвинский уже не может избавиться от сомнений, и снова и снова возвращается к одним и тем же местам, пытаясь их улучшить.

6—8. Три экземпляра издания 1935 г. с правкой

В своих воспоминаниях Ц.А. Воскресенская рассказывает, как Сельвинский переделывал свои тексты — «перечеркивал, перекраи-

вал, переклеивал»: «Я помню, как привезли ему только что вышедшую книгу — его роман “О, юность моя!”. Это было вечером, часов в семь-восемь; А наутро, когда я встала, он показал мне экземпляр уже перечеркнутый, перекроенный, переклеенный. И это было за год до смерти, когда силы его покидали. Он меня учил: “Если приходит новая мысль, не жалея конечного варианта, не бойся, переделывай и переписывай до самой последней секунды”» [Воскресенская, 2003: 38–39].

Три экземпляра книги 1935 г. — примеры именно такой переделки. Правки во всех много: вычеркнуты целые строфы и целые страницы; новые варианты вписаны между строк и на полях разными чернилами и карандашом; некоторые напечатаны на отдельных листах и потом вклеены в книги.

Во всех трех наблюдается один целенаправленный процесс: это черновики одной и той же версии, пусть в этих версиях и большое количество разночтений. Это все еще старая «Улялаевщина», однако в ней уже наблюдается движение в сторону новой. Так, например, в первой главе во всех трех экземплярах вписаны строфы, которые потом будут присутствовать в книге 1956 г. А в четвертой главе во всех экземплярах изменена сцена, в которой Улялаев насилует жену, причем в каждой версии свои изменения: от вычеркивания самых натуралистичных строк до переписывания большей части эпизода. Некоторые строфы, вписанные в этой сцене в один из экземпляров, появятся потом и в книге 1956 г.

Эти три черновика в экземплярах издания 1935 г., их отношения с предыдущими и последующими версиями поэмы должны быть детально изучены в отдельном исследовании.

9. Машинопись версии 1933 г.

В машинописи на 135 листах формата А4 карандашом и чернилами исправлены некоторые опечатки. На титульном листе обозначены имя автора, заглавие и жанр (эпопея). Текст датирован 1924 г., при этом почти полностью совпадает с текстом книжного издания 1933 г. Разночтения между текстами машинописи и книги редкие и несущественные (например, в книге строка «Но ныла в Улялаеве ссадина на сердце» в машинописи — «Но ныла у Улялаева ссадина на сердце»; в книге строка «Вырезал землицы десятины с две», а в машинописи — «Вырезал землицы десятины две»). На каждую главу приходится около 10 подобных несовпадений.

Машинопись лежит в семейном архиве среди материалов 1950–1960-х годов, бумага и набор печатной машинки выглядят более современными, чем могли бы быть в 1930-х годов. В сборнике воспоминаний о Сельвинском, вышедшем в 1982 г., Игорь

Михайлов, составитель тома в «Библиотеке поэта», рассказывает, что книгу они начали готовить в 1964 г., и Михайлов тогда убедил Сельвинского опубликовать старую «Улялаевщину», версию 1933 г., в разделе основных текстов, а в разделе «Другие редакции и варианты» — новую «Улялаевщину» [Михайлов, 1982: 350–351]. (Затем издательство отложило выпуск сборника, он вышел только в 1970-е годы, в переделанном виде, и в нем была напечатана лишь поздняя «Улялаевщина».) Возможно, машинопись, хранящаяся в семейном архиве, — тот самый текст, что Сельвинский готовил к публикации в «Библиотеке поэта».

Наша гипотеза подтверждается и тем, что это — единственная сохранившаяся машинопись с текстом 1930–1933 гг. и в семейном архиве, и в РГАЛИ. Первые три издания были запрещены цензурой, сам Сельвинский в 1950-х и первой половине 1960-х годов отрекался от второго и третьего, утверждая, что «варианты 1930 и 1933 гг. не имеют никакого значения»⁴ — и, вероятно, избавлялся от автографов того периода и даже от экземпляров книг, вернувшись к версии 1933 г. лишь в середине 1960-х годов.

10. Машинопись версии 1950-х годов с правкой

Машинопись представляет собой 188 страниц формата А4, каждая глава соединена скрепкой. На первом листе написано лишь заглавие «Улялаевщина» и жанр — «эпопея». На последней странице стоит датировка — 1924 г. Однако по тексту очевидно, что это черновик той «Улялаевщины», что впервые была опубликована в 1956 г. В нем уже новые структура, сюжет, система персонажей; большинство различий с книжным текстом незначительны; несколько наиболее крупных сводятся к несовпадению некоторых строф и строк.

В машинописи много чернильной и карандашной правки, практически вся правка остается потом и в издании 1956 г.

11–12. Два переплетенных экземпляра машинописи версии 1950-х годов с правкой

Эти машинописи — две копии, готовившиеся одновременно. Листы формата А4 склеены наподобие книги; на обеих обложках рукой Сельвинского сделана карандашная надпись: «Илья Сельвинский. “Улялаевщина”».

На титульных листах также имя автора, заголовок и жанр «эпопея». Со следующего листа начинается текст поэмы. На последней странице стоит датировка — 1924 г.

В обеих машинописях после страницы с номером 95 сразу идет номер 100.

⁴ Из письма к Э. Носковой, написанного 12 апреля 1964 г. и процитированного в примечаниях Олега Резника к собранию сочинений 1971 г. [Резник, 1971: 388].

В первой копии правка есть лишь на 11 страницах: всего в тексте вычеркнуто 14 строк, вписано 16; исправлена одна опечатка и заменены пять строк.

Во второй машинописи чернильной правки заметно больше: в основном это исправление опечаток, но есть и семантически значимые исправления, большая их часть сосредоточена в первой и десятой главах. Некоторая правка совпадает с правкой в первой копии. В целом же, хоть в тексте второй копии и находится несколько десятков разночтений с книжным текстом 1956 г., они носят локальный характер.

Самое значительное текстовое расхождение этих двух переплетенных копий, а также машинописи, о которой шла речь выше в п. 10, с текстом, опубликованным в 1956 г., находится в начале одиннадцатой главы. В машинописных версиях эта глава начинается с описания бегства улялаевцев от чекистов («Покуда кони бандитского штаба / Перелетали через ухабы»), а в книжной же версии в самое начало главы добавлены 11 строк, изображающих восход солнца над степью.

13. Папка с черновиками и другими материалами старой и новой «Улялаевщины»

В одной из папок содержатся черновики и отрывки новой «Улялаевщины»:

Первые несколько страниц поэмы. Текст лишь незначительно отличается от опубликованного в 1956 г.: в нем есть несколько опечаток и несколько мелких разночтений (8 с.).

Разрозненные черновики отрывков новой и старой «Улялаевщины» (36 с.).

Текст, написанный рукой Сельвинского, в котором объясняется причины создания и идеи новой «Улялаевщины» (6 с.). Из всей папки эти страницы представляют, на наш взгляд, наибольший интерес, и мы остановимся на них подробнее.

Текст написан синим и красным карандашами⁵ и фиолетовыми чернилами, которые иногда чередуются в одном абзаце; не понятно, возникло ли это чередование случайно, или каждый цвет что-то обозначает, или, может, отрывки разных цветов писались в разное время. Это план, состоящий из шести пунктов, и наброски к тексту, объясняющему, как устроена новая «Улялаевщина» и как она соотносится со старой. Очень вероятно, что Сельвинский готовил сопроводительное письмо в издательство, предлагая новую «Улялаевщину» для публикации. Но этот текст может быть и набросками к статье или выступлению.

⁵ Внучка Сельвинского Оксана Васильевна Некрасова в личной беседе говорила, что на его столе всегда были синий и красный карандаши.

В первую очередь Сельвинский определяет место «Улялаевщины» в мировой и русской литературе: начинает ряд с Гомера и Шекспира и, продолжая его «классическим русским эпосом», от Пушкина до Толстого и называет свою работу первым советским эпосом:

1) Классическая культура русского эпоса — владение характерами в их столкновениях (Гомер — Шекспир — Гете — Байрон → Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Толстой).

2) В XX в. утрачена: Бальмонт, Брюсов, Блок, Ахматова, Маяковский.

3) При советской власти поэмы лирические «Скифы», «Возмездие» или, если эпос, то один-единственный характер или вернее тип, образ: «Ленин», «150.000.000» Маяк., «Первое свидание» А. Белого, «Страна Муравия», «Василий Теркин». Исключение: «Анна Снегина».

<...>

4) Моя работа: 1-я эпопея «Улялаевщина». Впервые — образ большевика: Георгий Гай.

Затем называет старую «Улялаевщиной» «неудачей» и объясняет это отсутствием партийного опыта (Сельвинский вступил в партию в 1941 г.):

1-й вариант — неудача. Хотел, но не было партийного опыта. Гай получился — худосочный интеллигентишка. Его мне простили только потому, что тогда еще не умели изображать характеры в поэзии.

Основной чертой первых лет после революции называет «напряженное освоение марксизма в условиях гражданской войны и острых классовых столкновений». «В варианте 1 я это чувствовал, но справиться с этим не мог». В новой же «Улялавщине» все теоретические построения подчинены конкретной задаче — осмыслить и решить вопрос кулачества.

Это уже не теория ради теории: это теория во имя практики — насущный, злободневный, остро-политический вопрос: как понимать кулака, который экономически больше не кулак? Это в то же время и характер Георгия Гая: он об этом думает.

Описав переживания, размышления, поступки и характер нового Гая, Сельвинский объясняет, почему изменил образ главных и второстепенных героев.

Завершается текст списком лирических отступлений с номерами страниц, на которых они расположены:

V

Лирические отступления.

(Ради них я бы не переделывал вещь, но раз уж стал etc.)

Трудно писать о женской красе 49

Где взять мне той чудесной простоты 29

Слово! Нигде и никогда 33

Дружба мужчин и женская дружба... 114

Конь! Да ценим ли мы коня?

«Женщина в косах с отливом меди»... (Тициан) 125

Великие годы, но страшные годы... 151.

В своем объяснении новой «Улялаевщины» Сельвинский дает множество отсылок к тексту, указывая конкретные номера страниц, и эти номера полностью совпадают с колонцифрами двух переплетенных машинописей, о которых шла речь в пунктах 11–12. Возможно, эти машинописи действительно были теми экземплярами, которые Сельвинский подготовил, чтобы представить в издательство новую «Улялаевщину», снабдив их сопроводительной запиской с объяснениями и важного места «первого советского эпоса» в истории литературы, и отличий новой поэмы от старой.

Таким образом, среди материалов, хранящихся в семейном архиве Сельвинского, находятся:

1) Самая ранняя версия отрывка поэмы (третьей главы), напечатанная типографским способом, — эту версию можно с уверенностью датировать 1924 г.

2) Черновик второй редакции поэмы — возможно, единственный; сохранившийся благодаря тому, что Сельвинский работал над ним в книге 1927 г. (Несмотря на то, что и первое издание было запрещено цензурой, Сельвинский от него не отрекался, как отрекался от второго и третьего.)

3) Черновики, созданные после 1935 г. в экземплярах четвертого издания и, как мы считаем, представляющие работу над неизвестной и неопубликованной редакцией старой «Улялаевщины».

4) Черновики и беловики новой «Улялаевщины», по которым мы можем наблюдать за эволюцией текста 1950-х годов. Примечательно, что ни в РГАЛИ, ни в семейном архиве нет материалов, в которых бы прослеживался процесс переделки старой «Улялаевщины» в новую, — и это подтверждает наше предположение о том, что, возможно, корректнее считать «Улялаевщину» новым произведением, в котором обширно цитируется старое.

Список литературы

1. Блюм А.В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб, 2003.
2. Воскресенская Ц.А. Мои воспоминания. Симферополь, 2003.
3. Красникова А.С. Динамика печатного текста «Улялаевщины» И.Л. Сельвинского и связанные с ней текстологические проблемы // Лесная текстология: труды III летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. СПб, 2006. С. 94–100.
4. Красникова А.С. Неизвестная ранняя поэма И.Л. Сельвинского — корона корон сонетов «Ублюдок» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 6. С. 47–53.

5. Михайлов И.Л. Сельвинский в моей жизни // Воспоминания о Сельвинском. М., 1982. С. 341–355.
6. Ревич А. Седое с детства поколение // Сельвинский И.Л. Из пепла, из поэм, из сновидений. М., 2004. С. 5–20.
7. Резник О.С. Примечания // Сельвинский И.Л. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971–1974. Т. 2. 1971. С. 387–391.
8. Сельвинский И.Л. Улялаевщина: эпопея. М., 1927.
9. Сельвинский И.Л. Улялаевщина: эпопея. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1930.
10. Сельвинский И.Л. Улялаевщина: эпопея. 3-е изд. М., 1933 (обл. 1934).
11. Сельвинский И.Л. Улялаевщина: эпопея. 4-е изд. М., 1935.
12. Сельвинский И.Л. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1956.
13. Сельвинский И.Л. Черты моей жизни // Советские писатели: Автобиографии: В 2 т. Т. 2. М., 1959. С. 332–338.
14. Сельвинский И.Л. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1971.
15. Сельвинский И.Л. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1972.
16. Сельвинский И.Л. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
17. Сельвинский И.Л. Из пепла, из поэм, из сновидений. М., 2004.
18. Сельвинский И.Л. Ублюдок / Подготовка текста и примечания А.С. Красниковой // Наше наследие. 2011. № 99. С. 83–89.

Anna Krasnikova

ULJALAEVSHCHINA IN THE FAMILY ARCHIVE OF ILJA SELVINSKIJ

*Università Cattolica del Sacro Cuore di Milano
Largo Gemelli 1, 20123, Milano, Italia*

The history of *Uljalaevshchina* by Ilja Selvinskij (1899–1968) has been understudied. One of his main works, the poem was written in 1924, first published in 1927, and after that, in the 1930s, three more editions followed. Twenty years later the author remade the text fundamentally and published it in his first *Collected Works* in 6 volumes, leaving the old date, 1924. The paper discusses a step of the reconstruction of *Uljalaevshchina's* history, the work with the Moscow-based family archive. In the 1970s, many documents were handed to the Russian State Archive of Literature and Art, but far more still remained in the apartment of Selvinskij. There is no detailed description of the family archive and it is a matter of future studies to make it up. We have studied all the materials related to *Uljalaevshchina* by far, made up a list of them, suggested dating for the texts found and relationships between them, found one of the first printed copies of the poem (1924); drafts of the second version made right in one of the copies of the first edition; three drafts

which are presumably an unknown and unpublished version; drafts of the new poem of the 1950's; and a hand-written draft accounting for the new *Uljalaevshhina*.

Key words: Ilja Selvinskij; Uljalaevshhina; textual criticism; variants of a text; archival studies; 20th-century Russian literature.

About the author: *Anna Krasnikova* — PhD Student, Faculty of Foreign Languages and Literatures, Catholic University (Milan, Italy) (e-mail: anna.krasnikova@gmail.com).

References

1. Blium A.V. Zapreshchennye knigi russkikh pisatelei i literaturovedov. 1917–1991. Indeks sovetskoi tsenzury s kommentariiami [Banned books by Russian writers and literary critics. 1917–1991. Index of the Soviet censorship with commentaries]. Saint Petersburg, *SPBGUKI Publ.*, 2003. 404 p.
2. Voskresenskaia Ts.A. Moi vospominaniia [My memoirs]. Simferopoli, *Palitra Publ.*, 2003. 327 p.
3. Krasnikova A.S. Dinamika pechatnogo teksta «Uljalaevshchiny» I.L. Sel'vinskogo i sviazannye s nei tekstologicheskie problemy [Dynamics of the printed texts of Uljalaevshhina and relative textological problems]. In: *Lesnaia tekstologiya: trudy III letnei shkoly na Karel'skom peresheike po tekstologii i istochnikovedeniiu russkoi literatury*. Saint Petersburg, IPC-SPGUTD, 2006, pp. 94–100.
4. Krasnikova A.S. Neizvestnaia ranniaia poema I.L. Sel'vinskogo — korona koron sonetov «Ubljudok» [Unknown early poem by I.L. Sel'vinskij — crown of crowns of sonnets Ubljudok]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2010, vol. 69, № 6, pp. 47–53. (In Russ.)
5. Mikhailov I.L. Sel'vinskii v moei zhizni [Sel'vinskij in my life]. In: *Vospominaniia o Sel'vinskom*. Moscow, Sovetskii pisatel', 1982, pp. 341–355.
6. Revich A. Sedoe s detstva pokolen'e [The generation that's grey-haired from the childhood]. In: *Sel'vinskii I.L. Iz pepla, iz poem, iz snovidenii*. Moscow, Vremia Publ., 2004, pp. 5–20.
7. Reznik O.S. Primechaniia [Comments]. In: *Sel'vinskii I.L. Sobranie sochinenii: V 6 t.* Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1971–1974, vol. 2, 1971, pp. 387–391.
8. Sel'vinskii I.L. Uljalaevshchina: epopeia. Moscow, *Artel' pisatelei "Krug" Publ.*, 1927. 148 p.
9. Sel'vinskii I.L. Uljalaevshchina: epopeia. 2nd ed. Moscow, Leningrad, *Gos. izdatel'stvo Publ.*, 1930. 160 p.
10. Sel'vinskii I.L. Uljalaevshchina: epopeia. 3^d ed. Moscow, *GIKhL Publ.*, 1933. 122 p.
11. Sel'vinskii I.L. Uljalaevshchina: epopeia. 4th ed. Moscow, *Goslitizdat Publ.*, 1935. 128 p.
12. Sel'vinskii I.L. Izbrannye proizvedeniia: V 2 t. [Selected works in 2 vol.]. Moscow, *Goslitizdat Publ.*, 1956, vol. 1. 423 p.

13. Sel'vinskii I.L. Cherty moei zhizni [Traits of my life]. In: *Sovetskie pisateli: Avtobiografii v dvukh tomakh*. Moscow, Gos. izd. khudozh. lit. Publ., 1959, vol. 2, p. 332–338.
14. Sel'vinskii I.L. Sobranie sochinenii: V 6 t. [Works in 6 vol.] Moscow, *Khudozh. lit. Publ.*, 1971, vol. 2. 397 p.
15. Sel'vinskii I.L. Izbrannye proizvedeniia [Selected works]. Leningrad, *Sovetskii pisatel' Publ.*, 1972. 958 p.
16. Sel'vinskii I.L. Izbrannye proizvedeniia. V 2 t. [Selected works in 2 vol.] M.: *Hudozh. lit. Publ.*, 1989, vol. 1. 607 p.
17. Sel'vinskii I.L. Iz pepla, iz poem, iz snovidenii [From ashes, poems, dreams]. Moscow, *Vremia Publ.*, 2004. 751 p.
18. Sel'vinskii I.L. Ubiudok [Bastard], *Nashe nasledie*, 2011, № 99, pp. 83–89. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

В.Т. Захарова

**Рецензия на кн.: МИХАЙЛОВА М.В.,
НАЗАРОВА А.В. ЗАПЕЧАТЛЕННАЯ РОССИЯ.
СТАТЬИ О ТВОРЧЕСТВЕ ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА
ЧИРИКОВА. Open Science Publishing Raleigh,
North Carolina, USA, 2018. — 209 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»
604950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1*

Рецензия на монографию М.В. Михайловой и А.В. Назаровой «Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова» освещает первое полновесное издание, посвященное творчеству писателя. Сделан акцент на эволюции мировоззрения Чирикова на фоне важнейших событий российской истории, о чем подробно говорится в соответствующих главах. Указано, что авторы сосредоточили внимание на особенностях художественного мышления писателя, выделив как итоговое произведение роман-хронику «Отчий дом». Произведения «волжского» цикла, автобиографическая трилогия «Жизнь Тарханова» и др. также явились предметом пристального анализа. Рецензент подчеркивает, что наиболее продуктивными являются работы о малоизученных сторонах наследия: драмах 1900-х годов о репортерах и роли журналистики в сознании общества, публицистике периода Балканской и Первой мировой войн и революции 1917 г. Разобрана глава о феномене «второстепенного писателя» и закономерностях формирования канона. Книга является весомым вкладом в изучение истории русской литературы первой четверти XX в. и эмиграции.

Ключевые слова: русская литература рубежа XIX–XX вв.; литература русского зарубежья; Е.Н. Чириков; семейная хроника; автобиографическая тетралогия; провинциальный топос; драматургия; публицистика; образ журналиста.

Творчество Е.Н. Чирикова давно нуждается в полновесном научном освещении. Монография М.В. Михайловой и А.В. Назаровой «Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова» — плод многолетних изысканий авторов, анализирую-

Захарова Виктория Трофимовна — доктор филологических наук, профессор Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (e-mail: victoriazaharova95@gmail.com).

ших огромный пласт наследия Чирикова: от первых журналистских опытов до романов периода эмиграции и драматических произведений.

В первом разделе книги, после краткого, но емкого обзора эволюции творчества, внимание обращено прежде всего на роман «Отчий дом» (1929–1931), завершающее произведение, семейную хронику-эпопею, «жизненный подвиг» (с. 6), к которому писатель шел с 1890-х годов. «Отчий дом» содержит в себе немало сложных проблем; охват действительности в поистине эпопейный. Вместе с тем перед нами — семейная хроника. Полемичность подходов писателя заметна уже в заглавии: читатель привычно ожидает знакомой «расшифровки» символики дома, однако писатель уходит от темы «семейной ностальгии»: «отчий дом» здесь — это вся Россия. Исследователи «вписывают» роман Чирикова в контекст жанровых традиций «семейной хроники» в русской литературе, показывают, что «Отчий дом» отличается обилием интертекстуальных переключек, что стилю Чирикова свойственна органичность пересечения документального начала с художественным (такой синтез отвечал потребностям Серебряного века). В главе много ценных наблюдений над ролью пространственно-временной образности, своеобразием психологизма, многогранной символикой. Анализ библейского контекста прозы Чирикова свидетельствует, насколько чутко уловил писатель суть нарастающих в России на рубеже XIX–XX вв. событий как катастрофических. Оригинальна трактовка сказочной традиции. Заслуживает поддержки замеченная исследователями прогностичность мышления Чирикова: авторы убедительно доказывают, что писатель сумел предвосхитить современную трактовку исторических событий начала XX в. Один из самых трагических романов о революции под пером русского писателя не мог не стать и романом-надеждой: Чириков «нарисовал исчезающую, растворяющуюся, уходящую в небытие, но все время напоминающую о себе, словно град Китеж, Россию» (с. 33). Сопоставительный анализ романов Чирикова и М.А. Алданова («Истоки») исследует концепции исторического прошлого России. Авторы уловили объединяющее эти романы стремление «не только постичь смысл и последствия революции, но и найти объяснение ее первопричин» (с. 35). В отличие от многих писателей-эмигрантов это объяснение и Чириков, и позднее Алданов искали не в ближайшей исторической ретроспективе, а на гораздо большей временной дистанции. Убедительно обозначены и концептуальные различия писателей, причем через их отношение к историко-философским взглядам Толстого. Заметной чертой художественного сознания Чирикова было мифопоэтическое начало. Убедительно интерпретируются отразившиеся в «Отчем

доме» эсхатологические представления, значение апелляций к образу Антихриста.

Дальнейшее внимание авторов монографии привлечено к образу волжского мира. Приведены замечательные примеры из ранних произведений Чирикова, создающих образ «красавицы-Волги»: «помимо сюжетных сцеплений и “пейзажных скреп” в “Волжских сказках” имеются и скрепы духовные — это вера в чудесное, в чудо преобразования, которая питалась у художника способностью религиозно воспринимать мир» (с. 57).

Еврейской теме, заявленной у Чирикова в дореволюционную эпоху очень смело, посвящена драма «Евреи». Феномен пьесы, имевшей широкий резонанс, освещен очень корректно и полно, привлечено много отзывов из периодики тех лет, осмыслены перипетии сценической истории в разных странах и в разные годы.

Логически предопределенной стала для Чирикова проблема постижения событий Балканской и Первой мировой войны. «Война как пространство “антижизни” и “антикультуры” (военные корреспонденции Чирикова с фронтов первой балканской и Первой мировой войн)» — так озаглавлен раздел о Чирикове-военном публицисте.

Гражданский темперамент часто был причиной взглядов Чирикова, расходившихся с общепринятыми. Это убедительно раскрывается, в частности, в балканских корреспонденциях: «Чириков... намеренно развенчал окружающий войну поэтический ореол, показав современникам ее изнанку, бытовую, прозаическую сторону» (с. 129). И хотя подобная установка, как верно замечено, родственна традициям Толстого, Гаршина, воспринята она была многими современниками критически. В разделе многогранно проанализированы очерки Чирикова; очень продуктивно сравнение его мировосприятия войны с художественным видением войны В.В. Верещагиным; доказано и внимание Чирикова к проявлениям героизма (в отсутствии такого внимания его упрекала современная критика). Очень актуальной представляется осмысление Первой мировой войны в публицистике Чирикова, побывавшего на фронте в 1914 г. в качестве обозревателя «Русского слова». Говоря о пацифизме Чирикова, авторы предлагают очень важную, на наш взгляд, трактовку расхождений с Горьким и Л.Н. Андреевым; выстроена парадигма взглядов Чирикова на эту войну и войну как таковую; обсуждаются очерки, вошедшие впоследствии в «Эхо войны» (1916).

Исследуя публицистику 1917 г., авторы говорят об эволюции взглядов на истоки и движущие силы российской революции. Как известно, Чириков приветствовал и февральские, и октябрьские события, но к началу 1920-х гг. его взгляды претерпели кардинальное изменение.

Автобиографический роман, трилогия «Жизнь Тарханова», посвященный путям становления творческой личности, сопоставляется с бунинской «Жизнью Арсеньева», анализ выявляет много интересных параллелей (правда, некоторые из них представляются дискуссионными).

Малоизученным драмам Чирикова, связанным с журналистикой (прежде всего «За славой» (1902) и «Друзья гласности» (1903), посвящен следующий раздел. Драматург обращался к злободневным проблемам, которые остаются актуальными всегда; так, в пьесе «За славой» (1902) он «одним из первых выдвигает и разрабатывает версию катастрофической зависимости художника от средств информации» (с. 171). В «Друзьях гласности», пьесе о провинциальных газетчиках (эта тема была особенно близка автору: ср., напр., повесть «Чужестранцы»), «Чириков поднимает одну из фундаментальных проблем журналистики <...> — свободы слова и борьбы против ее ущемления» (с. 173). Отмечено умение Чирикова соединять драматическое и ироническое, — здесь сказался его опыт фельетониста (авторы приводят выразительный пример фигуры цензора, оказывающегося либеральнее своих посетителей, требующих ограничения свободы слова, если гласность затрагивает их персоны).

Один из заключительных разделов посвящен семье Чириковых, например, истории взаимоотношений с Цветаевой. Обратившись к письмам, авторы показывают не только внешнюю канву этих взаимоотношений (так, подчеркивается общий творческий интерес к русской старине и фольклору: речь идет прежде всего о поэме Цветаевой «Молодец» и сказке-мистерии Чирикова «Красота неглядная»).

Заметной чертой методологического «почерка» авторов монографии является умение в отдельном, даже небольшом произведении увидеть примечательные черты метатекста писателя. Так произошло и с рассказами «Мстители» и «Да святится имя Твое» (из сборника «Красный паяц (Повести страшных лет)»). Эти рассказы по своему содержанию и интонации, на первый взгляд, контрастно противопоставлены, но вместе с тем концептуально соотнесены. Авторы убеждают, что, «по мнению Чирикова, восстанавливается расшатанная междоусобицей народная нравственность и вырисовывается точка отсчета <то есть христианская мораль>, с которой можно наконец начать “измерять” свое прошлое» (с. 197).

В заключительной главе особенной поддержки заслуживают суждения о феномене «второстепенного писателя», о том, как представления о мере таланта оказываются обусловлены «цеховыми» отношениями. Становится очевидно, что творчество Чирикова — явление национального масштаба и давно заслуживает читательского признания и изучения.

Victoria Zakharova

**Book Review: MIKHAYLOVA M.V.,
NAZAROVA A.V. THE IMPRINTED RUSSIA.
ARTICLES ABOUT THE WORK OF EUGENE NIKOLAEVICH
CHIRIKOV. Open Science Publishing Raleigh,
North Carolina, USA, 2018. — 209 p.**

*Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)
604950, Nizhny Novgorod, Ulyanova, 1*

This paper reviews the collective monograph *Russia Imprinted: Articles on the Work of Evgeny Nikolaevich Chirikov* by Maria Mikhailova and Anastasia Nazarova, the first full-length study of the writer's work ever. The review hails the chapters which minutely discuss the evolution of Chirikov's worldview against the background of monumental events in early 20th-century Russian history. The monograph focuses on artistic reasoning and style of the writer, justly marking the family chronicle novel *The House of Father* as the culmination of his literary career. The autobiographical trilogy *The Life of Tarkhanov* and some other works are very well analyzed. The articles on some unknown aspects of Chirikov's heritage are most inspiring, specifically articles about political journalism during the Balkan war, I World War and the 1917 revolution, and about the plays that were written in the 1900s, besides, about reporters and the role of journalism in social consciousness. It is praiseworthy what the authors say in the chapter on the phenomenon of 'secondary writer' and mechanisms involved in the formation of literary canon. The book makes a significant contribution to the study of the history of early 20th-century Russian literature and the literature of Russian emigration. It should be recommended to professional and common readers interested in literary classics.

Key words: Russian literature of the turn of 19th — 20th centuries; literature of the Russian emigration; Evgenij Chirikov; family chronicle; autobiographical tetralogy; provincial topos; drama; political journalism; image of journalist.

About the author: *Victoria Zakharova* — Prof. Dr., Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (e-mail: victoriazaharova95@gmail.com).

К.А. Чекалов

**Рецензия на кн.: ХАЧАТРЯН Н. М.
ФРАНЦУЗСКАЯ НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЗА.
Ереван: Лингва, 2017. — 448 с.**

*Институт мировой литературы им. М. Горького Российской Академии Наук
121069, ул. Поварская, 25а, Москва, Россия*

Рецензируемая книга посвящена мало изученному феномену французской неоромантической прозы. Автор монографии, профессор Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В. Брюсова Наталия Хачатрян, сочетает анализ ключевых проблем французского неоромантизма с характеристикой наиболее значимых персоналий. Отдельные главы книги посвящены проблемам научного, религиозного и исторического дискурса в неоромантической прозе. В связи с тем, что неоромантический стиль наиболее ярко проявил себя в массовой литературе, закономерным кажется интерес автора к приключенческой литературе. Многие произведения, посвященные этому культурному феномену, вводятся в литературоведческий обиход постсоветского пространства впервые. К изъянам книги можно отнести диспропорции между отдельными главами, а также недостаточно развернутый анализ творчества Жюль Верна.

Ключевые слова: неоромантизм; фантастика; роман; приключенческая литература; историзм; религия; детектив; психологизм.

Монография профессора Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В. Брюсова Н.М. Хачатрян «Французская неоромантическая проза» удачно вписывается в общий контекст русскоязычных исследований, посвященных феномену неоромантизма в литературе (а также в театре, изобразительном искусстве и музыке). Таковых исследований — монографий, учебных пособий, статей и диссертаций — за последние четверть века накопилось немало, однако и по сей день неоромантизм остается одной из самых туманных литературоведческих категорий. Что это — исторический литературно-художественный стиль, рекуррентный культурный феномен, период, течение или даже «эпоха» [Жаринов, 2018: 101]? Иные современные исследователи фактически капитулируют перед интересующим нас понятием и чуть ли не

Чекалов Кирилл Александрович — доктор филологических наук, заведующий отделом классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН (Москва) (e-mail: ktchekalov@mail.ru).

изымают его из области научной терминологии: «если определять своеобразие стиля Киплинга как неоромантизм, то следует помнить, что это такой неоромантизм, который характерен только для одного Р. Киплинга» [Зотова, 2012: 25]. В результате даже столь крупный специалист по романтизму и его разнообразным изводам, как профессор В.М. Толмачев, вынужден признать: «не вполне ясным по отношению к литературному материалу остается статус обозначения “неоромантизм”» [Толмачев, 2013: 36].

Если явления, относящиеся к английскому, немецкому, скандинавскому и русскому вариантам неоромантизма, на сегодняшний день проанализированы учеными достаточно подробно, то французский литературный неоромантизм анализировался гораздо реже и традиционно сводился к драматургии (тем более, что чуть ли не единственным неоромантическим манифестом во Франции стал текст Э. Ростана — речь, произнесенная автором «Сирано де Бержерака» при вступлении во Французскую Академию в 1903 г.). Сказанное относится и к отечественным, и к зарубежным работам (пример — недавние публикации марокканского ученого, профессора университета в Фесе Абдельгани Эль Химани о драматургии Ж. Жироу). Среди французских ученых доминирует или весьма узкая трактовка неоромантизма, или достаточно пренебрежительное отношение к этой исследовательской категории. Так, по мнению И. Шевра, данное понятие «по-настоящему так и не утвердилось в истории литературы» [Chevre, 2006: 427].

Профессор Хачатрян в самом начале своей книги четко формулирует собственное понимание неоромантизма: «отдельное течение, определяемое как возрождение в конце XIX и начале XX века литературных настроений первой половины XIX века в Европе, однако обретшее ряд специфических черт, определенных новой эпохой» (с. 9). Тем самым автор монографии сразу же дистанцируется как от приверженцев метаисторического понимания этой категории, так и от сторонников принципиального размежевания романтизма и неоромантизма («неоромантизм унаследовал от романтизма лишь основную составляющую своего названия, то есть лингвистическую формулу, но никак не суть» [Кудряшов, 2013: 34]).

Н.М. Хачатрян отчасти следует за В.А. Луковым, хотя (и это можно только приветствовать) не абсолютизирует вклада этого ученого в изучение неоромантизма. В своей монографии покойный исследователь безмерно расширил жанровые границы французского неоромантизма, осмыслив его как «широкое литературно-художественное движение» [Луков, 2009: 2] и включив в него, в частности, символистскую поэзию, католический роман (что, конечно, весьма спорно) и прозу Жюль Верна. Не разделяя теорию «неоромантизма

без берегов», Н.М. Хачатрян посвящает первый раздел своего исследования именно Верну, которого есть все основания считать национальным классиком. Однако речь идет не об отдельной главе, а о части главы под названием «Проблема науки во французской неоромантической прозе» (другие «герои» этой главы — О. Вилье де Лиль-Адан и А. Робида).

Органическое сочетание проблемно-теоретического анализа с воссозданием «медальонов» отдельно взятых писателей — важное достоинство рецензируемой монографии. В последующих главах рассмотрены проблемы религии во французской неоромантической прозе (творчество Ж. Барбе д'Оревильи, Лотреамона и того же Вилье де Лиль-Адана), а также тема истории (Барбе д'Оревильи, Вилье де Лиль-Адан). Книгу завершает глава под названием «Тема приключений в прозе французского неоромантизма. Жанровые модификации приключенческого романа» (П. Лоти, Л. Буссенар, О. Мирбо, Э. Габорио). Можно дискутировать о том, все ли варианты французского неоромантизма здесь присутствуют, но уже из одного только перечисления глав и имен (а мы назвали далеко не всех писателей, о которых идет речь в книге) ясно, сколь масштабную задачу поставила перед собой Н.М. Хачатрян. В ее поле зрения оказывается очень обширный, а самое главное — разнородный пласт французской словесности «рубежа двух столетий», причем крупные фигуры соседствуют со второстепенными, пионеры — с эпигонами, хорошо знакомые русскоязычному читателю авторы — с менее известными. К последним относится, например, Вилье де Лиль-Адан, которого довольно много издавали в дореволюционной России (включая и трехтомное собрание сочинений), да и в СССР, но в основном издателей привлекали его «Жестокие рассказы». Весьма удачно, что внимание Н.М. Хачатрян сосредоточено на романе Вилье де Лиль-Адана «Ева будущего», посвященного столь популярной в фантастике XX в. теме андроида. обстоятельный анализ книги (в контексте фаустовской мифологемы) не вызывает никаких замечаний; единственное пожелание — здесь не помешало бы еще и сравнение с «Замком в Карпатах» Жюль Верна.

Несомненно, выдержать нужную пропорцию между отдельными разделами книги было далеко не просто; в большинстве случаев автору это удастся, но есть и исключения. Так, раздел, посвященный «Песням Мальдорора» Лотреамона, включает всего девять страниц. Как представляется, с учетом высокой значимости этого литературного памятника для дальнейшего развития французской литературы, а также явной дискуссионности самого факта отнесения Лотреамона к неоромантикам, данный раздел должен был бы быть более пространным.

Глава о Барбе д'Оревилли оказывается в два раза длиннее, чем глава о Верне. Это решение представляется мне спорным. Возможно, оно обусловлено зависимостью Н.М. Хачатрян от традиционного, редуктивного подхода к творчеству автору «Таинственного острова». Недооценка значимости Верна сказывается и в том, что его жанровая палитра оказывается в рецензируемой монографии несколько обедненной, а поздние его романы — опять-таки по традиции — трактованы как симптомы угасания творческого потенциала автора. Между тем речь идет о переделках, осуществленных Мишелем Верном и зачастую сильно искажающих авторский замысел. Делать на их основании умозаключения касательно эволюции творческой манеры писателя — путь заведомо тупиковый. По нему, правда, в свое время шли, и не только отечественные, но и зарубежные ученые, но ведь в их распоряжении еще не было оригинальных версий романов позднего Верна. Сейчас все они доступны читателям, в том числе и в русских переводах. Увы, автор монографии привержен искаженным версиям. В результате, например, один из наиболее значительных романов Жюль Верна «В Магеллании» (в версии Мишеля Верна — «Кораблекрушение “Джонатана”») оказывается в рецензируемом издании явно недооцененным.

Между тем Н.М. Хачатрян демонстрирует тонкое понимание поэтики Верна, с его комбинацией поэтического начала и научно-технической точностью. Она осуществляет, в частности, блестящий сопоставительный анализ Верна и Виктора Гюго (с. 48—54). Понятно, что не все связанные с творчеством французского классика проблемы могли быть затронуты в рамках данного исследования, с его вполне конкретным сюжетом. Но всё-таки, мне кажется, очень существенным упомянуть о том, что связь Верна с романтизмом отнюдь не исчерпывается собственно неоромантическими тенденциями в его творчестве. Жюль Верн сознательно, начиная с самых ранних своих произведений (новелла «Мастер Захариус») и кончая поздними (роман «Тайна Вильгельма Шторица»), апеллировал к романтической классике, и в первую очередь к Гофману, а в «Ледовом сфинксе» он создает столь же элегантный, сколь же и решительно трансформирующий смысл оригинала палимпсест «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» Эдгара По. Одним словом, прямая связь Верна с вершинами романтической прозы слишком глубока, чтобы можно было бы ее обойти вниманием, и говорить о своеобразии верновской фантастики вне данной традиции невозможно.

Очень содержательна, с моей точки зрения, четвертая глава книги — «Тема приключений в прозе французского неоромантизма» (здесь анализируется творчество столь разных писателей, как П. Лоти, О. Мирбо, Э. Габорио, Л. Буссенар и пр.). Ведь не секрет,

что именно в массовой (в том числе авантюрной) словесности неоромантические тенденции проявили себя наиболее рельефно. «Культивирование авантюрно-приключенческих и детективных сюжетов» [Погребская, 2010: 8] представляется существенной особенностью неоромантизма. Не случайно в исследованиях, посвященных английскому варианту неоромантической прозы, почетное место отводится творчеству Хаггарда. Во французской литературе интересующей нас эпохи приключенческая тематика занимает очень существенное место и представлена, как показано в книге, различными тематическими модификациями (включая популярнейшую до сей поры экзотическую разновидность). Хотелось бы к этому добавить, что “roman d’aventure” рассматривался «на рубеже двух столетий» в качестве существенного ресурса обновления романного жанра как такового; в 1913 г. с весьма интересной статьей по этому поводу выступил на страницах журнала “Nouvelle Revue Française” известный критик Жан Ривьер.

Особый интерес у читателей монографии наверняка вызовет раздел четвертой главы, посвященный детективной прозе. Н.М. Хачатрян подробно анализирует полицейские романы Эмиля Габорио, считая его основоположником французского детектива. Я скорее склонен считать «Дело вдовы Леруж», «Преступление в Орсивале» и «Дело № 113» протодетективами, но признаю за автором право иметь свою точку зрения по данному вопросу.

Книгу очень украшает приложение «Пьер Лоти и армянский вопрос», где хорошо известный в дореволюционной России автор экзотических романов предстает в совершенно неожиданном свете.

В монографии встречаются отдельные спорные утверждения — например, странно читать, что во Франции литературного декаданса практически не было (если не считать Гюисманса; с. 23). Не говоря о более серьезных источниках, даже русская «Википедия» констатирует, что типичным декадентом (в жизни и в творчестве) следует считать известного романиста и поэта Жана Лоррена. Кроме того, «ярким представителем декаданса» всё тот же В.А. Луков считает весьма экстравагантного оккультиста и писателя Жозефена Пеладана, и в этом случае нет никаких оснований с ним спорить.

Обширный эмпирический материал, освоенный Н.М. Хачатрян, подтверждает ее основные теоретические установки. К достоинствам монографии следует отнести также многоаспектность и фундаментальность подхода к избранной теме, что позволяет автору с равной степенью основательности анализировать разнообразные и весьма сложные теоретические проблемы, включая и проблему исторического романа, и становление фантастического дискурса во французской литературе, и общую типологию прозы второй половины XIX в.

Книга Н.М. Хачатрян отвечает современному уровню развития литературоведческой науки и в полной мере соответствует своему названию — в отличие, скажем, от книги Д.К. Царика «Типология неоромантизма», которая на поверку представляет собой очерк развития испанской неоромантической словесности, с выдержанной в марксистско-ленинском ключе теоретической интродукцией [Царик, 1984]. Результаты проделанной автором масштабной работы будут, несомненно, востребованы всей научной общественностью, и не только на «постсоветском» пространстве.

Список литературы

1. *Chevre Y. Décadence, Naturalisme — et Romantisme? De La Fortune des Rougon à Verfall einer Familie // Études Germaniques. 2006. № 243. P. 417–432.*
2. *Жаринов Е.В.* Историко-литературные корни массовой беллетристики. 2-е изд. М., 2018.
3. *Зотова Л.И.* Поэтика «малой прозы» Р. Киплинга 1880-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 2012.
4. *Кудряшов С.В.* Контркультура как радикальная трансформация романтического мифа: Дисс. ... канд. культурологии. СПб, 2003.
5. *Луков В.А.* Французский неоромантизм. М., 2009.
6. *Погребская Я.В.* Актуальные проблемы современной мифопоэтики. М., 2010.
7. *Толмачев В.М.* (редактор). Зарубежная литература конца XIX — начала XX века: Учебник для бакалавров. 4-е изд. М., 2013.
8. *Царик Д.К.* Типология неоромантизма. Кишинев, 1984.

Kyrill Chekalov

**Book Review: KHACHATRYAN N. M.
FRENCH NEOROMANTIC PROSE.
Yerevan: Lingva Publ., 2017. — 448 p.**

*M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
121069, Povarskaya str. 25a, Moscow, Russia*

The book under review discusses the phenomenon of French Neoromantic prose that still remains in the shadows of modern literary criticism. The author of the book Natalia Khachatryan, professor of the Bryusov Yerevan State University of languages and social sciences, aims to combine the analysis of key problems of French Neoromanticism with the discussion of key personalities in French Neoromanticism. Individual chapters of the book delve into problems of scientific,

religious and historical discourses of Neoromantic prose. The book discusses adventure literature given that Neoromantic style most vividly expressed itself in mass literature. Some Neoromantic books are introduced to the post-Soviet professional and common reader for the first time. The shortcomings of the book are few, but it is unfortunate that the chapters are disproportionate and Jules Verne is underanalyzed.

Key words: neoromanticism; science fiction; novel; adventure literature; historicism; religion; detective stories; psychologism.

About the author: *Kyrill Chekalov* — Prof. Dr., M. Gorky Institute of World Literature (Moscow), head of the Department of Comparative Literary Studies and Classical Literatures of the West (e-mail: ktchekalov@mail.ru).

References

1. Chevre Y. Décadence, Naturalisme — et Romantisme? De *La Fortune des Rougon à Verfall einer Familie*. Études Germaniques, 2006, № 243, pp. 417–432.
2. Zharinov E.V. *Istoriko-literaturnye korni massovoj belletristiki*. 2-e izd. M.: Flinta, 2018.
3. Zotova L.I. *Poehtika maloj prozy R. Kiplinga 1880-h godov*. Diss. kand. filol. nauk. Saransk: MGU imeni N.P. Ogareva, 2012.
4. Kudryashov S.V. *Kontrkultura kak radikalnaya transformaciya romanticheskogo mifa*. Diss. kand. kulturologii. SPb: Russkaya hristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2003.
5. Lukov V.A. *Francuzskij neoromantizm*. M.: MGU, 2009.
6. Pogrebskaya Ya.V. *Aktualnye problemy sovremennoj mifopoehtiki*. M.: Flinta, 2010.
7. Tolmachev V.M. (redactor). *Zarubezhnaya literatura konca XIX — nachala XX veka*. Uchebnik dlya bakalavrov. 4-e izd. M.: Yurajt, 2013.
8. Carik D.K. *Tipologiya neoromantizma*. Kishinev: Shtiintsa, 1984.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИСПАНИСТИКИ

Ю.Л. Оболенская

ИБЕРО-РОМАНИСТИКА В МГУ: ОТ ШТУДИЙ М.В. ЛОМОНОСОВА К СОЗДАНИЮ ШКОЛЫ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Ленинские горы, 1

Автор статьи в связи празднованием 70-летия испанистики в МГУ, 40-летнего юбилея кафедры иберо-романского языкознания и 40-летия университетской каталонистики описывает как сами юбилейные конференции, так и историю, и достижения научной школы иберо-романистики филологического факультета.

Ключевые слова: юбилейные научные конференции; история испанистики; иберо-романистики; каталонистики в МГУ; традиции и обновление кафедры иберо-романского языкознания.

2018 год стал для университетской иберо-романистики юбилейным, и кафедра иберо-романского языкознания отметила три важных годовщины сразу: в феврале исполнилось 40 лет кафедре испанского и португальского языков, созданной в 1978, университетская каталанистика также в феврале отметила свое 40-летие и, наконец, в конце ноября кульминацией юбилейного года стало празднование 70-летия испанского отделения, открытого на филологическом факультете в 1948 г. Это событие завершает трехлетие юбилейных торжеств, которое открыла в 2015 г. конференция в честь 40-летия португалистики, а в 2016 г. продолжилось проведением «Фестиваля баскского языка и культуры», посвященного 25-летию преподавания и изучения баскского языка на кафедре. Сам перечень юбилеев дает представление о ключевых моментах истории иберо-романистики на филологическом факультете.

Каждый из трех юбилеев этого года торжественно отмечался на филологическом факультете. В апреле «Юбилейную конференцию, посвященную 40-летию кафедры иберо-романского языкознания» открывали проректор Ю.А. Мазей, посол Португалии в РФ, советники по культуре и образованию посольства Испании, директор

Оболенская Юлия Леонардовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: obolens7@yandex.ru).

Института Сервантеса, в ней участвовали и другие представители посольств иберо-романской речи, российские журналисты. Презентация, посвященная истории кафедры, представленная заведующей кафедрой Ю.Л. Оболенской, была дополнена сообщениями выпускников и отзывами коллег из других вузов Москвы и Санкт-Петербурга, а ярким завершением конференции стала премьера спектакля «Деревья умирают стоя» А. Касоны в постановке студенческого Испанского театра.

В Юбилейном семинаре по каталонистике помимо известных исследователей из РАН и университетов России из Москвы и Санкт-Петербурга приняли активное участие переводчики, журналисты, дипломаты, а также приехавшие на торжество из Испании руководители Института Рамона Ллюля. Директор Института Ллюля, директор Института Сервантеса и посол Испании открыли торжественное заседание, отметив в своих выступлениях основополагающую роль кафедры иберо-романского языкознания в популяризации и изучении каталанского языка, литературы и искусства в России. Презентация Ю.Л. Оболенской познакомила с историей и достижениями каталонистики в МГУ, а завершилось заседание концертом студенческого «Каталанского хора». Представленные доклады были посвящены переводческой проблематике, русско-каталанским культурным взаимосвязям и отражали основные направления отечественной каталонистики. Семинар привлек внимание испанских СМИ.

В прошедшей 21–22 ноября IX юбилейной научной конференции «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и современное состояние», посвященной 70-летию испанского отделения, приняли участие около 100 исследователей, и среди них видные ученые филологи, историки, искусствоведы из Москвы и Санкт-Петербурга, шесть исследователей из Испании, Парагвая, Колумбии. Почетными гостями, открывшими конференцию, стали чрезвычайный и полномочный посол Испании Ф. Вальдеррама, советники посольств Мексики, Кубы и Парагвая. Презентация, посвященная истории испанистики на филологическом факультете, представила участникам конференции основные вехи истории и достижения испанского отделения, которое сегодня по праву занимает лидирующие позиции среди российских образовательных и исследовательских центров.

Доклады и презентации на двух обширных пленарных заседаниях и в семи секциях представляли результаты интереснейших исследований в области истории и теории испанского, каталанского, галисийского и португальского языков и литератур, социолингвистики, истории и философии, теории и истории искусства, политологии. Среди 15 участников из Санкт-Петербурга были ведущий специалист по испанскому искусству музея Эрмитаж Г.В. Тормиадиаро, известный ученый и переводчик К.С. Корконосенко (ИРЛИ РАН),

11 исследователей из СПбГУ, в том числе профессор М.В. Зеликов. Помимо ИРЛИ (Пушкинского дома) академическая наука РАН на конференции была представлена ведущими учеными из трех институтов: Института мировой литературы — А.Ф. Кофманом, О.А. Овчаренко и Ю.Н. Гириным, Института Латинской Америки — Я.Г. Шемякиным и Н.С. Константиновой, Института языкознания — А.А. Ануфриевым. С докладами выступили представители МИД, Дипломатической Академии МИД, ВУ МО РФ и полутора десятков вузов Москвы и Санкт-Петербурга, в том числе СПбГУ, МГИМО, РУДН, РГГУ, ВШЭ, РАНХиГС. Доклады на пленарном заседании и в секциях вызвали не только вопросы, но и живую полемику и серьезные дискуссии, свидетельствующие об интересе к их тематике и проблемам современной иберо-романистики.

Результаты научных исследований, представленные сотрудниками кафедры, как было отмечено участниками конференции, отличал новаторский характер, глубина разработки избранной проблематики. Яркое выступление студенческого театра и в особенности новая постановка «Собаки на сене» Лопе де Веги были восторженно встречены участниками и зрителями.

Конференция можно оценивать и как отчетную, поскольку она отразила разностороннюю деятельность и научные достижения сложившейся за 70 лет уникальной школы иберо-романистики МГУ. Кафедра иберо-романского языкознания сегодня представляет собой единственную в России университетскую кафедру, где изучаются все основные языки и культуры народов Пиренейского полуострова и Латинской Америки, а кроме того, исследуются национальные варианты основных языков и их диалекты. Это прежде всего испанский (кастильский) язык, его латиноамериканские варианты и пиренейские диалекты испанского, португальский язык и его бразильский вариант, каталанский и его территориальные варианты, галисийский язык, а также баскский язык, который не изучается ни в одном вузе России. Кафедра издает ежегодный журнал «Вопросы иберо-романистики», ведет активную деятельность в рамках созданного в 2011 г. «Центра иберо-романских исследований», ежегодно проводит крупные международные конференции или тематические семинары/фестивали, привлекая к их организации такие испанские и португальские культурные центры, как Институт Сервантеса, Институт Камоэнса, Институт Рамона Льюля и Институт Эчепаре, а также более десятка посольств стран иберо-романской речи.

Преподавание и изучение иберо-романских языков в стенах университета на филологическом факультете имеют славную историю и традиции. Первый опыт знакомства с испанским и португальским языками в московском университете связан с деятельностью М.В. Ломоносова: он учился испанскому языку, чтобы читать в подлинниках произведения испанской и португальской литературы.

Об этом свидетельствуют, в частности, и принадлежавшие ему два учебных пособия Ф. Собрино¹ и рукописные заметки с упоминанием испанских и португальских книг, и, наконец, известный отзыв о «великолепии испанского» языка в «Российской грамматике». И едва ли случайно Ломоносов называет именно «испанский» первым в перечне тех языков, которые сопоставляются с русским².

Изучение испанского и португальского языков в московском университете началось значительно позднее, хотя интерес к испано- и португалоязычной культуре сохранялся постоянно. В XIX в. чтение и комментирование памятников художественной словесности Пиренейского полуострова, как правило, проводились на кафедре западных литератур. Например, в 1880-е годы семинарий по испанскому языку на историко-филологическом факультете вел лектор В.Г. Мальм. Разработанный им курс состоял из двух частей: общего курса испанского языка и «высшего курса по чтению авторов». В 1899 г. на факультете начал работать лектор Е.Г. Браун. На семинариях по испанскому языку он главным образом комментировал художественные испанские тексты: романсеро, новеллы Сервантеса, плутовской роман и драмы Кальдерона.

Затем испанский язык изучался на факультете общественных наук Московского университета в 1919–1925 гг., а с 1925 по 1930 г. — на этнологическом факультете и, наконец, в 1931–1941 гг. — в Институте философии, литературы и истории.

После восстановления филологического факультета в декабре 1941 г. в МГУ была создана кафедра романо-германской филологии. И уже во время Великой Отечественной войны, на филологическом факультете, эвакуированном в г. Ашхабад, занятия по испанскому языку вела Э.И. Левинтова. А в 1948 г. была открыта кафедра испанского языка, которую возглавила Э.И. Левинтова. Кроме нее на кафедре работали преподаватели из числа испанских эмигрантов — А. Видаль, М.Л. Гонсалес, М. Месингер. В 1948 г. начались первые занятия для студентов испанского отделения. Это был первый в истории университета набор по специальности «испанский язык и литература», причем в те годы было проведено всего два таких набора — выпускником первого стал будущий академик Ю.С. Степанов, а второго — И.А. Мельчук. В 1951 г. испанское отделение расформировали. Дальнейшая история кафедры оказалась тесно связана с политическими событиями в СССР и странах испанской и португальской речи.

¹ «Новая испанско-французская грамматика» 1703 г.; «Испанский секретарь, обучающий писанию писем на испанском языке в современном стиле» 1720 г.

² Подробнее см.: *Алексеев М.П.* Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 64–65; *Лотман К.М.* К вопросу о том, какими языками владел М.В. Ломоносов // XVIII сб. Вып. 3. М.; Л., 1958. С. 460.

На фоне блестящих профессоров того послевоенного филфака выделялись и вызвали восхищение преподававшие на отделении *пассионарии*, представлявшие традиции преподавания иностранных языков двух стран: России и Испании. Из России — выпускница Ленинградского университета Э.И. Левинтова — сторонница классического «гимназического» подхода к обучению³. Из Испании — легендарная Мария-Луиса Гонсалес, первая в Испании женщина, выпускница университетов Саламанки и Мадрида⁴. Она в ту пору использовала неизвестный коммуникативный метод на междисциплинарной основе: обращение к испанской культуре, истории и искусству на ее занятиях дополнял герменевтический анализ классических и современных текстов, а целью бурных диспутов по поводу их содержания было развитие навыков испанской разговорной речи. Созданный Марией-Луисой студенческий Испанский театр был эффективной творческой формой учебной и воспитательной работы. Среди ее учениц была Е.М. Вольф, которая с 1949 г. начала преподавать на кафедре, а впоследствии стала крупнейшим иберороманистом.

Практический и теоретический интерес к испанскому языку, значительно возросший после победы кубинской революции в результате расширения связей с Кубой и другими странами Латинской Америки, привел к тому, что в 1961 г. на факультете возрождается специальность «Испанский язык и литература».

В начале 1970-х годов М.А. Косарик (сегодня профессор, заведующая кафедрой романского языкознания) начинает вести факультативные занятия по португальскому языку, а в 1974 г. на филологическом факультете была открыта новая специальность — «Португальский язык и литература». С 1977 г. теоретические и практические курсы по португальскому языку стали вести И.Ф. Ликунова, Г.Н. Зененко и М.А. Косарик, а затем и О.А. Сапрыкина — сегодня профессор, доктор филологических наук и ведущий специалист в области португальского языка⁵. Исследованиями бразильского

³ Э.И. Левинтова — автор первой в нашей стране монографии об испанском языке в серии «Языки мира», уникальный специалист по истории испанского языка, отдавший 30 лет созданию первого фундаментального «Испанского фразеологического словаря» (1985). Она на долгие годы превратила сотрудников и студентов кафедры в активистов Общества охраны памятников истории и культуры, принимавших участие в работах по спасению архитектурных памятников Москвы.

⁴ Ее наставником был испанский писатель и философ Мигель де Унамуно, а мужем — выдающийся республиканец Хуан Висенс (именно поэтому она была вынуждена эмигрировать в СССР в 1939), ну а в близких друзьях этой пары были Л. Бунюэль, С. Дали, Ф. Гарсиа Лорка, Л. Арагон и Э. Триоле, почти все сюрреалисты.

⁵ О.А. Сапрыкина — автор первого в России учебника «Лексикология португальского языка» (2007), монографии «Язык и словесность средневековой Португалии» (2010) и «Романские языки в Тропической Африке и постколониальный художественный дискурс» (2017, в соавторстве с Н.С. Найденовой).

варианта португальского языка уже много лет занимается доцент, кандидат филологических наук Д.Л. Гуревич.

Социально-политические обстоятельства 1970-х годов: победа демократии в Португалии в 1975 г., восстановление дипломатических отношений с Испанией в 1977 г., демократические революции в странах португальской речи в Африке, а также тесное сотрудничество с Кубой и расширение связей со странами Латинской Америки потребовали расширения подготовки специалистов по испанскому и португальскому языкам. Все это, а также организаторские способности профессора В.С. Виноградова способствовали «самоопределению» большой испано-португальской секции, принадлежащей романской кафедре, и созданию (точнее возрождению) в 1978 г. *кафедры испанского и португальского языков* (а с 1989 г. она называется «кафедра иберо-романского языкознания»). Первым ее руководителем стал профессор В.С. Виноградов (1925–2009), который в 1977 г. защитил первую на филологическом факультете докторскую диссертацию по теории перевода и многие годы читал курс и вел семинар по практике художественного перевода, заложив основы для появления на романо-германском отделении специализации по теории и практике перевода⁶. Вклад В.С. Виноградова в развитие отечественной испанистики трудно переоценить.

В 1978 г. на кафедре благодаря инициативе и помощи посла Испании в СССР и настоящего друга кафедры господина Х.А. Самаранча началось преподавание каталанского языка, была создана уникальная библиотека испанской и каталанской художественной и специально-научной литературы и учрежден лекторат как испанского, так и каталанского языков. В своих воспоминаниях о годах, проведенных в СССР, Х.А. Самаранч признался, что в России его особенно поразили две вещи — Сибирь и отделение испанского языка филологического факультета МГУ. Отметим, что теоретическое изучение каталанского языка началось несколько раньше, когда в 1970-е годы спецсеминар по грамматике каталанского языка вела Е.М. Вольф. Но первым в истории университета каталанистом-практиком, преподавателем каталанского языка и автором первого и по сей день единственного в России «Учебника каталанского языка» стала рано ушедшая из жизни И.О. Бигвава. Сегодня преподаванием каталанского языка и исследованиями в области каталанистики

⁶ Его монографии «Лексические вопросы перевода художественной прозы» (1978), «Введение в переводоведение» (2001), «Перевод: общие и лексические вопросы» (2004) получили высокую оценку специалистов. Учебник «Лексикология испанского языка» (1994) — это первый в отечественной испанистике учебник подобного рода. А самой известной работой В.С. Виноградова является «Грамматика испанского языка. Практический курс» (1-е изд. М., 1965; 11-е изд. М., 2012), эта грамматика до сих пор активно используется в практике преподавания языка.

занимаются на кафедре доценты А.В. Баканова, А.О. Уржумцева и Ю.А. Карпова.

С 1982 г. предметом изучения стал и галисийский язык, который преподавался сначала в теоретическом (Б.П. Нарумовым, О.А. Сапрыкиной), а потом и практическом аспекте иностранными лекторами А. Роса, А. Мартинес. С 2010 г. теорией и практикой преподавания галисийского языка и культуры на кафедре занимается доцент М.С. Снеткова, автор ряда уникальных учебных курсов и исследований в этой области.

А в 1992 г. на кафедре началось преподавание баскского языка на постоянной основе, его осуществляют лекторы баскского Института Эчепарре. Занятия баскским, каталанским и галисийским языками посещают студенты нескольких отделений и даже других факультетов МГУ.

Следует подчеркнуть, что среди европейских языковых семей иберо-романские языки представляют особый интерес как с точки зрения разнообразных видов и форм функционирования языка, так и с точки зрения изменения их социальных функций в современном мире, что сегодня учитывается при разработке новых интердисциплинарных курсов, дополнению традиционных курсов новейшими данными и достижениями отечественной и зарубежной лингвистики, этнопсихолингвистики, социолингвистики, культурологии, психологии, философии и других наук.

За последние десять кафедра почти полностью обновилась: пришли молодые и талантливые выпускники кафедры, которые продолжили чтение традиционных теоретических курсов, создали новые, сейчас в бакалавриате и на двух магистерских программах читается 39 теоретических курсов. Сотрудники опубликовали почти две сотни работ (а за всю историю кафедры — более 700) и готовят к изданию монографии и учебные пособия. Напечатанные в России и за рубежом статьи преподавателей кафедры являются существенным вкладом в иберо-романистику. Эти публикации разнообразны по тематике и отражают широту научных интересов сотрудников кафедры.

Для базовых теоретических курсов, предлагаемых сегодня кафедрой, характерно следование кафедральным традициям, дополненным современными интердисциплинарным и коммуникативным подходами, достижениями лучших национальных и зарубежных школ. Исследованиями в области истории испанского языка и культуры занимается доцент Ю.А. Карпова, ее курс истории испанского языка продолжает традиции, заложенные еще Э.И. Левинтовой и доцентом Л.Н. Степановой (и.о.заведующей кафедрой в 1978—1983). Традиционные для кафедры исследования в области современной испанской разговорной речи, начатые в 1980-е годы доцентом и и.о.

заведующей кафедрой в 1995—2008 гг. О.М. Мунгаловой, продолжает доцент В.В. Долженкова. Основы преподавания и изучения национальных вариантов испанского языка в Латинской Америке в МГУ были заложены Э.И. Левинтовой в 1970-е годы и доцентом Н.Г. Сулимовой в 1990-е, а сегодня этой проблематикой занимаются старшие преподаватели А.В. Кутькова и А.А. Невокшанова, которая кроме того развивает на кафедре новое направление — социолингвистические исследования. А первым в МГУ индихенистом, исследующим влияние индейских языков на испанский в Латинской Америке, стал канд. филол. наук К.В. Кичигин. Новые курсы по теории испанского языка разработаны доцентом Д.Л. Гуревичем. Как уже говорилось, основы переводоведения на филологическом факультете были заложены в 1970-е годы профессором В.С. Виноградовым, а сегодня получили дальнейшее развитие в курсах профессора Ю.Л. Оболенской, а также доцентов М.С. Снетковой и А.О. Уржумцевой.

Курсы, охватывающие разные аспекты теории португальского языка, истории национальной словесности и национальных вариантов португальского языка, подготовленные профессором О.А. Сапрыкиной и доцентом Д.Л. Гуревичем, являются уникальными и пионерскими, они закладывают основы современной португалистики.

Благодаря работам заслуженного профессора МГУ, доктора филологических наук Ю.Л. Оболенской (с 2008 г. она возглавляет кафедру) впервые в России в 1980-е годы на кафедре началось изучение истории переводов русской литературы в испаноговорящем мире, а также русско-испанских и русско-латиноамериканских литературных и культурных взаимосвязей. В 1990-е годы Ю.Л. Оболенская также впервые в России обратилась к исследованию мифологии народов Испании. Более 150 ее научных работ по двум этим направлениям были опубликованы в России, Испании, Италии и Бразилии, а ее монографии и пособия⁷ получили высокую оценку в России и за рубежом, используются в учебном процессе в российских и испанских университетах.

Кафедра инициировала договоры о сотрудничестве с 12 университетами Испании, Португалии и Латинской Америки и успешно осуществляет совместные научные проекты, направляет на различные виды стажировки до четверти обучающихся на кафедре студентов и магистрантов романо-германского отделения. Творческая атмосфера на кафедре влияет и на наших лекторов, которые чувствуют себя полноправными сотрудниками и участвуют в наших научных

⁷ «Диалог культур и диалектика перевода: Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке» (1998), «Художественный перевод и межкультурная коммуникация» (2006, 6-е изд., 2017), «Легенды и предания Испании» (2004, расширенное издание — 2013, 4-е изд. 2019) и монография «Мир испанского языка и культуры. Очерки, исследования, словарь суеверий и символов» (2018).

конференциях, публикуют статьи в сборниках кафедры и активно занимаются внеаудиторной работой со студентами, организуя конкурсы, мастер-классы, фестивали кино, занимаются театральными постановками.

Кафедра иберо-романского языкознания ежегодно организует и проводит престижные международные конференции и/или семинары, в работе которых принимают участие исследователи из России и стран иберо-романской речи. Кроме того, ежегодно издает научный журнал «Вопросы иберо-романистики» (вышли 16 выпусков), тематика публикаций журнала расширяется с каждым годом, включая не только лингвистику и литературоведение, но и культурологию, искусствоведение, социологию.

Радостным событием в жизни кафедры стало открытие в 2011 г. Центра иберо-романских исследований (ЦИБРИС), созданного при неоценимой поддержке декана филологического факультета проф. М.Л. Ремневой по инициативе Ю.Л. Оболенской, которая в настоящее время является руководителем Центра. Красочное торжественное открытие было проведено в рамках II Ибероамериканского конгресса ректоров, а открывали Центр ректор МГУ академик В.А. Садовничий и министр образования Испании Х. Габилондо. Центр по сути явился продолжением разнообразной научной и просветительской деятельности кафедры, в его работе принимают участие отечественные иберо-романисты — сотрудники четырех институтов РАН и других учебных и научных центров. Деятельность центра ориентирована на научные, культурные и образовательные проекты и поддерживается Институтами Сервантеса (Испания), Камозенса (Португалия), Р. Люля (Каталония) и Эчепаре (Страна Басков), а также посольствами стран испанской и португальской речи. В мероприятиях Центра уже приняли участие два десятка лекторов из Испании, Португалии, Мексики, Аргентины, Колумбии, Кубы, Бразилии и других стран — это были ученые, дипломаты и политики, писатели, переводчики и деятели искусств. Такие встречи проходят при полных аудиториях и надолго запоминаются студентам и преподавателям. Деятельность центра показала, что эта форма общения и сотрудничества нужна и полезна для студентов, аспирантов и преподавателей.

Самым главным итогом учебной и научной деятельности кафедры является подготовка наших студентов. По отзывам большинства наших выпускников, она не только в полной мере соответствует мировым стандартам, но зачастую не «вписывается» в эти стандарты из-за «чрезмерной фундаментальности знаний» и перегруженности курсами, от которых «глаза разбегаются». Студенты, выезжая на стажировки в иностранные университеты, получили возможность

сравнить учебу на родине и за рубежом. Вернувшись, они иначе оценивают годы учебы на кафедре и активнее участвуют в работе НСО при кафедре, которым руководит доц. А.В. Баканова, активно выступают на научных конференциях, имеют публикации, участвуют в творческих конкурсах. Студенческий «Испанский театр», созданный еще в 1950-е годы, под руководством доц. Ю.А. Карповой и А.А. Невокшановой обрел второе дыхание, завоевал первое место на конкурсе студенческих театров в 2016 г. и уже несколько раз блистал на гастрольных выступлениях в других вузах и на Фестивалях каталанской культуры в Санкт-Петербурге, в Венгрии и Италии.

Кафедра иберо-романского языкознания, как и в момент своего создания, представляет собой творческий коллектив преданных своему делу единомышленников, понимающих, что университет — это школа, которая предоставляет студентам неограниченные возможности для самореализации. Школа иберо-романистики, основы которой заложили в 1940-е годы Э.И. Левинтова и М.Л. Гонсалес, успешно развивается, а история кафедры иберо-романского языкознания продолжается.

Yulia Obolenskaya

IBERO-ROMANCE STUDIES AT MOSCOW UNIVERSITY: FROM LOMONOSOV TO TODAY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper celebrates the 70th anniversary of Spanish studies and the 40th anniversary of Catalan studies at the Lomonosov Moscow State University, and the 40th anniversary of the Department of Ibero-Romance Linguistics at the Faculty of Philology, offering an overview of the jubilee conferences and discussing the history of Ibero-Romance studies at the Faculty of Philology.

Key words: jubilee scientific conferences; history of the studies of Spanish; Catalan, and Ibero-romance languages at Lomonosov Moscow State University; past and present of the Department of Ibero-Romance Linguistics.

About author: *Yulia Obolenskaya* — Prof. Dr., Head of the Department of Ibero-Romance linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: obolens7@yandex.ru).

Г.В. Токарев

ТУЛЬСКИЙ ФОРУМ ФРАЗЕОЛОГОВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»
300026, Тула, проспект им. В.И. Ленина, 125*

Статья посвящена Международной конференции «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке», которая состоялась в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого в мае 2018 г. Целью форума было определение особенностей развития фразеологии в условиях полипарадигмальности, обсуждение вопросов, связанных с задачами, предметом, методами, метаязыком изучения фразеологизмов на основе интеграции с разнообразными лингвистическими направлениями.

Ключевые слова: фразеология, парадигма, метод, словарь.

17–19 мая 2018 г. в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого прошла международная научная конференция «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке».

В конференции принял участие 101 докладчик из 18 городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Белгорода, Брянска, Екатеринбурга, Ельца, Иванова, Ижевска, Казани, Костромы, Краснодара, Нижнего Новгорода, Орла, Пензы, Саранска, Старого Оскола, Тулы, а также из Беларуси, Болгарии, Германии, Индонезии, Китая, Польши, Словакии, Таджикистана, Украины (самопровозглашенных республик ДНР и ЛНР). На конференцию была приглашена фразеологическая комиссия при комитете славистов.

Лингвистические конференции в Туле имеют давнюю историю. У ее истоков стоял один из первопроходцев во фразеологии — Владимир Леонидович Архангельский. За последние 18 лет эта конференция является шестой.

Конференция прошла при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Целью форума было определение особенностей и векторов развития фразеологии в условиях полипарадигмальности, обсуждение

Токарев Григорий Валериевич — профессор, доктор филологических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (e-mail: grig72@mail.ru).

комплекса вопросов, связанных с задачами, предметом, методами, метаязыком изучения фразеологизмов на основе интеграции с разнообразными лингвистическими направлениями.

На конференции были три формы работы: пленарное заседание; секционные заседания; круглые столы.

Пленарное заседание включало семь докладов.

В.М. Мокиенко в своем докладе «Систематизация концентра в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров»» рассказал о работе над «Полным фразеологическим словарем русских народных говоров». Целью словаря, по словам докладчика, является «создание полного фразеологического словаря русских народных говоров, объектом которого станет комплексное описание максимального собрания устойчивых словосочетаний всего диалектного пространства России». В ходе работы над словарем будут синтезированы материалы региональных словарей. Ожидаемый объем словника — более 140 000 фразеологизмов. Построение микроструктуры словаря будет соответствовать принципам, описанным Б.А. Лариным. Макроструктуру словаря будут оформлять концентры, представляющие собой опорные слова для ряда устойчивых единиц.

Г.В. Токарев в своем докладе «Единицы языка и единицы лингвокультуры» указал на то, что вследствие применения полипарадигмального подхода формально одна и та же единица может быть охарактеризована по-разному: например, как фразеологическая и как лингвокультурная. Внимание докладчика было сфокусировано на лингвокультурных единицах. Были продемонстрированы их типы, показаны отличия от языковых единиц, главным из которых является отличие функциональное.

В докладе *В.Д. Черняк* «Фразеография в современном лексикографическом пространстве» была дана характеристика фразеографии, показано ее место среди словарей русского языка. Докладчик привел интересные данные: в настоящее время насчитывается 187 изданий, что составляет приблизительно 10% от всех словарей. Были проанализированы причины роста числа фразеологических словарей. К данным причинам относятся: развитие фразеологии как науки, расширение объема фразеологии, возникновение новых лингвистических направлений, развитие словарной типологии, тенденции к специализации словарей.

Т.Е. Владимирова в докладе «Паремии как объект полипарадигмальных исследований» осуществила попытку рассмотрения паремий в нескольких аспектах: натуралистически-родовом, креативном, ритуалистическом. По мнению докладчика, полипарадигмальный подход подготовлен трудами М.М. Бахтина и представляет собой интеграцию в одном исследовательском горизонте филологии, психологии и философии.

М.Л. Ковшова в сообщении «Личное имя в русском паремиологическом дискурсе: опыт дискурсивного анализа» продемонстрировала возможности дискурсивной парадигмы. Были рассмотрены интенциональные особенности примет, загадок, пословиц и поговорок. Освещены различные виды паремических дискурсов. Представлен алгоритм дискурсивного анализа паремий. Проанализированы особенности употребления личного имени в каждом из дискурсов.

В докладе *А. Рахмат, Т.Р. Писарской, Н.Е. Якименко* «Аксиологический вектор паремий (лингвокультурологический аспект)» были освещены проблемы аксиологических исследований, целью которых является реконструкция системы ценностей. На примере фразеологизмов о семье были продемонстрированы принципы лингво-аксиологического анализа.

В период проведения конференции работало шесть секций.

В рамках секции «Фразеология и грамматика» обсуждались проблемы традиционного, логико-грамматического подхода в условиях полипарадигмального контекста (*Н.А. Герасименко, Н.И. Ершова, Е.З. Киреева, Т.И. Мочалова, К.С. Шамтова, Т.Е. Шаповалова, О.А. Никитина, Д. Штеффенс*). В целом следует отметить, что традиционная, структурно-семантическая парадигма при изучении фразеологии на современном этапе развития науки используется в сочетании с дискурсивной, когнитивной, лингвокультурологической, что позволяет не просто фиксировать, но и объяснять особенности формы устойчивых единиц.

В рамках секции «Фразеология и фразеография» обсуждались задачи разработки новых фразеологических словарей. Особое внимание было уделено созданию словарей языка писателя (*З.Р. Алхастова* «О словарях пословиц из произведений английских писателей»), разработке словарей отдельных социумов (*Е.В. Брысина* «Проблемы и перспективы современной диалектной фразеографии», *Т.Г. Никитина* «Псковские поговорки в полном словаре фразеологии русских народных говоров»), словарей новых устойчивых единиц (*О.А. Никитина* «Проект словаря новых идиом немецкого языка»), учебных словарей (*Е.И. Рогалева* «Детская фразеография: лингвокраеведческий аспект»), идеографических словарей *А.В. Щетинина* «Фразеологизмы в идеографическом словаре социальной лексики»). Докладчиками было отмечено влияние полипарадигмального контекста на объект фразеографирования, макроструктуру и микроструктуру словаря.

В рамках секции «Фразеология и лингводидактика» рассматривались вопросы изучения фразеологии школьниками, студентами, иностранцами в полипарадигмальном контексте (*М.Ю. Барабанова, А.В. Величко, Е.Ю. Николенко, С.Ш. Хабибова, Виктора Шетеля*).

Доклады И.Ю. Токаревой «Некоторые приемы работы с лингвокультурологическим словарем», А.В. Хрунковой «Учебный словарь русских пословиц с точки зрения иностранного пользователя» содержали вопросы методики работы с фразеологическим словарем, формирования культурно-языковой компетенции при изучении фразеологии.

В рамках секции «Фразеология и семантика» рассматривались проблемы изучения фразеологического значения путем использования структурных и когнитивных технологий.

Ряд докладов был посвящен изучению фрагментов концептосферы, репрезентированных фразеологическими единицами (О.И. Андрейченко, Е.Ф. Киров, И.В. Одинцова, Н.Н. Семененко, Л.Н. Денисова, М.Н. Осадчая и др.).

В сообщениях *А.А. Верзиловой «Семантика фразеологических единиц с общим значением оценки и проблемы ее описания», А.Л. Голованевского «Фразеологизмы-события в русской фразеологии», Л.К. Байрамовой «Тема Родины в “Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка”», Н.А. Красовской «Устойчивые конструкции в обрядовых комплексах (на материале тульских говоров)», И.В. Кузьминой «Фразеологизмы, характеризующие человека (на материале нижегородских говоров)», У Цюаньмин Фэньян «Структурно-семантические особенности фразеологизмов с зоонимами в русском и китайском языках»* были рассмотрены семантические особенности устойчивых единиц отдельных семантических групп.

Несколько докладов было посвящено проблемам сравнительно-сопоставительной фразеологии (М.Б. Нагзибекова, Т.М. Хамидова, Е. Радованович, О.А. Гусева, И. Кур-Кононович, Ж.В. Марфина, А.Ю. Маслова, Л.А. Нефедова).

Продолжена разработка вопросов фразеологической полисемии, синонимии, фразеологического значения в докладах *Ю.В. Архангельской, Е.В. Богоявленской, О.С. Орловой, Е.И. Селиверстовой*.

Как показала секция «Фразеология и прагматика» изучение функциональных свойств фразеологизмов является одним из наиболее актуальных аспектов в современной лингвистике. Доклады участников были представлены двумя большими группами: изучение прагматических свойств фразеологизмов в институциональных дискурсах (юридическом, политическом, педагогическом, научном) (Д.С. Скарнев, И.Ю. Третьякова, И.Ю. Шишлова) и личностных, преимущественно художественных дискурсах (Е.Г. Акимова, Е.Н. Антонова (Сычёва), В.В. Никульцева, Е.А. Печурова, Д.А. Романов, Н.А. Калёнова, Е.А. Колобова, Т.В. Сафонова, А.Э. Павлова).

Особым объектом изучения стал язык СМИ (Е.Г. Борисова, А.Я. Есаян, Е.О. Матвеева, И.И. Савогина, Д. Антонякова) и Интернета (Я. Тарса, О.В. Ломакина и др.).

Доклады *В.А. Ефремова* «Этнонимы в составе фразеологизмов: истоки языка вражды», *М.Л. Лаптевой* «Фразеологические средства реализации коммуникативной стратегии сотрудничества» были посвящены прагматическому эффекту употребления фразеологизмов для достижения различных интенций.

Значимым направлением в исследовании фразеологии на современном этапе является лингвокультурологическое. На конференции оно было представлено отдельной секцией, в рамках которой были рассмотрены следующие проблемы: 1) отражение фразеологическим составом ценностей культуры (Л.Ю. Буянова, С.А. Кошарная, И.И. Чумак-Жунь, И.И. Сычева, А.П. Василенко); 2) изучение языковых личностей, лингвокультурных типажей (В.А. Колесникова, И.Е. Герасименко); 3) исследование лингвокультурного симболярия (В.Г. Кульпина, Т.Р. Душенкова, Т.В. Леонтьева, О.А. Мещерякова, Ли Вэньжуй, С.И. Романов, О.В. Шкуран); 4) сравнительно-сопоставительные исследования лингвокультур (В. Высочаньски, Е.И. Зиновьева, А.С. Алёшин, Ф.И. Карташкова, Р.Ф. Сахарова, Цю Сюеин, Чжан Личэн).

В рамках конференции были проведены два круглых стола.

Первым круглым столом «Современные методы и приемы изучения фразеологии» руководили доктор филологических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого *Г.В. Токарев*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН *М.Л. Ковшова*. На заседании были обсуждены условия использования современных методов исследования. К данным условиям относятся экспланаторность, когнитивная направленность, уход от диады «язык/речь» в сторону дискурсивного анализа. Участники круглого стола отметили нежесткость использования учеными современных методов, что приводит к их вариативности.

Вторым круглым столом «Перспективы фразеографии» руководил председатель фразеологической комиссии при международном комитете славистов, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета *В.М. Мокиенко*. На круглом столе обсуждались проблемы видов фразеологических словарей, объекта фразеографирования, макроструктуры и микроструктуры словарной статьи, адресности словарей, создания электронных интерактивных словарей.

В ходе конференции были обсуждены вопросы определения места фразеологии в современной лингвистике, расширены знания

о семантической и грамматической типологии, парадигмальных свойствах фразеологических единиц как особых знаках языка, обогащены взгляды фразеологов по ключевым проблемам теории фразеологии, функционирования фразеологизмов в современных дискурсах, взаимодействия их с другими языковыми знаками. В ходе научной дискуссии было сформулировано определение полипарадигмальности как рефлексированного перехода исследователя с метода на метод.

Итогом конференции стало решение продолжить изучение фразеологии в полипарадигмальном контексте. Исследования фразеологии должны носить интерпретационный характер. Исследования фразеологии могут осуществляться на семиотических принципах с привлечением нелингвистического материала с учетом дискурсивных свойств устойчивой единицы. Наиболее актуальными считать создание фразеологических словарей отдельных социумов и языковых личностей, сравнительно-сопоставительных словарей различных лингвокультур.

Материалы конференции были опубликованы в сборнике «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке» (Тула, 2018), который размещен в электронной научной библиотеке.

Grigorij Tokarev

THE TULA FORUM OF PHRASEOLOGISTS

*L. Tolstoy Tula State Pedagogical University
125 Lenin Prospekt, Tula, 300026.*

The article overviews the International conference *Polyparadigmatic Contexts of Phraseology in the 21st century*, held at the L. Tolstoy Tula State Pedagogical University in May, 2018. The forum aimed to discuss objectives, subject, methods, metalanguage for studying phraseological units from various linguistic areas, and to embrace phraseology developments in the framework of polyparadigmatism.

Key words: phraseology; paradigm; method; dictionary.

About the author: *Grigory Tokarev* — PhD in Philology, Professor L. Tolstoy Tula State Pedagogical University (e-mail: grig72@mail.ru).

ЮБИЛЕИ

Н.Е. Ананьева

ОЛЬГА ОЛДРЖИХОВНА ЛЕШКОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена научной и преподавательской деятельности доцента кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ, кандидата филологических наук Ольги Олдржиховны Лешковой.

Ключевые слова: О.О. Лешкова; польский язык; сопоставительная лингвистика; морфология; лексикология.

Свой юбилей отметила доцент кафедры славянской филологии, кандидат филологических наук Ольга Олдржиховна Лешкова. Вся ее профессиональная жизнь связана со славянским отделением, на которое она поступила в 1974 г.

Выбор славистики был предопределен семейными традициями: О.О. Лешкова — потомственный филолог, ее родители — видный чешский русист Олдржих Лешка и известная многим поколениям выпускников филфака доцент кафедры русского языка Ирма Александровна Долгих. Кстати, и старшая сестра Ольги Олдржиховны Алена окончила славянское отделение по специальности словацкий язык и литература. Родившаяся в Праге Ольга Олдржиховна, вероятно, предпочла бы изучать в качестве основного чешский язык, но в год ее поступления был объявлен прием в польскую группу. Таким образом, полонистика стала профессиональной стезей О.О. Лешковой.

В студенческие годы научной наставницей Оли Лешковой была доцент кафедры славянской филологии Т.С. Тихомирова, которая определила интерес своей ученицы к именным категориям и сопоставительному аспекту в славистических исследованиях. Надо сказать, что группа, в которой училась О. Лешкова, была одной из самых любимых групп Т.С. Тихомировой. Не случайно из нее вышли два кандидата филологических наук (кроме О.О. Лешковой, М.А. Осипова) и один доктор филологических наук (известный переводчик

Ананьева Наталья Евгеньевна — профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ananeva.46@mail.ru).

польской поэзии А.Б. Базилевский). Заметим, что студенты этой группы, в свою очередь, относились к Татьяне Сергеевне как к непрекаемому научному авторитету, в чем автор данной заметки могла убедиться во время летней диалектологической экспедиции в Литве в 1977 г., в которой в том числе участвовала юная Оля Лешкова.

Окончив в 1979 г. университет, О. Лешкова поступает в аспирантуру при кафедре славянской филологии, где под руководством Т.С. Тихомировой работает над кандидатской диссертацией «Функционально-семантическая категория собирательности в польском языке в сопоставлении с русским», которую успешно защищает в 1985 г. С января 1982 г. О.О. Лешкова становится сотрудником лаборатории филологического факультета «Русский язык и русская литература в современном мире», участвуя в изданиях этой лаборатории (например, в коллективной монографии «Обзор работ зарубежных лингвистов по русской морфологии (1970–1985 гг.)», авторы К.В. Горшкова, Е.В. Петрухина, О.О. Лешкова, Е.Б. Степанова, Е.В. Клобуков, П. Пипер).

В 1983 г. Лешкова приходит на кафедру славянской филологии, где трудится по настоящее время (с 2002 г. в должности доцента). Она ведет практические занятия по польскому языку как основному и как второму инославянскому, читает разнообразные спецкурсы («Словообразование имен в польском языке», «Сочетаемость слов и сопоставительный аспект ее изучения», «Специфика метафорической сочетаемости»), руководит спецсеминарами (в частности, традиционным на втором курсе спецсеминаром по словообразованию в современном польском языке) и дипломными работами. Начиная с чтения отдельных разделов общего лекционного курса «Грамматика современного польского языка» (словообразование и лексикология), после ухода Т.С. Тихомировой на заслуженный отдых О.О. Лешкова регулярно преподает эту одну из важнейших для полонистов дисциплин, требующую от лектора глубокого знания теоретической грамматики и прекрасного владения польским языком.

За время работы на кафедре славянской филологии О.О. Лешкова сформировалась в высококвалифицированного специалиста, серьезного исследователя польского языка и опытного преподавателя, умеющего заинтересовать своим предметом обучающихся. Выступления доцента О.О. Лешковой на кафедре в качестве рецензента дипломных работ всегда отличают глубина анализа и тонкость критических замечаний.

Сфера научных интересов О.О. Лешковой — морфология, именное словообразование, лексикология и лексикография современного польского языка, проблемы сопоставительного изучения славянских языков, плоттодидактика. Она является автором ряда статей, посвя-

щенных различным аспектам исследования современного польского языка, в том числе в сопоставлении с русским языком (например, о норме в сфере сочетаемости слов, о категории числа, о метафорической сочетаемости лексем, об отдельных явлениях в области словообразования, о заимствованиях и их адаптации в польском языке, о современной польской лексикографии и др.). О.О. Лешкова регулярно выступает с докладами на славистических совещаниях-семинарах, симпозиумах, конференциях и форумах разных уровней: от кафедрального до международного. Так, она участвовала в работе IV (Краков), V (Бжег-Ополе) и VI (Катовице) конгрессов зарубежных полонистов, материалы которых опубликованы в Польше.

О.О. Лешкова активно занимается переводческой деятельностью, опыт которой использует на занятиях со студентами. Она перевела на русский язык и отредактировала «Практическую грамматику польского языка», изданную в Кракове в 2012 г. (авторы: L. Madelska, O. Leshkova). Ею переведены на русский язык все статьи польских авторов в сборнике, изданном к 90-летию проф. Е.З. Цыбенко (*Studia polonoslavica: K 90-leciu so dnia rozenia E.Z. Cybenko*. Издательство Московского университета. М., 2014).

Еще одно направление деятельности О.О. Лешковой — сообщения в «Вестнике МГУ» (серия 9. Филология) о научной жизни кафедры славянской филологии, о выступлениях на кафедре гостей из Польши и институтов РАН. Особенно регулярно эти заметки появлялись в те годы, когда за хронику в «Вестнике МГУ» отвечала проф. Е.З. Цыбенко. В этом же издании были напечатаны также рецензии О.О. Лешковой на ряд трудов польских исследователей, например, на такие объемные произведения, как двухтомная монография В. Кайтоха (*W. Kajtoch. Językowe obrazy świata w prasie młodej*. Т. 1—2) и четырехтомный словарь словообразовательных гнезд современного польского языка (*Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*. Pod red. H. Jadackiej. Т. 1—4).

Ольга Олдржиховна общается со студентами не только в аудитории. Так, она ездила с ними на ознакомительную экскурсию во Вроцлав, курировала участие студентов-полонистов в переводческом семинаре в Катовицах-Сосновце, руководила краткосрочными поездками студентов на практику в Варшаву и Гданьск.

О.О. Лешкову отличает высокое чувство ответственности, которое проявляется, в частности, в выполнении ею обязанностей профорга. Ко всем поручениям, сопутствующим этим обязанностям, она относится чрезвычайно добросовестно и неформально. Вспоминается, с каким энтузиазмом Ольга Олдржиховна с покойной О.А. Ржанниковой организовали на кафедре одну из встреч Нового года, сколько здесь было проявлено выдумки и фантазии. Умение способствовать

поддержанию на кафедре теплой дружественной атмосферы — замечательное качество юбиляра.

Коллеги, студенты и аспиранты кафедры славянской филологии от всей души поздравляют О.О. Лешкову с юбилейной датой и желают ей (а также членам ее дружной семьи) здоровья и благополучия, а специально юбиляру — новых творческих успехов и хороших студентов.

Дорогая Ольга Олдржиховна! Мы Вас любим и ценим. Будьте счастливы! Sto lat!

Nataliya Ananyeva

CELEBRATING OLGA LESHKOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, 119991*

The article celebrates Olga Leshkova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology of the Faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University, as a researcher, teacher, and mentor.

Key words: Olga Leshkova; Polish; confrontive linguistics; morphology; lexicology.

About the author: *Natalya Ananyeva* — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ananeva.46@mail.ru).

А.А. Индыченко

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛИФАНОВ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Автор статьи описывает научные достижения и преподавательскую деятельность доктора филологических наук, профессора кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ Константина Васильевича Лифанова.

Ключевые слова: К.В. Лифанов; словацкий язык; литературный язык; история литературного языка; кодификация.

60-летний юбилей отметил доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий специалист по истории и современному состоянию словацкого языка Константин Васильевич Лифанов.

С именем К.В. Лифанова связано воспитание нескольких поколений словакистов в стенах Московского университета: долгие годы он читает лекционные курсы по истории, диалектологии, грамматике словацкого языка, ведет практические занятия по словацкому языку, руководит дипломными работами студентов славянского отделения, посвященными широкому диапазону проблем западнославянского языкознания.

Активную педагогическую деятельность Константин Васильевич сочетает с плодотворным научным творчеством — К.В. Лифанов является автором около 100 статей по проблемам славянского языкознания, постоянно выступает на международных конференциях, проводимых различными научными организациями в России и за рубежом (Словакия, Украина, Белоруссия, Сербия, Польша, Япония). Перу К.В. Лифанова принадлежат как учебные пособия — «Морфология словацкого языка» (М., 1999), «Диалектология словацкого языка» (М., 2012; 2015), так и монографии — «Язык духовной культуры словацких католиков» (М., 2000), «Язык восточнословацких публикаций в США (конец XIX — начало XX вв.)» (Мюнхен, 2005). Особенно высокую оценку международного научного сообщества получила его монография «Генезис словацкого литературного языка» (Мюнхен, 2001; 2008), в которой автором по результатам изучения огромного корпуса текстов в

Индыченко Артем Андреевич — кандидат филологических наук, в 2011–2014 гг. аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: slavlang.msu@gmail.com).

рамках единой оригинальной методики предлагается принципиально новая концепция истории словацкого литературного языка.

Константин Васильевич Лифанов родился в 1955 г. в г. Серпухове. В 1977 г. он окончил славянское отделение филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, защитив дипломную работу под руководством профессора С.Б. Бернштейна, вскоре после чего был приглашен на кафедру славянской филологии для преподавания словацкого языка. В 1985 г. К.В. Лифанов защитил кандидатскую диссертацию «Категория рода и категория одушевленности в истории словацкого языка». Как после окончания университета, так и после защиты кандидатской диссертации К.В. Лифанов регулярно проходил стажировки на философском факультете Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе (1979–1980; 1989–1990; 1994–1995), в последние же десятилетия география стажировок К.В. Лифанова-исследователя значительно расширилась — в 2001–2002 гг. он прошел полуторогодовую стажировку в США (Университет Питтсбурга), а в 2009–2010 гг. находился на стажировке в Будапеште.

В 2001 г. К.В. Лифанов защитил докторскую диссертацию на тему «Генезис словацкого литературного языка», в которой предложил новый и оригинальный подход к истории словацкого литературного языка — дисциплине, до сих пор остающейся полем ожесточенных дискуссий. Высокая научная значимость исследования К.В. Лифанова была признана ведущими специалистами по истории словацкого языка, работающими как в Словакии, так и за ее пределами. В основе концепции К.В. Лифанова — идея о том, что первая кодификация словацкого литературного языка А. Бернолака (1787) опиралась на словацкий литературный язык старого типа, который, в свою очередь, был закономерным продолжением развития словацкой редакции древнечешского литературного языка, сложившейся в ходе взаимодействия древнечешского литературного языка, употреблявшегося в XV–XVIII вв. на территории Словакии, с одной стороны, и словацких диалектов — с другой. В исследовании К.В. Лифанова убедительно доказывается, что словацкий литературный язык старого типа обладал всеми необходимыми признаками самостоятельного литературного языка, автором определены хронологические границы его существования и приведена периодизация его развития. В связи с особым интересом исследователя к общим закономерностям развития литературного языка донационального периода труд К.В. Лифанова внес значительный вклад не только в словакистику, но и в историю славянских литературных языков в целом.

Научные и педагогические достижения К.В. Лифанова были отмечены Памятной медалью Университета Я.А. Коменского в Братиславе (2004), Медалью общества словацких писателей (2006), а также Юбилейным нагрудным знаком к 250-летию МГУ им. М.В. Ломоносова (2004).

В настоящее время Константин Васильевич Лифанов продолжает свою научную и педагогическую деятельность на кафедре славянской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Им читаются авторские курсы «История словацкого языка», «История словацкого литературного языка», «Грамматика словацкого языка», «Грамматический строй словацкого языка в сопоставлении с чешским», «Языковые контакты словацкого языка», «Словацкие диалекты в письменных текстах», «Введение в славянскую филологию». К.В. Лифанов является постоянным членом оргкомитета международного научного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире», работает в редколлегии ряда сборников научных трудов как в России, так и в Словакии. Под руководством К.В. Лифанова защищено три кандидатские диссертации, а с 2003 г. он является членом диссертационного совета Д.501.001.19 по специальности 10.02.03 Славянские языки.

Коллеги, друзья и ученики Константина Васильевича знают и ценят в нем редкое сочетание качеств — человеческой и научной честности, исключительной порядочности, доброты, жизнерадостности, отзывчивости, упорства в достижении цели, высокой степени ответственности — как за себя, так и за общее дело. Сотрудничество с Константином Васильевичем — большая радость как для сотрудников кафедры славянской филологии, так и для ее аспирантов и студентов.

Сотрудники кафедры славянской филологии, ее аспиранты и студенты сердечно поздравляют Константина Васильевича Лифанова с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, новых творческих планов и успешного продолжения его педагогической работы и его долголетнего служения науке!

Artem Indychenko

CELEBRATING KONSTANTIN LIFANOV

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, 119991*

The article celebrates Konstantin Lifanov, Prof. Dr. of the Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, as a researcher, teacher, and mentor.

Key words: Konstantin Lifanov; Slovak language; literary language; history of literary language; codification.

About the author: *Artem Indychenko* — PhD in Philology, the Graduate Student of the Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: slavlang.msu@gmail.com).

ПАМЯТИ...

Е.А. Нефедова

ОКСАНА ГЕРАСИМОВНА ГЕЦОВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Ушла из жизни О.Г. Гецова, ученый-энтузиаст, всю свою жизнь с огромной любовью собиравший и изучавший народную речь. Она разработала и воплотила в жизнь концепцию «Архангельского областного словаря», признанного научной общественностью крупнейшим в мире словарем одного региона.

Ключевые слова: диалектология; лексикография; народные говоры.

13 января 2019 г., на 94-м году жизни скончалась Оксана Герасимовна Гецова (1925–2019), выдающийся ученый-диалектолог, историк языка, создатель «Архангельского областного словаря».

Оксана Герасимовна родилась в Киеве, в профессорской семье. Ее отец был известным педиатром. Когда Оксане Герасимовне исполнилось два года, семья переехала в Москву. Школу она закончила во время войны, будучи в эвакуации в Омске. Школьницей получила специальность тракториста-комбайнера и все лето проработала на комбайне на юге Омской области.

Оксана Герасимовна очень рано определилась как филолог, но во время эвакуации в Омске поступила в медицинский институт и проучилась там год. Вернувшись в 1943 г. из эвакуации в Москву, она поступила в Московский университет на филологический факультет. По воспоминаниям Оксаны Герасимовны, после первого курса ей очень хотелось поехать в фольклорную экспедицию, но шла война, все экспедиции отменили и послали студентов на лесозаготовки в Ярославскую область, где она проработала все лето, включая сентябрь.

В университете Оксана Герасимовна слушала лекции Л.В. Щербы, Г.О. Винокура, Е.М. Галкиной-Федорук, Р.И. Аванесова, В.В. Виноградова, В.Н. Сидорова, П.С. Кузнецова, С.И. Бернштейна и многих других замечательных ученых. Летом 1945 года она поехала в свою первую диалектологическую экспедицию. На четвертом

Нефедова Елена Алексеевна — профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ (e-mail: eanefedova@gmail.com).

курсе Оксана Герасимовна пришла в семинар к Р.И. Аванесову, у которого писала курсовую, затем дипломную работы. Материал о безударных гласных неверхнего подъема после шипящих согласных был включен Р.И. Аванесовым в монографию «Очерки русской диалектологии».

Филологический факультет МГУ Оксана Герасимовна окончила в 1948 г., в 1952 г. под руководством Р.И. Аванесова защитила кандидатскую диссертацию: монографическое описание говора с. Катагощи Рязанской обл. Материал для диссертации был собран ею в диалектологических экспедициях в этот населенный пункт.

После окончания аспирантуры Оксана Герасимовна была оставлена на кафедре русского языка, где и проработала всю свою жизнь. Оксана Герасимовна читала лекции и вела практические занятия как по дисциплинам исторического цикла, так и по современному русскому языку. Но страстью ее всегда оставалась русская диалектология. Много лет Оксана Герасимовна была заведующей кабинетом русской диалектологии, руководителем диалектологической практики, выезжала со студентами в экспедиции. В 1950-е годы она неоднократно ездила в экспедиции по сбору материала для «Диалектологического атласа русского языка». В 1956 г. Оксана Герасимовна повезла студентов своего семинара в экспедицию в Шенкурский район Архангельской области. Именно в этой экспедиции, кроме работы по программе Атласа, начался сбор материала по лексике, что фактически стало началом работы над «Архангельским областным словарем».

Это было время, когда в науке активно обсуждался вопрос о типе диалектного словаря, который вырабатывался в оппозиции: полный словарь, включающий всю лексику говора, — дифференциальный словарь, включающий только диалектную лексику. Научная полемика касалась таких важных для диалектной лексикографии вопросов, как понимание диалектного слова и критерии его выделения, содержание принципа дифференциальности и его соотношение с принципом системности. Эта полемика отражена в трудах Ф.П. Филина, Б.А. Ларина, И.А. Оссовецкого, О.Г. Гецовой и многих др.

О.Г. Гецовой были разработаны теоретические принципы АОС, полное и последовательное отражение которых представлено в «Проекте Архангельского областного словаря». На заседании кафедры русского языка обсуждались два Проекта, О.Г. Гецовой и ее ученика В.Я. Дерягина. Кафедра, которой в то время руководил В.В. Виноградов, безоговорочно поддержала Оксану Герасимовну. Появление «Проекта» в 1970 г. явилось важным этапом в развитии лексикографической теории и практики.

АОС был задуман как словарь дифференциального типа, но с широким пониманием принципа дифференциальности. Оксаной Герасимовной был определен основной критерий отбора лексики для Словаря, состоящий в ее отличии от нейтральных слов литературного языка. Кроме диалектной, в Словарь включается также лексика разговорная, просторечная, устаревшая в литературном языке и не имеющая такой стилистической окрашенности в архангельских говорах. В целом ряде работ О.Г. Гецовой 1960-х — начала 1970-х годов прослеживается особое внимание к сочетаемости слова, к его функционированию в контексте, столь актуальное для современной научной парадигмы. При этом речь идет не только об устойчивых сочетаниях, но и о свободной сочетаемости слов, обнаруживающейся в процессе их функционирования. Для диалектологии и диалектной лексикографии того времени это была новаторская позиция.

Первый выпуск Словаря вышел из печати в 1980 г. К настоящему времени издано 19 выпусков, в них вошли слова на буквы «А—З», буква «З» еще не закончена, впереди огромная работа. «Архангельский областной словарь» признан крупнейшим в мире словарем одного региона. Он широко известен всем диалектологам нашей страны и за рубежом.

Оксана Герасимовна — автор более семидесяти научных работ. Она была ученым-энтузиастом, всю свою жизнь с огромной любовью собиравшим и изучавшим народную речь. Под ее руководством защищено 11 диссертаций, авторы которых успешно работают в области русистики как в университетах России, так и за рубежом. Она сумела создать коллектив единомышленников и продолжателей ее дела, преданно и увлеченно работающих над Словарем. Ученики и коллеги Оксаны Герасимовны всегда восхищались ее стойкостью, собранностью, страстным желанием не только учить, но и постоянно учиться («расти» — как она сама всегда говорила).

Оксана Герасимовна была замечательным человеком, умным и остроумным, непреклонным и принципиальным, но в то же время добрым и великодушным, яркой и многогранной личностью с широкой сферой интересов и увлечений, которым она предавалась всей душой. Достаточно сказать, что в молодости она занималась верховой ездой, водила машину, вместе с сыном увлекалась коллекционированием марок и репродукций. Она была хлебосольной хозяйкой, любила устраивать посиделки в кабинете диалектологии, умела создавать кулинарные шедевры даже в условиях северной деревни, в русской печи.

Оксана Герасимовна прожила долгую, яркую, достойную жизнь. Ее кончина вызвала широкий отклик в сердцах коллег и учеников.

Вот несколько текстов с соболезнованиями по поводу кончины Оксаны Герасимовны.

«Сотрудники Института лингвистических исследований РАН выражают искренние соболезнования в связи с уходом доктора филологических наук Оксаны Герасимовны Гецевой, добрейшего человека и прекрасного специалиста, посвятившего всю свою жизнь научной работе. Неоценим вклад Оксаны Герасимовны в изучение современных русских говоров, в первую очередь архангельских. Она проявила себя как блестящий организатор исследовательской, лексикографической и полевой работы. Её авторитет среди диалектологов России и всего славянского мира неоспорим. Пусть труд всей её жизни продолжается и сейчас.

*По поручению коллектива ИЛИ РАН
директор ИЛИ РАН, член-корр. РАН
Е.В. Головкин».*

«Дорогие коллеги! Глубоко скорбим вместе с вами. Память об Оксане Герасимовне навечно сохраняют тома замечательного “Архангельского областного словаря”, созданная ею уникальная картотека, ее научные и учебно-методические труды по русской диалектологии. Те из нас, кому посчастливилось встречаться с Оксаной Герасимовной, запомнили ее как невероятно притягательного, умного и остроумного, живого и мужественного человека, ученого-энтузиаста, с огромной любовью и увлеченностью собиравшего и изучавшего русскую народную речь.

Лингвисты Саратовского университета»

«Коллеги! Скорбим вместе с вами! Оксана Герасимовна была мудрым педагогом, вдохновенным исследователем диалектов, оригинальным интересным человеком. Для нас памятны встречи с ней, мы преклоняемся перед ее (и вашим, конечно!) детищем — Архангельским областным словарем. Примите наши искренние соболезнования.

*Диалектологи УрФУ Е.Л. Березович,
Т.Н. Дмитриева, Е.Э. Иванова, М.Э. Рут».*

«Дорогие коллеги, примите наши глубочайшие соболезнования, Ваш Учитель Оксана Герасимовна была замечательным ученым и очень правильным человеком. Упокой, Господи, ее душу в Царствии Небесном. Не случайно Бог даровал ей долгую жизнь. А лучшим памятником ей будет ее замечательный Словарь — один из наиболее успешных научных проектов нашей кафедры. И здорово, что Учитель воспитал учеников, теперь есть кому продолжить ее дело, закончить издание словаря. Всегда будем помнить Оксану Герасимовну.

Ваш Е.В. Клобуков».

Вечная, светлая и добрая память Оксане Герасимовне Гецевой!

Elena Nefedova

OKSANA GETSOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is an obituary of Oksana Getsova, Professor of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. A prominent scholar of vernacular Russian, she put into effect the concept of the Dictionary of Archangelsk Dialects, *Arhangel'sky Oblastnoj Slovar*, the world's biggest dictionary describing the language of a single region.

Key words: dialectology; lexicography; folk dialects.

About the author: *Elena Nefedova* — Prof. Dr., Russian Language Department Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: eanefedova@gmail.com).